

ISSN 2409-336X

ВЕСНІК

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

2 (52)
2018

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д.С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар);
д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (нам. галоўнага рэдактара);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Д.У. Дук (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар К.М. Бандарэнка (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Мінск)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
д-р філас. навук прафесар А.П. Пунчанка (Адэса, Украіна)
д-р філас. навук М.С. Конах (Каменскае, Украіна)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.В. Доўгаль (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс "Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А.А. Куляшова" ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811–12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
пакой 223, т. (8-0222) 28-31-51

ЗМЕСТ

АГЕЕЎ А. Р. 1918-ы год у гісторыі МДУ імя А. А. Куляшова.	
Да 105-годдзя з пачатку гісторыі МДУ імя А.А. Куляшова	4
ГОРОБЕЦ И. В. Фактор терроризма в индийско-пакистанских отношениях	13
ЖИЖИЯН С. Ф. Культурные и сакральные валуны Могилевского Поднепровья	17
ПУШКІН І. А. Кадровая палітыка партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва БССР у 1970-я гг. (на прыкладзе Віцебскай і Магілёўскай абласцей)	25
ГАРМАТНЫ В. П. Народныя рамёствы і промыслы ў штодзённасці Палескага ваяводства (1921–1939 гг.)	31
КАРПІЕВІЧ В. А. Аналіз крыніц па гісторыі гандлёвага прадпрыемства ў Беларусі ў другой палове XIX ст.	37
КОРСАКОВ Д. Г. Деятельность Попечительства детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии в Витебской, Минской и Могилевской губерниях в начале XX в. (1900–1917 гг.)	42
БУЛАТЫ П. Ю. Павіннасці сялян і мяшчан Ляхавіцкага графства на карысць каталіцкай парафіі ў XVII–XVIII стст.	49
ГРЫШЭЛЬ А. М. Неафашысцкі рух у Францыі пасля Другой сусветнай вайны	55
КИСЕЛЕВ А. А. Пропаганда против полиции в белорусских губерниях в период Первой российской революции 1905–1907 гг.	63
СИДОРОВА С. О. Деятельность почтово-телеграфных учреждений на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX века	70
ДЬЯЧЕНКО О. В. Сущность и тенденции развития иеговизма в современной Беларуси	76
БЕЛОГОРСКАЯ Л. В. Особенности художественного мира последних романов Александра Грина	82
КРУГЛОВА В. В. Філасофская парадыгма творчасці Янкі Лучыны	88
КРИКЛИВЕЦ Е. В. Способы субъектной организации русской и белорусской модернистской повести второй половины XX века	94
ДАНИЛЕЦ Д. А. Способы образования терминов медицинской эстетиологии во французском языке	98
ЧЕРНОВА М. С. У истоков русского литературоведения: историко-литературные опыты А. С. Пушкина	106
БИРЮК И. Б., ПОТЕМКИН А. Н. Прагматический анализ речевых актов негативной реакции	112
ХОМЕНКО Е. В. Особенности интегративного лингвопрофессионального образовательного процесса в техническом университете	117

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 378.4(476.4)(091)

1918-ы ГОД У ГІСТОРЫІ МДУ імя А. А. КУЛЯШОВА Да 105-годдзя з пачатку гісторыі МДУ імя А.А. Куляшова

А. Р. Агееў

кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова

У артыкуле аналізуюцца запісы часопіса выходнай дакументацыі Магілёўскага настаўніцкага інстытута за 1918 г. Яны з'яўляюцца каштоўнай гістарычнай крыніцай і даказваюць, што інстытут не прыпыніў сваёй дзейнасці ў 1918 г., нягледзячы на тое, што ў сакавіку горад быў заняты польскімі ўзброенымі фарміраваннямі, якія у маі змянілі германскія войскі. З запісаў відаць, якім чынам пасля ўсталявання савецкай улады ў горадзе настаўніцкі інстытут быў пераўтвораны ў Магілёўскі педагагічны інстытут у канцы года. Дзякуючы запісам у журнале мы змаглі аднавіць храналогію інстытуцкага жыцця ў самы складаны перыяд яго існавання.

Ключавыя словы: Магілёўскі настаўніцкі інстытут, Тычынін, Бычкоў, Магілёўскі педагагічны інстытут, вышэйшая школа, адукацыя, Магілёў.

Уводзіны

Адзін з самых маладаследаваных гадоў у гісторыі Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова з'яўляецца 1918 год. Год у гісторыі краіны і нашай ўстановы быў рэвалюцыйным, канфліктным і лёсавызначальным, бо напрыканцы яго інстытут стаў вышэйшай навучальнай ўстановай, што і прадвызначыла ў будучым магчымасць пераўтварэння яго ва ўніверсітэт.

Доўгі час лічылася, што ў 1918 г. польскія легіянеры і нямецкія інтэрвенты, якія ў сакавіку захапілі Магілёў, рэквізавалі памяшканне інстытута, разрабавалі бібліятэку і маёмасць інстытута, а яго становішча было настолькі залежным, што патрабаваўся дазвол нямецкага камандавання нават на правядзенне вячэрніх заняткаў і паездкі студэнтаў у

вёскі за прадуктамі харчавання. Хаця і ў першых публікацыях прызнавалася, што, “нягледзячы на крайне бядотны стан”, настаўніцкі інстытут працягваў работу і нават “правёў чарговы набор студэнтаў” [1, с. 8–9]. Практычна гэтымі звесткамі і абмяжоўвалася ўся вядомая нам інфармацыя пра гэты вызначальны год, калі праходзіла рэформа настаўніцкіх інстытутаў, а ўстанова не прыпыніла сваю дзейнасць, нягледзячы на акупацыю, матэрыяльную нястачу, змагла захаваць калектыв, выпускаць гадаванцаў. Менавіта працяг дзейнасці ў неспрыяльных умовах дазволіў пасля ўступлення 31 кастрычніка 1918 г. у Магілёў войскаў Чырвонай Арміі правесці працу па пераўтварэнні настаўніцкага інстытута ў педагагічны.

Падзеі стагадовай даўніны праз гісторыю стварэння і дзейнасці настаўніцкага і педагагічнага інстытутаў, разгляд змены імён і назваў установы былі намі канспектыўна закрануты ў папярэдніх публікацыях [2; 3]. Але інфармацыя і ў іх была надзвычай сціслая. Выключэннем было высвятленне ролі, якую мелі некаторыя выкладчыкі інстытута ў грамадска-палітычных працэсах жыцця краіны [4].

Недаследаванасць падзей 1918 г. мае аб'ектыўную аснову – амаль поўную адсутнасць наяўных крыніц. Архіўных спраў, якія б адлюстроўвалі падзеі 1917–1918 гг., амаль не захавалася. У рэвалюцыйных умовах рэфармавання сістэмы адукацыі і ломкі дзяржаўнай машыны яны папросту не здаваліся ў архівы. Прыемным і ўнікальным выключэннем з'яўляецца справа № 45 “Журнал исходящих бумаг Могилевского учительского института” першага вопісу фонду № 2258 Магілёўскага настаўніцкага інстытута ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі, якую нам ўдалося капіраваць і дакументы якой даюць магчымасць прыадкрыць заслону таямнічасці [5]. Па запісе ў вопісе фонду яна адносіцца да 1917 г., але насамрэч утрымлівае запісы за 1917–1920-я гг.

Справа ўяўляе сабой журнал (фактычна – кнігу) выходнай дакументацыі інстытута, якая пачынаецца з мая 1917 г. і завяршаецца ў жніўні 1920 г. Першыя

дзевяць старонак кнігі адсутнічаюць, што бачна па старой нумарацыі старонак справы. Першы запіс № 26 ад 26 мая 1917 г. адкрывае фіксацыю ліставання, а запіс № 985 ад 31 жніўня 1920 г. яе завяршае. Нягледзячы на канспектыўны характар запісаў у кнізе, адсутнасць звестак аб рэакцыі адрасатаў на інстытуцкія лісты, яны на сёння з'яўляюцца, па сутнасці, адзінай крыніцай, якая сістэмна і храналагічна, паслядоўна, па днях апісвае тыя падзеі і праблемы, якія стаялі перад кіраўніцтвам і калектывам інстытута ў складаным 1918 г., калі вырашаўся лёс установы і не раз стаяла пытанне пра яе існаванне. Першыя некалькі выпісак са справы апублікаваны намі ў 2003 г.

Дэталёвы аналіз гэтай спецыфічнай крыніцы для выяўлення і апісання падзей, якія адбываліся 100 гадоў таму, якія дазволілі захавацца ўстанове, з'яўляецца мэтай гэтага артыкула.

Асноўная частка

Магілёўскі настаўніцкі інстытут быў адкрыты ў 1913 г. у сувязі з вострым недахопам кваліфікаваных настаўнікаў у беларускіх губернях. Магілёў стаў другім пасля Віцебска горадам на тэрыторыі сучаснай Беларусі і 27–32-м у Расійскай імперыі, дзе пачаў дзейнічаць настаўніцкі інстытут. Інстытут стаў першай педагагічнай установай з трохгадовым тэрмінам навучання ў Магілёўскай губерні. Пасля лютаўскіх падзей рэвалюцыі 1917 г. пачалася дэмакратызацыя настаўніцкіх інстытутаў, якія абвешчаліся аўтаномнымі навучальнымі ўстановамі з падпарадкаваннем непасрэдна Міністэрству асветы Расіі. Ужо ўлетку Часовы ўрад прыступіў да ліквідацыі нацыянальных, рэлігійных, сацыяльных абмежаванняў у сферы адукацыі, у тым ліку дазволіў прымаць у навучальныя ўстановы асоб абодвух палоў. У інстытутах уведзілася выбарнасць педагагічнага кіраўніцтва, дазвалялася выкладанне на родных мовах студэнтаў і вывучэнне нацыянальных моў, літаратуры, гісторыі, краязнаўства, а таксама ўтварэнне нацыянальных аддзяленняў.

Першыя запісы ў журнале выходнай дакументацыі за 1918 г. з'яўляліся тыповымі. Запіс № 1 ад 2-га студзеня адкрывае ліставанне 1918 г. У ім

зафіксавана адпраўка Людміру Чаркоўскаму ў Шумячы аб'яўлення аб умовах залічэння ў інстытут [5, л. 36]. Такія лісты будуць накіроўвацца па розных адрасах на працягу ўсяго 1918 г. Асабліва інтэнсіўна ў час набору студэнтаў – у студзені і жніўні – верасні.

Запіс № 2 ад 3 студзеня сведчыць пра выдачу пасведчання Міхайлу Каменскаму аб заканчэнні ім курса інстытута ў 1916 г. [5, л. 36]. Такія даведкі таксама будуць даволі пашыранай з'явай у запісах 1918 г. Таксама частай з'явай была выдача пасведчанняў пра тое, што навучэнцы інстытута з'яўляюцца яго гадаванцамі або вучыліся ў ім да паступлення на ваенную службу. Першае было выдадзена 5 студзеня навучэнцу трэцяга класа Паўлу Ісакаву [5, л. 36 Аб.].

З запісаў увогуле бачна дастаткова інтэнсіўная перапіска з навучэнцамі і прасіцелямі: адказы на іх звароты, лісты з умовамі прыёму ў інстытут, выпіскі з пратаколаў педагагічнага савета з рашэннямі аб прашэннях настаўнікаў, з умовамі здачы экзамену на званне настаўніка вышэйшых пачатковых вучылішчаў і г. д.

Наступныя запісы таксама тыповыя. Запіс № 3 ад 4 студзеня фіксуе асігнацыю ў Магілёўскае казначэйства на выплату пісьмаводу Міхайлу Малевічу 581 руб. 25 кап. сутачнага забеспячэння за студзень месяц. Запісы № 4–10 таксама сведчаць пра фінансавую і канцылярскую дзейнасць інстытута. Кіраўніцтва інстытута выпісвала асігнацыі за друкаванне бланкаў для канцылярыі ўстановы ў Магілёўскай губернскай друкарні, адпраўляла зваральныя ведамасці аб грашовых сумах, грашовым абароце інстытута, спецыяльных сумах, дэпазітных сумах інстытута і г. д. [5, л. 36]. Зваральныя ведамасці надалей таксама рэгулярна адпраўляліся ў Магілёўскую кантрольную палату, у Міністэрства народнай асветы. Рэгулярнымі былі таксама звароты ў казённую палату і Папачыцелю Віленскай навучальнай акругі з мэтай асігнання фінансавых сродкаў на заробкі супрацоўнікам і стыпендыі студэнтам. Так, на студзень 1918 г. кіраўніцтва прасіла 9 740 руб. [5, л. 36 Аб.]. Ва Упраўленне Віленскай навучальнай акругі перыядычна

адпраўляліся пратаколы педагагічнага савета інстытута. Папачыццелю акругі дасылаліся прашэнні аб прызначэнні выкладчыкаў і пераводзе іх на пасады.

Дзякуючы такім фінансавым і канцылярскім дакументам і выдачы пасведчанняў мы ведаем імёны першых выкладчыкаў і студэнтаў інстытута. Так, пасведчанне настаўніку спеваў А. Бекарэвічу сведчыць пра тое, што ён быў прыняты ў інстытут у верасні 1916 г. [5, л. 36 Аб.].

Фіксуецца перапіска з іншымі навучальнымі ўстановамі пра навучанне гадаванцаў (з выпіскамі дакументаў і інфармацыяй аб іх атрыманні). Першым такім запісам з'яўляецца ліст 7 студзеня ў Горацкую павятовую земскую ўправу аб атрыманні дакументаў П. Хадоскі і А. Прышчанава (прозвішчы не заўсёды напісаны дакладна. – А.А.) [5, л. 36 Аб.].

Кіраўніцтва інстытута аказвала метадычную дапамогу іншым навучальным установам. Так, 9 студзеня дырэктару Гомельскай настаўніцкай семінарыі быў накіраваны спіс кніг для экстэрнаў на званне настаўніка вышэйшых пачатковых вучылішчаў, даваліся заключэнні аб іх “юрыдычнай і тэхнічнай адпаведнасці” патрабаванням і г. д. [5, л. 36 Аб., 57].

Ліставанне сведчыць, што перанейшаму востра стаяла пытанне пра памяшканне інстытута па вул. Быхаўскай, 22. Частка яго была занята пад воінскія патрэбы ў сувязі з пераводам у Магілёў Стаўкі Вярхоўнага Галоўнакамандуючага расійскай арміі ў 1915 г. Дырэктар інстытута Тычынін неаднаразова дасылаў лісты ў гарадскую управу, гарадскую думу, расійскім, польскім, а потым нямецкім ваенным начальнікам з прапановамі вяртання занятых памяшканняў, вырашэння камунальных праблем. З запісаў бачна, што пытанне пра арэндную плату за займаемае памяшканне разглядалася на пасяджэннях педагагічнага савета інстытута 25–30 лістапада 1917 г., 22 студзеня 1918 г. [5, л. 39]. У сувязі з інфляцыяй домаўладальнікаў у Магілёве не задавальняла ранейшая арэндная плата. Але абмежаванні па яе павышэнні і адсутнасць дадатковых сродкаў заміналі ўрэгуляванню пытання. На працягу ўсяго года дырэктар інстытута

звяртаўся да домаўладальніка Міхаіла Рыгоравіча Гартынскага, яго сястры Лізаветы Рыгораўны Тычыны з просьбамі атрымання арэнднай платы, якую яна не жадала браць, і напамінамі аб неабходнасці правядзення рамонтаў і абслугоўвання дома [5, л. 59 Аб.]. У выніку многія камунальныя праблемы цяпер вымушана было вырашаць кіраўніцтва інстытута.

Журнал выходнай дакументацыі дазваляе разгледзець дзейнасць інстытута ў 1918 г. храналагічна паслядоўна.

У студзені 1918 г. аднавіліся заняткі ў інстытуце. Напачатку 1918 г. (у сувязі з дэмабілізацыяй расійскай арміі) у інстытут пачалі паступаць прашэнні ад былых выхаванцаў, якія былі ў свой час прызваны ў армію, аб прыняцці іх у лік слухачоў. Інтэнсіўна пасылаліся лісты аб умовах прыёму ў інстытут. Разглядалася пытанне пра аднаўленне заняткаў у вышэйшым пачатковым вучылішчы пры інстытуце [5, л. 39 Аб.].

Дырэктар інстытута Тычынін 13 студзеня прасіў Папачыццеля Віленскай навучальнай акругі зацвердзіць Я. Жыхарава з 1 студзеня сакратаром педагагічнага савета інстытута [5, л. 37 Аб.].

У студзені дырэктар неаднаразова адпраўляў лісты ў Магілёўскую гарадскую ўправу з просьбамі прыслаць асенізацыйны абоз для ачысткі памойнай ямы, а таксама водаправодчыкаў для рамонту водаправода ў занятым інстытуце доме № 22 па вуліцы Быхаўскай [5, л. 39 Аб., 40 Аб.]. Домаўладальнік інстытуцкага будынка, як і многіх іншых дамоў Магілёва, не жадаў выконваць свае абавязкі па ўтрыманні дома, аб чым і паведаміў Тычынін 27 студзеня начальніку 2-га ўчастка магілёўскай гарадской міліцыі з просьбай прымусіць домаўладальніка Л. Тычыну да іх выканання [5, л. 40].

У лютым працягвалася перапіска і рассылка друкаваных аб'яў аб умовах прыёму ў інстытут.

Камунальнай праблемай стала ў сярэдзіне лютага аплата 1 700 руб. за дровы, якімі ацяплялася памяшканне інстытута [5, л. 41].

Нарэшце вырашылася пытанне з кватэрай інстытута. Лісты каманданту Стаўкі і г. Магілёва аб вызваленні кватэры інстытута адпраўляліся 17 лютага, аб

прыёме маёмасці інстытута – 20 лютага, і, нарэшце, на 24-га быў прызначаны агляд школьным і інстытуцкім доктарам пакінутых ваенным ведамствам інстытуцкіх памяшканняў [5, л. 41–42]. Яе вызваленне было звязана з вывадам Стаўкі з Магілёва. Нягледзячы на вяртанне інстытуцкіх памяшканняў па вуліцы Быхаўскай праблема не лічылася вырашанай. Гэтыя памяшканні былі з 1913 г. прыстасаваны для навучання, знаходзіліся пасля ўтрымання вайскоўцамі не ў вельмі добрым стане. 28 сакавіка была адпраўлена просьба ў бюро Магілёўскага губернскага школьнага камітэта аб прадастаўленні інстытута памяшкання. 8 сакавіка быў накіраваны ліст домаўладальніку Тычыне аб неабходнасці рамонту памяшканняў, пакінутых ваенным ведамствам. Паралельна вялася перапіска з кіраўніцтвам мужчынскай гімназіі аб памяшканнях для інстытута. У Магілёўскую гарадскую ўправу 12 сакавіка быў накіраваны зварот аб прадастаўленні інстытута і гарадскому пры ім вучылішчу бясплатна якога-небудзь грамадскага будынку [5, л. 43–45].

Цяжкія ўмовы 1918 г., нявызначанасць палітычнай сітуацыі падштурхнулі педагогічны савет 24 лютага (пракакол № 6) абмеркаваць і ў гэты ж дзень прасіць Папаячыцеля Віленскай навучальнай акругі аб датэрміновым завяршэнні навучальнага года. Ужо 26 лютага было выдадзена 20 атэстатаў аб заканчэнні Магілёўскага настаўніцкага інстытута: Анціпенкаву, Бабічу, Вільнявецкаму, Грабоўскаму, Гуцаленку, Яжгураву, Зянкевічу, Ісакаву, Карніку, Кожэчкіну, Каралюку, Лявоніку, Пракапенку, Рад..., Рытусу, Рубанаву, Салашынскаму, Семусенкаву, Федчанку, Філіпновічу [5, л. 42 Аб.-43 Аб.]. У наступныя месяцы заняткі працягваліся ў першым і другім класах інстытута.

У канцы лютага ў сувязі з пачаткам нямецкага наступлення актывізавалася гаспадарчая дзейнасць кіраўніцтва інстытута. Начальніку Магілёўскага гарнізона 26 лютага былі адпраўлены просьбы аб выдачы дазволу на атрыманне са склада правіянту для 16 сямействаў супрацоўнікаў інстытута, “ісхадайнацаў” які папрасілі выкладчыка Бекарэвіча. Тэрмінова ў канцы лютага – пачатку

сакавіка пішуцца асігнацыі на атрыманне жалавання для супрацоўнікаў на сакавік і красавік [5, л. 42 Аб. – 44].

Нягледзячы на цяжкія ўмовы існавання інстытут прасіў губернскую земскую ўправу павялічыць штогадовую субсідыю да 3 000 руб., праводзіў падпіску на дастаўку для інстытута газеты, прасіў фінансавання на канцылярскія патрэбы, на закупку для патрэб хімічнай лабараторыі і фізічнага кабінета і г. д. Загадчыку магілёўскай гарадской электрастанцыі быў накіраваны 12 сакавіка ліст аб забеспячэнні інстытута электрычным асвятленнем без павышэння платы за яго [5, л. 44 Аб. – 45].

Дырэктар інстытута Тычынін 12 сакавіка накіроўвае ў бюро Магілёўскага губернскага камітэта па народнай адукацыі запіску пра гадавыя курсы па падрыхтоўцы настаўнікаў для вышэйшых пачатковых вучылішчаў з праграмамі для іх. Надалей фіксуецца перапіска пра іх забеспячэнне праграмамі [5, л. 45–46]. У сувязі адкрыццём курсаў кіраўніцтва інстытута даручыла настаўніку фізікі і прыродазнаўства Пагарэцкаму прывесці ў парадак фізічны і прыродазнаўчы кабінет, а бібліятэкару выкладчыку Пархоменку – бібліятэку інстытута і прыняць ад канцылярыі перыядычныя выданні, карты і г. д. [5, л. 45 Аб.].

Не забываліся і на перспектывы існавання інстытута. У Камісарыят па народнай асвеце 28 сакавіка быў накіраваны каштарыс на ўтрыманні інстытута ў 1919 г. На наступны дзень выкладчыку спеваў Бакарэвічу быў адпраўлены ліст аб складанні праграмы для выкладання спеваў у інстытуце ў 1918/1919 навучальным годзе [5, л. 46 Аб.].

Нягледзячы на вызваленне расійскай арміяй шматлікіх будынкаў у горадзе, інстытут па-ранейшаму месціўся ў сваім былым будынку. Яго кіраўніцтва вымушана было вырашаць шматлікія гаспадарчыя пытанні.

За гаспадарчымі і вучэбнымі справамі ў журнале не надта акрэсленымі застаюцца важныя ваенна-палітычныя змены, якія адбыліся ў горадзе. Савецкая ўлада ў Магілёве пратрымалася нядоўга. Ужо ў сакавіку 1918 г. горад Магілёў быў заняты польскімі войскамі, а ў маі – германскімі ўзброенымі фарміраваннямі.

У 1918 г. Магілёў апынуўся літаральна на мяжы дзвюх дзяржаў, дакладней, іх армій. Паміж Савецкай Расіяй і Германіяй была ўсталявана па Дняпры дэмаркацыйная лінія. Магілёў быў падзелены на дзве часткі да кастрычніка 1918 г., калі немцы пачалі эвакуацыю сваёй арміі.

Адміністрацыя інстытута цяпер ўзгадняла свае рашэнні з новымі ўладамі. Толькі 4 красавіка (22 сакавіка па старым стылі) з'яўляецца запіс аб тым, што У. Тычынін прасіў грошай на ўтрыманне інстытута і вышэйшага пачатковага вучылішча ў начальніка забеспячэння і фінансаў польскага корпуса палкоўніка Дыбоўскага. Запісы журнала дазваляюць меркаваць, што Магілёў быў заняты польскімі ўзброенымі атрадамі толькі напрыканцы сакавіка па новым грыгарыянскім календары. Ужо 9 красавіка зафіксаваны зварот у ліквідацыйную камісію пры Першым корпусе польскіх войск с просьбай паведаміць, ці атрымана арматура, узятая з настаўніцкага інстытута [5, л. 47 Аб., 48].

У красавіку працягвалася перапіска па пытанні размяшчэння інстытута ў доме № 22 на Быхаўскай вуліцы, прадстаўлення бясплатнага памяшкання. Вырашаліся і іншыя шматлікія гаспадарчыя і вучэбныя пытанні. Некаторыя з іх былі дробнымі, але патрабавалі шматлікіх высілкаў, як, напрыклад, рамонт уязной брамы [7, с. 29; 5, л. 48].

Адміністрацыя інстытута 5 красавіка накіравала жонкам супрацоўнікаў – Гутараўскай і Пігулеўскай – зварот аб “магчыма меншым карыстанні электрычным асвятленнем, дровамі, аб падтрыманні чысціні ў двары і сядзібе і наглядзе за дзецьмі” [5, л. 47 Аб.].

Выходныя паперы сведчаць пра выдачу выкладчыкам інстытута пропусках для знаходжання на вуліцах горада ўвечары ў сувязі з правядзеннем заняткаў у вячэрні час. З 8 красавіка пачынаецца выдача гадаванцам інстытута адпускных білетаў па 1 верасня 1918 г. Такіх білетаў, згодна з запісамі, налічвалася 25. У дадатак да адпускнога білета было выдадзена 22 пасведчанні. У іх налічваецца сем жанчын. Некаторыя з навучэнцаў фігуруюць толькі ў адным са спісаў. А некаторым з іх выдаюцца пасведчанні аб пераводзе

ў другі і трэці клас інстытута (магчыма, у сувязі з пераводам ці заканчэннем вучобы). Чатырох навучэнцаў датэрмінова перавялі ў старэйшыя класы інстытута [5, л. 47 Аб.-50]. Такім чынам, можна меркаваць, што ў канцы 1917/1918 навучальнага года ў першым і другім класах навучалася не менш за 30 гадаванцаў інстытута. Пры гэтым невядома, ці выдаваліся адпускныя білеты жыхарам Магілёва. А з улікам 20 выпускнікоў трэцяга класа ў лютым ўсяго ў першай палове 1918 г. налічвалася не менш за 50 навучэнцаў.

Адначасова ў журнале адзначана выдача пасведчанняў супрацоўнікам інстытута. У адпаведнасці з ім у інстытуце працаваў законанастаўнікам П. Шымковіч, выкладчыкамі Н. Пігулеўскі, В. Сакалоў, М. Руднеў, В. Станевіч, Ф. Пархоменка, А. Бахарэвіч, выкладчык вышэйшага пачатковага вучылішча пры інстытуце Я. Жыхараў [5, л. 49–49 Аб.].

Навучальны год у інстытуце 20 красавіка быў завершаны, а гадаванцы першага і другога класаў пераведзены ў наступныя класы, аб чым было паведамлена Папаячыцелю Віленскай навучальнай акругі [5, л. 49 Аб.]. Пасля заканчэння навучальнага года аб'ём перапіскі зменшыўся. Тым не менш праца калектыву працягвалася. У праўленне Магілёўскага гарадскога таварыства ўзаемнага страхавання ад агню адсылаліся дакументы на страхаванне тэрмінам на адзін год казённай рухомай маёмасці інстытута ў суме 20 тыс. руб. Шукаліся сродкі на ўтрыманне інстытута ў маі – жніўні 1918 г. [5, л. 49 Аб. – 50].

Май 1918 г. пачаўся з паведамлення начальніку 2-га ўчастка магілёўскай гарадской міліцыі і ў Магілёўскі квартальны камітэт № 47 аб рабаванні кватэры дырэктара інстытута Тычыніна [5, л. 50].

Кіраўніцтва інстытута ў маі хвалявала: невяртанне ў інстытут выкладчыкаў вышэйшага пачатковага вучылішча пры інстытуце Пігулеўскага і Бабарыка, ачыстка дымавых труб у будынку інстытута па вуліцы Быхаўскай, 22, праверка наяўнасці і стану маёмасці інстытута, атрыманне крэдыту на ўтрыманне інстытута і г. д. Дырэктар інстытута адсылаў ва Упраўленне Віленскай навучальнай акругі даведкі і паведамленні пра стан вучэбна-выхаваўчай работы ў 1917/1918 навучальным годзе, пра

“абмежаванні інстытута ад неадпаведных яму і непасільных павіннасцей і патрабаванняў акупацыйных і міліцыйных уладаў” [5, л. 50–51].

У чэрвені ліставанне стала больш актыўным. Вялася перапіска пра публікацыю ў магілёўскай газеце “Труд” і іншых выданнях аб’яўлення аб умовах паступлення ў інстытут. Аб’явы былі разасланы таксама па паштовых канторах Магілёўскай губерні, у тым ліку на тэрыторыі, якая знаходзілася пад савецкім кантролем. Як звычайна, адсылаліся просьбы і дакументы аб фінансаванні інстытута [5, л. 51 Аб.-53].

У ліпені 1918 г. адміністрацыя інстытута запытвала Упраўленне Віленскай навучальнай акругі аб магчымасці паступлення яўрэяў у “раней толькі праваслаўны настаўніцкі інстытут”. Звяза-на гэта было з выдачай ва Упраўленні Віленскай навучальнай акругі гадаванцу чацвёртага класа Віленскага яўрэйскага настаўніцкага інстытута Абраму-Лейману Ашэраву-Янкелеву Ельману дакументаў аб пераводзе ў адпаведны клас Магілёўскага інстытута [3, с. 30; 5, л. 55 Аб.].

У ліпені і жніўні асноўнымі праблемамі, якія адлюстраваны ў перапісцы, заставаліся пытанні фінансавання і прыёму дакументаў для паступлення.

У сувязі з рэальным падзелам Магілёўскай губерні на зоны нямецкага і савецкага кантролю і планами яе ліквідацыі 12 жніўня з’яўляюцца дакументы, якія накіроўваюцца ў Мінскія органы ўлады. Выкладчыку Сакалову быў накіраваны ліст з просьбай дабіцца даведкі ва “ўстановах Мінскай акупацыйнай улады” ў выніку хадайнаўства Упраўлення Віленскай навучальнай акругі аб забеспячэнні ўтрымання сярэдніх навучальных устаноў г. Магілёва і Магілёўскага настаўніцкага інстытута. Сакалова адначасова прасілі “ўзяць на сябе перамовы” з Мінскай губернскай земскай управай па пытанні аб часовым субсідзіраванні грашовымі сродкамі інстытута. Падтрымаць хадайнаўства інстытута да Мінскіх акупацыйных улад аб уключэнні ў спісы для “атрымання ўтрымання” прасілі таксама памочніка Магілёўскага гарадскога галавы [5, л. 56, 57].

3 сярэдзіны жніўня ўзмацніліся клопаты, звязаныя з набліжэннем пачатку

новага навучальнага года. Кіраўніцтва інстытута накіравала просьбу начальніку Магілёўскага павета дазволіць навучэнцам правоз у г. Магілёў харчовых прадуктаў для сябе з 15 жніўня па 8 верасня. Ва Упраўленне Віленскай навучальнай акругі накіроўваецца паведамленне пра страту прадметаў ў выніку рэквізіцый некаторых інстытуцкіх памяшканняў на суму 205 руб. 80 кап. Друкуюцца аб’явы ў магілёўскіх газетах “Труд” і “Эхо”. Рассылаюцца лісты аб умовах прыёму. З 29 жніўня пачынаецца рассылка пасведчанняў аб залічэнні ў інстытут навучэнцаў [5, л. 56–57 Аб.].

Верасень распачаўся з паведамлення Самуілу Ісакавічу Ліўшыцу пра закупку 200 пудоў жытняй мукі і 50 пудоў круп для асабістага саставу інстытута. У інстытута з’явіліся сродкі для ўтрымання асабістага саставу за ліпень-жнівень на суму 12 145 руб., для аплаты стыпендыі навучэнцам, для платы за аб’явы ў газеце “Труд”, за работы асенізатара і г. д. [5, л. 58].

Найбольш частымі ў верасні былі паведамленні аб залічэнні навучэнцаў у класы інстытута, аб пераводзе навучэнцаў. Пасведчанне аб залічэнні Міхаілу Іванавічу Аггееву сведчыць аб тым, што пачатак навучальных заняткаў у першым класе быў прызначаны на 17 верасня па новым стылі. Навучэнцы павінны былі прыбыць а дзявятай гадзіне раніцы. Надалей падобныя пасведчанні дасылаліся і іншым навучэнцам. Некаторым абітурыентам паведамлялася, што яны павінны з’явіцца 16 верасня для здачы экзаменаў [5, л. 59–61].

Паралельна ў інстытуце праводзіліся рамонтныя работы, прадпрымаліся меры па забеспячэнні інстытута дровамі, электрычным асвятленнем, узнімаліся пытанні гігіены і г. д. У верасні было праведзена дзевяць педагагічных саветаў інстытута па гэтых і многіх іншых пытаннях (пратакты № 21–29). Дасылаліся каштарысы на ўтрыманне інстытута ў 1919 г. [5, л. 59–63].

У верасні 1918 г. памёр выкладчык гісторыі, географіі і палітэканоміі Міхаіл Рыгоравіч Руднеў, пра што было паведамлена ва Упраўленне 24 верасня. Замест яго ў штат быў прыняты Яўген Іосіфавіч Бычкоў, якога 28 верасня

прызначылі штатным выкладчыкам і прапанавалі 1 кастрычніка прыступіць да заняткаў [5, л. 62–62 Аб.].

Аналіз ліставання сведчыць, што добрым пачатак навучальнага года не атрымаўся. Магчыма, умовы пражывання навучэнцаў былі нялёгкімі. Ужо напачатку кастрычніка кіраўніцтва інстытута масава выдае адпускныя білеты навучэнцам.

Дырэктару інстытута ў 1918 г. прыходзілася вырашаць і іншыя сямейныя і побытавыя пытанні. На працягу года ён дабіваўся высялення з кватэры інстытута Гутаравай, сям'я якой не мела адносін да працы ў інстытуце, у тым ліку праз судовыя органы. У кастрычніку Тычынін выдаў пасведчанне выкладчыку Бахарэвічу аб тым, што ён удавец і да ўступлення яго ў другі шлюб “перашкод з боку дырэктара не назіраецца” [5, л. 63 Аб.].

У выніку цяжкай працы Тычынін вымушаны быў 12 кастрычніка прасіць Упраўляючага навучальнай акругі прадаставіць адпачынак “па хваробе” з прыкладаннем копіі пратакола педагогічнага савета за № 33 гэтага ж дня. Пасведчанне на двухмесячны адпачынак з 1 лістапада па 1 студзеня 1919 г. па хваробе было выдадзена яму 20 кастрычніка [5, л. 64–64 Аб.].

Часова выконваючым абавязкі дырэктара стаў выкладчык В. Станевіч. Пры ім гаспадарчая дзейнасць працягвалася: выклікаўся асенізацыйны абоз, рабіліся спробы закупкі дроў і г. д. Кіраўніцтва інстытута звярнулася з просьбай абмяняць акупацыйныя грошы інстытута на гарадскія грашовыя знакі [5, л. 64 Аб. – 65]. Рабілася гэта ў прадчуванні чарговай змены ўлады.

Пасля эвакуацыі нямецкіх войскаў і ўступлення 31 кастрычніка 1918 г. у Магілёў Чырвонай Арміі ў горадзе ўсталявалася савецкая ўлада. Першы запіс пра зварот да савецкіх органаў улады зафіксаваны 12 лістапада. У аддзел народнай адукацыі Магілёўскага губернскага рэвалюцыйнага камітэта была даслана просьба атрымаць аванс у памеры 150 руб. на неадкладныя патрэбы інстытута. Надалей такіх запяў будзе шмат. Розніца з папярэднімі заключалася ў тым, што раней прасіліся сумы грошай, а цяпер больш дэталёва распісваліся патрэбы: лямпачкі, кубы дроў,

віды прац і г. д. [5, л. 65 Аб.]. Кіраўніцтва інстытута хадайнічала аб павышэнні стыпендыі слухачам да 200 руб. у месяц, прасіла перадаць вучэбныя дапаможнікі з былога музея Магілёўскага губернскага земства [3, с. 30].

Выкладчык Яўген Бычкоў быў абраны 15 лістапада прадстаўніком інстытута у губернска-гарадскі (напачатку сумешчаны. – А.А.) савет па народнай адукацыі, які ўтвараўся ў Магілёве. Так распачалася адміністрацыйная кар’ера будучага дырэктара інстытута [5, л. 66].

У сувязі са школьнай рэформай, пераўтварэннем настаўніцкіх інстытутаў у педагогічныя і закрыццём духоўных навучальных устаноў кіраўніцтва інстытута прасіла перадаць яму будынак Магілёўскага жаночага вучылішча духоўнага ведамства. Патрабаваліся і значныя фінансавыя сродкі. У школьны паддзел аддзела народнай адукацыі Заходняй камуны 22 лістапада быў накіраваны зварот аб выдачы 72 тыс. руб. [5, л. 66].

Нарэшце 24 лістапада 1918 г. педагогічны савет інстытута прыняў пастанову аб пераўтварэнні Магілёўскага настаўніцкага інстытута ў вышэйшую навучальную ўстанову – педагогічны інстытут. На наступны дзень былі накіраваны звароты аб выдаткаванні грошай на рэфармаванне і адтэрміноўку слухачоў першага курса ад мабілізацыі ў армію. А 26 лістапада інстытут прасіў Губернскі рэвалюцыйны камітэт увесці пяць чалавек ад савецкіх арганізацый у педагогічны савет інстытута [5, л. 67–67 Аб.].

Для азнаямлення з рэформай настаўніцкіх інстытутаў Я. Бычкова накіравалі ў Маскву праз Віцебск, дзе гэтая рэформа ўжо была праведзена. Адначасова яму было даверана атрымаць неабходныя сумы ў Камісарыяце народнай асветы [5, л. 68]. Паступова Бычкоў усё часцей вырашаў фінансавыя пытанні інстытута: атрымоўваў грошы на стыпендыі г. д. Хаця паведамлення аб прызначэнні яго дырэктарам ў 1918 г. не зафіксавана, але ўжо ў лістападзе імя былога дырэктара Тычыніна было выкрэслена з ліку асабістага саставу інстытута, які атрымоўваў утрыманне. Гэта

выклікала зварот ад інстытута ў аддзел народнай адукацыі пры Магілёўскім губвыканкаме с просьбай абгрунтаваць падставы такога рашэння [5, л. 71 Аб.].

Адпускныя білеты на калядныя вакацыі пачалі выпісвацца студэнтам 18 снежня. А 23-га ў аддзел народнай адукацыі пры Магілёўскім губвыканкаме, у Народны камісарыят асветы, у аддзел народнай адукацыі Заходняй камуны былі накіраваны лісты аб рэфармаванні Магілёўскага настаўніцкага інстытута ў вышэйшы педагагічны інстытут з 16 снежня з адкрыццём пяці цыклаў. Так, настаўніцкі інстытут быў пераўтвораны ў педагагічны – вышэйшую навучальную ўстанову з чатырохгадовым тэрмінам навучання. Ужо 25 снежня былі накіраваны аб'явы аб адкрыцці прыёму ў яго студэнтаў, а на наступны дзень хадайніцтва аб выдзяленні новага памяшкання ў будынку былой Марыінскай гімназіі і былога музея губернскага земства. Пераезд не зацягнуўся, бо апошнія паведамленні 1918 г. з'яўляліся інфармацыяй у органы кіравання пра тое, “кім, і калі заняты былі памяшканні інстытута” (на нашу думку, па вул. Быхаўскай, 22. – А.А.) [5, л. 71 Аб. – 72 Аб.].

Аналіз запісаў журнала выходнай дакументацыі настаўніцкага, а затым педагагічнага інстытута сведчаць аб дастаткова высокай інтэнсіўнасці ліставання інстытута на працягу ўсяго года. Запісы дазваляюць выявіць памесечную актыўнасць выдачы дакументаў і адпраўкі лістоў з інстытута. У студзені налічваецца 96 запісаў. Запісы ў лютым пачынаюцца 14 (1) чысла ў сувязі з правядзеннем каляндарнай рэформы – увядзеннем грыгарыянскага календара ў Расіі. За 15 дзён было зафіксавана 80 запісаў. Надалей яны размеркаваліся наступным чынам: сакавік – 56, красавік – 91, май – 29, чэрвень – 67, ліпень – 34, жнівень – 45, верасень – 133, кастрычнік – 53, лістапад – 57, снежань – 94. Такім чынам, не можа ісці размова аб прыпыненні дзейнасці інстытута ў які-небудзь перыяд 1918 г. Нават у летнія месяцы, калі ў сувязі з вакацыямі назіраўся натуральны спад актыўнасці перапіскі, цалкам яна не прыпынялася.

Заклучэнне

Запісы журнала выходнай дакументацыі Магілёўскага настаўніцкага інстытута з'яўляюцца каштоўнай гістарычнай крыніцай. Яны паказваюць, што дзякуючы самаадданай працы дырэктара Тычыніна і супрацоўнікаў інстытута ўстанова не прыпыніла сваёй дзейнасці ў 1918 г. Агульная гадавая актыўнасць ліставання была некалькі ніжэй, чым у папярэднія і наступныя гады. Так, у 1917-м зафіксавана 1280 запісаў, у 1918-м – 835, а ў 1920-м – 985 за восем месяцаў. Тым не менш інстытут працягваў працаваць, нягледзячы на тое, што ў сакавіку горад быў заняты польскімі ўзброенымі фарміраваннямі, якіх у маі змянілі германскія войскі. З запісаў бачна, якім чынам пасля ўсталявання савецкай улады ў горадзе Магілёўскі настаўніцкі інстытут быў пераўтвораны ў Магілёўскі педагагічны інстытут напрыканцы 1918 г. Дзякуючы запісам у журнале мы таксама ведаем спісы навучэнцаў і супрацоўнікаў інстытута, змены ў кіраванні сістэмай адукацыі, дакладны час пачатку заняткаў і пераўтварэння інстытута ў вышэйшую навучальную ўстанову, змаглі аднавіць храналогію інстытуцкага жыцця ў самы складаны перыяд яго існавання. Дакументы таксама дапамагаюць даведацца аб грамадска-палітычнай і эканамічнай сітуацыі ў Магілёве.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Бондаренко, В.А.** Могилевский государственный педагогический институт: Краткий очерк истории (к 60-летию основания). – Минск, вышэйшая школа, 1978. – 43 с.
2. Гісторыя Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта (1913–1940 гг.): дакументы і матэрыялы / аўт.-склад.: А. Р. Агееў, К. М. Бандарэнка, В. П. Клімковіч; пад агульн. рэд. К. М. Бандарэнкі. – Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2008. – 216 с.
3. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова: мінулае і сучаснасць / А. Р. Агееў, В. А. Бандарэнка, С. А. Парашкоў, П. Г. Рабзонаў [і інш.]; пад рэд. В. І. Вішнеўскага – Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2003. – 260 с.
4. **Агееў, А. Р.** Фарміраванне і дзейнасць Магілёўскага Беларускага Камітэта (1917–1918): манаграфія / А. Р. Агееў, І. А. Пушкін. – Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – 292 с. : іл.

5. Журнал исходящих бумаг Могилевского учительского института // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 2258. Воп. 1. Спр. 45.

Паступіў у рэдакцыю 31.05.2018 г.

Кантакты: 8-044-75-54-519

(Агееў Аляксандр Рыгоравіч)

Ageyev A. THE YEAR 1918 IN THE HISTORY OF MOGILEV STATE A. KULESHOV UNIVERSITY.

The author analyzes and describes the records of the outgoing documentation of the Mogilev Teachers' Institute of 1918. The valuable historical source proves that the Institute did not

suspend its activities in 1918, despite the fact that in March the city was occupied by the Polish armed formations, which in May were replaced by the German troops. The records display how after the establishment of Soviet power in the city the Teachers' Institute was transformed into the Mogilev Pedagogical Institute at the end of 1918. Thus the chronology of the Institute life in the most difficult period of its existence has been restored.

Keywords: Mogilev Teachers' Institute, Tychynin, Bychkov, Mogilev Pedagogical Institute, higher education, education, Mogilev.

УДК 327:330

ФАКТОР ТЕРРОРИЗМА В ИНДИЙСКО-ПАКИСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

И. В. Горобец

кандидат исторических наук, доцент
Сумский государственный
педагогический университет (Украина)

В истории индийско-пакистанских отношений много примеров использования насилия для решения политических проблем. В 1948 г. мусульманский фанатик убил Махатму Ганди. Но не только акты индивидуального террора характерны для индийско-пакистанских отношений, в 1947 г. в результате раздела Британской Индии на Индию и Пакистан обе конфликтующие стороны прибегали к этническим чисткам. Современный этап в истории применения террористических методов для решения локальных проблем в индийско-пакистанских отношениях приходится на начало 1990-х гг. Тогда значительное количество исламских радикалов из Афганистана прибыли в Пакистан с целью ведения джихада против Индии в штате Джамму и Кашмир. Территория этого спорного штата остается эпицентром использования террористических методов конфронтации.

Ключевые слова: Индия, терроризм, Пакистан, Южная Азия.

Введение

После террористической атаки в США 11 сентября 2001 г. многие аналитики заговорили о начале “глобальной войны” с мировым терроризмом. Это понятие было особенно популярным два президентских срока Джорджа Буша младшего. Однако в 2009–2016 гг. администрация его преемника Барака Обамы попыталась сбалансировать соотношение “жесткой” и “мягкой” силы в обеспечении процесса реализации американских интересов на мировой арене. Правда, оба фронта “антитеррористической войны”, открытые администрацией Дж. Буша младшего в Афганистане (октябрь 2001 г.) и Ираке (март 2003 г.), так и не были закрыты. Провозглашенная в январе 2018 г. военная доктрина администрации Дональда Трампа, предусматривает продолжение реализации стратегии сохранения американского лидерства в

мире, хотя побеждал Трамп в ноябре 2016 г. с “изоляционистской программой”. То есть США продолжают де-факто вести глобальную “антитеррористическую войну”. Правда, в различных регионах планеты эта война имеет свои особенности.

Основная часть

В научной литературе проблема терроризма в его различных аспектах является достаточно глубоко разработанной. В американской научной литературе Индия рассматривается как более надежный союзник в борьбе с международным терроризмом. Идеологически США относят Индию к великим демократиям и пытаются обеспечить ее следование в формате американской внешней политики [1]. В индийской научной литературе проблема противодействия международному терроризму рассматривается как синоним систематического противодействия именно радикальному мусульманскому терроризму, персонифицированному Пакистаном [2; 3; 4]. В этом смысле стратегия и тактика антитеррористической борьбы Индии предусматривает, прежде всего, обеспечение внутренней безопасности, противодействие внутренним сепаратистским движениям, угрожающим расколоть территориальную целостность Индии.

Военная доктрина Индии предусматривает обеспечение стратегических целей индийского руководства в Южной Азии и прилегающей зоне Индийского океана, а также в поддержке внутренней безопасности. Существенной особенностью военного строительства в Индии является следование принципу верховенства гражданской власти и неучастие военных во внутривнутриполитических делах. В Пакистане эта британская традиция не прижилась, ибо пакистанская армия, в отличие от Индии, как раз является стовальным хребтом пакистанской государственности.

Индийские ядерные силы основываются на триаде: наземные ракетные установки, воздушные и морские средства доставки ядерных боеголовки. Правда, в военную доктрину Индии вплелась стратегическая путаница. Этот документ констатирует, что ядерные силы Индии “должны быть эффективными, разнообразными, гибкими и оперативно соответствовать по-

требностям безопасности” согласно концепции надежного минимального сдерживания. Под понятием “адекватный ответ” понимается ядерный удар, соответствующий потерям, которые понесла сторона, нанесяшая первый ядерный удар. Но под минимальным сдерживанием понимается способность нанести удар по врагу, который может нейтрализовать ожидаемые преимущества от агрессии.

Слабость стратегии Пакистана в вопросе противостояния терроризму обусловлена постоянным противостоянием между светскими властями Пакистана и радикальными исламскими группами. Спорным остается вопрос степени сотрудничества пакистанских специальных служб и террористических группировок. Пакистанские власти пытаются представить состояние дел как “самодетельность” исламистов, индийские спецслужбы стремятся доказать факт связей пакистанских спецслужб и террористов. Если бы это удалось, то имиджу Пакистана на мировой арене был бы нанесен непоправимый ущерб. Пакистан не имеет оснований для обвинения в ответ Индии в применении против него тактики терроризма.

В годы холодной войны перманентная конфронтация в индийско-пакистанских отношениях характеризовалась классическим межгосударственным противостоянием. Пик такого противостояния připадает на май 1998 г., когда Индия и Пакистан стали ядерными державами. После терактов 11 сентября 2001 г. в США фактор исламского терроризма стал влиять на Индию и Пакистан. Классический вариант такого влияния – атака в конце 2007 г. исламистов на Мумбаи (бывший Бомбей). Пакистан использует фактор террористической активности как элемент асимметричной борьбы против Индии.

13 декабря 2001 г. террористы из экстремистской организации “Лашкаре-Тайба” и “Джанаш-е-Мухамед”, которые базируются в Пакистане, атаковали индийский парламент. В результате теракта тогда погибли 14 человек. Индийская сторона не исключила возможности причастности к этим терактам пакистанских специальных служб. В результате на индийско-пакистанской границе произошли вооруженные стычки. Количество вооруженных сил,

передислоцированных к границе, исчислялась миллионом солдат. Хотя кризис тогда был преодолен благодаря прямой встрече лидеров Индии и Пакистана, системной нормализации двусторонних отношений не произошло.

Антитеррористическая стратегия и тактика Пакистана характеризуется серьезными противоречиями. Общественное мнение в Пакистане настроено преимущественно антиамерикански и антииндийски. Однако главной проблемой является даже не это, а “особенное” положение пакистанских специальных служб. С одной стороны, ради выживания пакистанской государственности они вынуждены оставаться в цивилизованных рамках и имитировать эффективное сотрудничество с коллегами в противостоянии терроризму.

Однако пример ликвидации 1 мая 2011 г. в Пакистане американским спецназом Усамы бен Ладена стал символом взаимного пакистанско-американского недоверия. Естественно, учитывая системную напряженность в индийско-пакистанских отношениях, взаимодействие индийских и пакистанских спецслужб в вопросах превентивной борьбы с терроризмом отсутствует. Этот фактор существенно увеличивает риски угроз терроризма для дестабилизации ситуации в Южной Азии. Поэтому Индия пытается привлечь к антитеррористической борьбе сопредельные государства региона.

В январе 2010 г. в Дели побывала премьер-министр Бангладеш Шейх Хасина. Тогда было подписано соглашение о взаимодействии Индии и Бангладеш в процессе предотвращения терроризма [5, с. 87]. Однако Индии пока не удается добиться от Пакистана систематического и безусловного сотрудничества в вопросах предотвращения террористических атак. События “арабской весны” 2011 г. и дестабилизации после них Сирии и Ирака по-разному воспринимаются общественным мнением Пакистана и Индии [6, с. 86]. Властям Пакистана удалось микшировать симпатии радикально настроенной мусульманской общественности к “Исламскому государству Ирака и Леванта”.

В начале января 2018 г. президент США Дональд Трамп объявил о заморозке

250 млн дол. военной помощи Пакистану. Поводом к этому решению стало недостаточное сотрудничество Пакистана с Вашингтоном в вопросах предотвращения террористической активности. Сразу после этого решения в Кабуле произошла серия террористических атак, что подтвердило отказ пакистанских специальных служб от обмена информацией со своими западными коллегами. Отметим, что после проведения в мае 1998 г. ядерных испытаний в Пакистане США также прекратили военную помощь этой стране. Однако после 11 сентября 2001 г. и начала военной операции в Афганистане Пакистан стал очень важной территорией для решения логистических проблем поставки вооружений и продовольствия контингенту НАТО в Афганистан. Тогда администрация президента США Дж. Буша младшего договорилась об этом с президентом Пакистана П. Мушаррафом [7, с. 60].

Правда, США вынуждены учитывать, что Пакистан является важным союзником Китая. Причем Китай остается главным поставщиком оружия Пакистану. Поэтому США не могут себе позволить отдать Пакистан на откуп Пекину. Развитие событий в Сирии в 2011–2017 гг. заведомо свидетельствовало, что формирование структур террористической государственности происходит в условиях ослабления легитимных государственных структур. Даже фактическое военное поражение в Сирии “Исламского государства Ирака и Леванта” не означает идеологического поражения идеи “священной войны”. Поэтому Индия объективно не заинтересована в существенном ослаблении существующих структур власти в Пакистане. Ведь, несмотря на напряженность в двусторонних индийско-пакистанских отношениях, сохранение влияния пакистанской армии на общественно-политические процессы является для Индии меньшим злом, чем хаотизация внутривнутриполитического положения в Пакистане.

Заключение

Таким образом, терроризм остается существенным фактором, который негативно влияет на развитие системы безопасности в Южной Азии. Индия вынужденно концентрирует внимание на

региональных, а не глобальных террористических угрозах. Однако даже в форме Южной Азии еще не сформирована система предупреждения террористических угроз. Этот фактор делает террористическую угрозу максимальной для региональной безопасности. Относительно высокий уровень террористической активности, исходящий от Пакистана, максимально ухудшает его позиции в отношениях не только с Индией, но и с главным стратегическим союзником – Китаем. Пекин обеспокоен угрозой использования террористической тактики в своем населенном преимущественно мусульманами Синцзян-Уйгурском автономном округе. Положение властей Пакистана осложнено тем фактом, что применение силовых методов против сторонников радикального политического ислама угрожает гражданской войной в стране. Использование пакистанской армии в пакистанской части Пуштунистана систематически вызывало негативную реакцию общественного мнения граждан Пакистана. Также фактор терроризма имеет для Пакистана значение с точки зрения противостояния между суннитским большинством и шиитским меньшинством. Особенно ожесточенные столкновения между суннитами и шиитами традиционно происходят в Карачи.

Фактор терроризма на самом деле подрывает даже идеологические основы пакистанской государственности. Пакистан в 1947 г. создавался как идеальная модель исламской государственности. Однако с тех пор Пакистан так и не сделал окончательный концептуальный выбор между сохранением преимущественно исламских форм отношений в обществе и его секуляризацией. Если эту проблему не решить в принципе, то пакистанская государственность в XXI в. имеет все шансы на деградацию. Такой сценарий развития событий на самом деле не соответствует интересам соседей Пакистана, включая Индию. После терактов 11 сентября 2001 г. в США фактор терроризма приобрел для Пакистана особенно угрожающий характер. Но трагизм положения как раз заключается в том, что светские власти Пакистана не способны, ни идеологически, ни организационно разгромить террористов. До сих пор пакистанская армия полностью

не контролирует даже пуштунскую часть пакистанско-афганской границы, которая является рассадником идеологии и практики терроризма. Поэтому фактор терроризма в обозримой перспективе остается негативной составляющей индийско-пакистанских отношений. Причем светский Пакистан не в состоянии окончательно победить в этой войне против терроризма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Carter, B. Ashton.** America's New Strategic Partner? // Foreign Affairs. – 2006. – July-August. – P. 2–16.
2. **Jayapalan, N.** Foreign Policy of India. – New Delhi : Atlantic, 2001. – 507 p.
3. **Kayathwal, M. K.** Security and Foreign policy in South Asia. – New Delhi : Pointer publishers, 1999. – 238 p.
4. **Khanna, V. N.** Foreign Policy of India. – New Delhi : Vikas Publishing House, 2007. – 240 p.
5. Радикальный ислам. Взгляд из Индии и России. – Москва : МОФ-ЭТЦ, 2010. – 484 с.
6. Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке. – Москва : МОФ-ЭТЦ, 2011. – 288 с.

7. **Плешов, О. В.** Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2003. – 260 с.

Поступила в редакцию 02.04.2018 г.
Контакты: gorobech.igor@gmail.com
(Горобец Игорь Владимирович)

Gorobets I. THE FACTOR OF TERRORISM IN INDIAN-PAKISTANI RELATIONS.

The history of Indian-Pakistani relations is full of violent resolutions of political problems. In 1948 a Muslim extremist killed Mahatma Gandhi. However, individual terror is not the only typical feature of Indian-Pakistani relations. In 1947, as a result of the division of British India into India and Pakistan, both conflicting parties resorted to ethnic cleansing. The modern stage in the history of terrorist methods used to solve local problems in Indian-Pakistani relations took place at the beginning of the 1990s. At that time, a large number of Islamic radicals from Afghanistan arrived in Pakistan to conduct jihad against India in the state of Jammu and Kashmir. The territory of this controversial state remains the epicenter of terrorist confrontation.

Keywords: India, terrorism, Pakistan, South Asia.

УДК 903.26 (476.4)

КУЛЬТОВЫЕ И САКРАЛЬНЫЕ ВАЛУНЫ МОГИЛЕВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

С. Ф. Жижиан

магистр исторических наук,
аспирант кафедры истории Беларуси
и восточных славян
Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

Культовые и сакральные камни всегда привлекали внимание человека своей монолитностью и таинственностью. Во второй половине XIX в. начинается изучение памятников подобного типа. Целенаправленная работа по исследованию данных памятников проводилась на протяжении XX в. Вместе с тем ряд объектов на территории Могилевской области до сих пор не введены в научный оборот и не исследованы. Эта статья – попытка региональной систематизации памятников данного типа.

Ключевые слова: культовые камни, валуны, камень-следовик, камень-портной, камень-артефакт, камень-чашечник, археология, этнография, Могилевское Поднепровье.

Введение

Валуны, принесенные на территорию Беларуси ледником, давно являются интереснейшей особенностью природного ландшафта нашей страны. По причине монолитности этих памятников природы и истории, поистине исполинских их размеров они всегда выделялись на фоне существующей ойкумены. По мнению ряда исследователей, культура священных камней стала одним из важнейших элементов сакральной традиции славян I тыс. н.э. [1].

Однако Могилевское Поднепровье не относится к тем регионам Беларуси, где находится значительное количество культовых и сакральных валунов. Тем не менее в Могилевской области подобные памятники есть. В связи с их малочисленностью (относительно других регионов Беларуси) либо по каким-то иным причинам данные памятники изучены слабо и практически не систематизированы. Задачей данного исследования является рассмотрение известных и введение в научный

оборот сведений о новых памятниках подобного типа на территории Могилевского Поднепровья, обнаруженных автором статьи.

Основная часть

К началу XIX в. отношения к памятникам подобного типа у населения современной Беларуси во многом остались довольно патриархальными. Судя по материалам этнографов, почитание культовых камней все также происходило в русле языческо-христианского синтеза верований, правда, с местными особенностями, но традиционными и характерными для всей территории корнями. С другой стороны, можно наблюдать и появление некоего прагматического отношения к данным объектам, когда большие и почитаемые камни разрушались, перемещались, использовались для хозяйственных нужд. Уходила в прошлое и сакральность: для многих культовые камни стали просто хорошими ориентирами, колоритными особенностями региона.

Научное изучение рассматриваемых памятников началось с середины XIX в. Культовые камни в разное время изучали А. Плятер, А. Киркор, Е. Тышкевич, К.А. Говорский, П.М. Шпилевский, М.Ф. Кустинский, П.В. Шейн, А.Я. Богданович, Ф.В. Покровский, Е.Р. Романов, М.В. Довнар-Запольский и др. [2; 3, с. 92–93; 4; 5, с. 98–107].

Изучение данных памятников в межвоенный период связано с деятельностью Инбелкульта и монументальным исследованием М. Мелешко “Камень у вераваньях і паданнях беларусаў”, изданным в 1928 г. [6, с. 160]. В своей работе М. Мелешко упоминает ряд памятников, зафиксированных исследователями на территории интересующего нас региона. Так, на Бобруйщине, пишет автор, «по дороге из Житина на Осиповичи, возле села Крынки находится камень, который тоже называют “волами”» [6, с. 152].

Описывает исследователь и камень-портной на территории Бобруйского уезда: “Верстах в пяти от Бобруйска, возле Свислочского шляха, между шляхом и железной дорогой, в лесу, на поляне, лежит довольно большой камень, потрескавшийся, видимо, от молнии. Камень этот в народе

называется "Кравцом" (портным). О нем имеется у местных жителей предание, интересное по своему содержанию. Там, где теперь лежит этот камень, жил когда-то портной. Портной этот был такой, что его не надо было ни просить, ни показывать, как шить. Один раз принесла к нему шить брачный наряд девушка-колдунья и стала объяснять, как сделать. За это портной не сделал всего нужного ей. Колдунья оскорбилась и дом вместе с портным превратила в камень. Портной и после этого долго не прекращал свою работу. Надо было только положить полотно на камень, чтобы на другой день найти нужную одежду. Как доказательство того, что камень этот раньше был хатой, народ показывает на место в камне, которое формой сродни окну. Держится предание, что если разбить камень, то внутри его нашелся бы портной" [6, с. 154].

Кроме этого, М. Мелешко упоминает ряд объектов, которые не были детально исследованы, но зафиксированы археологами и краеведами: "Возле местечка Петровичи в Климовичском уезде находился камень с фигурами и буквами. Раньше этот камень лежал на другом плоском камне, а на верху его был еще третий, меньший камень" [6, с. 156]. Камень с "неразгаданными" надписями был найден Дундуковым-Корсаковым на Могилевщине в местечке Романово [6, с. 158]. «В Бобруйщине на берегу реки Птичь имеются два камня совсем непонятной формы. Один из них народ называет "волк", а другой – "гусь"» [6, с. 160]. А во время путешествия Н.А. Янчука в 1886 г. по Минщине местные жители рассказывали о камне "возле деревни Крынки по дороге из Житина в Осиповичи на Бобруйщине, который будто бы имел форму утки и обладал какой-то непонятной силой" [6, с. 152].

Как видим, практически все культовые валуны овеяны легендами, которые довольно интересны с точки зрения этнографических исследований, но эта тема для отдельной статьи.

Отдельные культовые валуны хранятся в фондах музеев области. Медведь-камень, находящийся в экспозиции УК "Могилевский областной краеведческий музей имени Е.Р. Романова", – довольно интересное каменное изваяние. В прошлом он

располагался недалеко от д. Медведовка *Чаусского района*. Культ поклонения данному памятнику берет свои корни в глубоком прошлом, поскольку, вероятно, от него и получил свое название населенный пункт. Каменное изваяние, при осмотре его с определенных ракурсов, действительно напоминает зооморфный силуэт медведя. Причем заслуживает внимания и тот факт, что выразительные особенности рассматриваемого камня, придающие ему схожесть с животным, несомненно, природного происхождения.

Данный объект свидетельствует о наличии в регионе культов тотемизма или зоопатрии. Культ медведя был распространен в верованиях древних славян, греков, финнов, германцев, а также у народов Сибири и древней Японии. Истоки этого культа берут свое начало в период палеолита. Результаты археологических исследований свидетельствуют о том, что неандертальцы, жившие на территории современной Швейцарии и Словении, поклонялись медведям как божествам и считали медведей священными, поэтому сохраняли их костные останки, разложив особым образом, в тех пещерах, которые служили местом для проведения культовых ритуалов [7, с. 260]. Последние ритуалы, связанные с поклонением медведь-каменю у д. Медведовка, зафиксированы в начале XX в. [7, с. 262].

В экспозиции Бобруйского краеведческого музея находится камень-чашечник (в данном исследовании он будет описан ниже).

В фондах Осиповичского районного историко-краеведческого музея хранится камень, обнаруженный Ю.В. Клеванцом и О.В. Вороненко в 2015 г. в д. Заручевье [8]. Камень имеет следы обработки. В окружности с двух сторон высечен крестообразный шов (напоминает охотничью свинцовую пулю типа "Спутник"). Несмотря на то что объект не имеет легенды, камень явно обрабатывался рукой человека. Данный тип памятников можно классифицировать как камень-артефакт.

На территории *Могилевского района* в храме д. Барсуки в конце XIX в. находились камни "от гроба Господня" и "гроба Матери Божьей", однако эти артефакты до наших дней не сохранились [9, с. 151].

На территории *Быховского района* известен камень-артефакт, обнаруженный осенью 2009 г. автором данной статьи. Валун находится в урочище Церковище у д. Ямное. Данный объект находится в 117 квартале Ново-Боярского лесничества. Размеры камня: длина ~ 2,80 м, ширина ~ 2,30 м, видимая высота ~ 1,40 м. Материал: предположительно гнейс, северная сторона камня отшлифована до округлой надстройки, диаметр которой ~ 1,30 м.

Обследование территории вокруг камня показало, что вся земля по периметру усеяна мелкой крошкой, вероятно, образовавшейся в процессе шлифовки. Особенностью данной местности является наличие заброшенного колодца на расстоянии 1,5–2 м севернее камня, что характерно для капищ на территории Беларуси [9, с. 51]. Также это дает возможность предположить вероятное наличие в прошлом возле камня родника.

При опросе населения д. Ямное выяснилось, что у камня есть легенда: некий человек точил данный камень и однажды ослеп, а на камне остались загадочные надписи, которые со временем стерлись. По данным местных старожилов, урочище Церковище (где находится сам камень) названо так потому, что там якобы находилась церковь. Однажды воскресным днем жители Ямного, возвращаясь из Быхова, обнаружили на месте храма, мимо которого проходили еще утром, болото, из которого доносился колокольный звон [10, с. 62].

На территории *Горецкого района* известны культовые валуны у деревень Пневщина, Аниковичи, Любиж.

У д. Пневщина (ныне на территории Коптевского сельсовета) в 1873 г. был выявлен камень с надписями, которые не расшифрованы до сих пор [9, с. 174]. Именно в этом году владелец имения Романово (совр. д. Ленино) Горецкого уезда А.М. Дондуков-Корсаков решил построить каменную церковь [11, с. 47]. Он предложил крестьянам уезда привозить камни для фундамента. Один из жителей д. Кледневичи (ныне Дрибинского района) привез более 30 тонн валунов и заявил, что нашел целый курган из камней около д. Пневщина, которая находится при не-

большом ручье, называемом Любосвиж [11, с. 47].

Среди валунов, привезенных из этой деревни, оказался один гранитный, весом около 500 кг, пирамидальной формы с сильно закругленными краями, слегка приплюснутый сверху, с непонятными надписями, высеченными с двух сторон. На этот камень и обратил внимание князь Дондуков-Корсаков, который был известен как любитель старины и коллекционер. Сам он не смог расшифровать надпись на камне, но перевез его в свое имение в Смоленск. Там князь показал находку одному из знакомых, который жил несколько лет в Архангельской губернии и видел на Мурманском берегу на камнях подобные, по его мнению, “рунические надписи” [11, с. 48].

Летом 1874 г. Дондуков-Корсаков поехал в Киев на съезд археологов России. Доставить туда камень было сложно, поэтому князь скопировал надписи и показал участникам конференции, а также предложил всем желающим осмотреть валун на месте. Находкой заинтересовался ученый из Моравии Генрих Ванкель, который во время визита в Смоленск скопировал знаки [11, с. 48]. Но вскоре в каретном сарае, где лежал валун, случился пожар, и во время тушения на нагретый под воздействием огня камень попала вода, он раскололся на несколько частей.

Г. Ванкель пытался прочитать надпись с помощью скандинавских рун, однако не смог этого сделать. Тогда он обратился к своему знакомому библиотечному-земляку А. Мюллеру. Последний увидел в надписи следы пребывания финикийцев, а ее посчитал выполненной “семитическим письмом”, то есть на иврите – языке евреев, прочтя следующим образом: “Памятник Ваала. Здесь мы его выдолбили (высекли)” [11, с. 49–50]. Надпись на обратной стороне Мюллер вообще не смог расшифровать.

Обо всех проведенных изысканиях Г. Ванкель написал в статье “Эрратический валун с финикийской надписью, найденный около Смоленска в России”, опубликованной в журнале “Витебско-Полоцкая старина” в 1916 г. [11].

Гипотезы Ванкеля и его коллег вызвали шквал критики и были отвергнуты уче-

ными. Главным вопросом, который волновал оппонентов: для чего нужно было выполнять такую трудоемкую работу, сооружать курган, затратив 32 т камней, чтобы высечь на одном из них фразу, лишенную всякой информативности?

В наше время было еще несколько попыток расшифровки этих надписей [9, с. 175], однако их также не принимала научная общественность. Главные версии сводились к тому, что курган из камней с памятным знаком был воздвигнут на границе мятежных радимичей, которых великий киевский князь назвал своими рабами [9, с. 175]. Это было сделано, чтобы впредь те не забывались платить дань.

На кладбище д. Любиж лежит валун с так называемым крестом-“Вавилоном”, похожим из-за множества крестов, отвешивающихся от основного, на лабиринт. Местные жители утверждают, что выкопали его с метровой глубины неподалеку от кладбища [12].

На территории *Дрибинского района* в литературе XIX в. упоминается т. н. “писаный” камень – камень с неподдающимися расшифровке символами и знаками (у городского поселка Дрибин [13, с. 138]) и “Черный” камень-валун. Последний относится к памятникам природы местного значения, находится на небольшой возвышенности между деревнями Будино и Затоны Дрибинского района. Почитается местным населением как культовый [14, с. 32].

Сакральные камни в *Климовичском районе* зафиксированы исследователями еще в XIX в. В 1891 г. на выставке IX Археологического съезда в Вильно экспонировался фотоснимок большого камня с высеченными на нем непонятными фигурками и буквами, который лежал на другом плоском камне. Объект был выявлен Ф.В. Покровским в лесу неподалеку от д. Петровичи [13, с. 137]. Также в регионе известны “Чертов” и “Силкин” камни.

“Силкин” камень представляет собой небольшой крест, расположенный на кладбище в д. Рудня, овеянный легендами. Является ли этот крест надгробием, неизвестно. Легенда о камне была опубликована в местных СМИ со слов старожила деревни Ильи Федоровича Харитонова: “В XIX веке в Рудне жил сильно верую-

щий в Бога Василь Говоритов. В народе его звали Силкин. Он долго трудился над каменным валуном. Все выводил форму креста. Свою величественную скульптуру установил на местном кладбище. Интересно то, что сам он похоронен недалеко от творения своих рук. Шло время. В один из особо почитаемых православных праздников – Радуницу – у камня стали собираться местные жители. Читали молитву “Отче наш”, а после церемонии каждый трапезничал на могиле своего предка. Долгое время командовал церемонией Александр Бусов. Он приглашал односельчан подойти к местной реликвии со словами: “Пойдем помолимся Богу”. Некоторые утверждают, что этот камень растет. Но большинство местных жителей твердо уверены, что это не так. Камень в 80-х гг. прошлого века покрасили в синий цвет, чтобы наверняка видеть изменения. Они пока незаметны” [15].

На территории *Костюковичского района* известен “Белый камень”. Он расположен у д. Белая Дуброва и по представлениям местного населения влияет на урожайность в регионе [13, с. 152].

В границах *Чаусского района* имеются сведения о находке камня “Кравец” (“Швец”, “Портной”) [9, с. 80]. Согласно традиционной практически для всей территории Беларуси (впрочем, как и для Латвии, Литвы, Российской Федерации и др.) легенде, с вечера к таким камням (как правило, примечательных большими размерами) люди приносили самотканые льняные полотна, а утром на камне уже лежала красиво сшитая одежда. Согласно исследованиям в разных районах Беларуси насчитывается около 15 таких исполинов.

Рассматриваемый памятник находится в д. Русиновка. Размеры объекта: более 3 метров в длину и ширину, высота – около 1,5 м, вес камня – более 24 т. По рассказам местных жителей, этот валун раньше лежал на поляне в лесном массиве между деревнями Роцца и Слободка. В 1990-х гг. этот камень при помощи двух танков был отбуксирован в Русиновку, что находится в 3–4 км от того места, где камень выполнял ранее свои магические функции. Здесь на новом месте камень был поставлен на бетонное

основание в качестве памятника жителям деревни, погибшим во время Великой Отечественной войны [14, с. 148].

Камень “Швец” зафиксирован исследователями также и на территории *Краснопольского района* [9, с. 82].

На территории *Белыничского района* известны камни у деревень Падевичи и Вылов. Местные жители утверждают, что камень-лекарь у д. Падевичи обладает целебной силой. В центре камня есть воронка, в которой собирается вода, которая никогда не высыхает. По мнению краеведов, эта вода лечит зрение и болезни кожи. Получить исцеление от камня можно только после трехразового его посещения. Старожилы утверждают, что таких камней-лекарей с воронками в округе было девять, но до наших дней сохранился только один [16, с. 25].

По данным краеведа М. Карпеченко, у деревни Вылов в урочище “Чучково” в прошлом находилось несколько необработанных “сивых” камней. На некоторых из них, по словам местных старожилов, были высечены различные символы. До дня сегодняшнего памятник не сохранился [16, с. 63].

Также в Белыничском районе, по мнению местного краеведа М. Карпеченко, находятся три камня-следовика. Расположены они у д. Заозерье в границах так называемого “Заозерского комплекса” [16, с. 3]: “На комплексе находятся три валуна, похожие на следовики, имитирующие обутую стопу человека. Интересно, что следы на этих камнях не похожи друг на друга ни размерами, ни формой. И расположены они на вершинах воображаемого треугольника. Два следовика находятся по краям условного входа в комплекс, образуя своеобразную арку. Неизвестно, намеренно ли они положены в таком порядке, и он спустя века сохранился, или такое их расположение более позднее”. Вместе с тем наши этнографические изыскания не выявили ни легенд, связанных с данными камнями, ни традиции их почитания, поэтому вопрос об их сакральности остается открытым.

Исследователем конца XIX в. Н. Мышенковым на территории *Кировского района* был описан камень с рисунком, изображающим воина в полный рост и в

боевой амуниции, который располагался между деревнями Кострицкая Слобода и Пацева Слобода. К тому времени валун уже был разбит на щебень для подсыпки трассы Минск – Могилев, но исследователь отметил, что в сознании местных жителей камень был культовый и обозначал то ли место “великой битвы”, то ли могилу “богатыря” [13, с. 145; 17, с. 73].

Культовые камни зафиксированы в ряде деревень *Осиповичского района*. В 1960-х гг. недалеко от д. Журавец лежал камень-следовик “величней са стол” [8]. На его поверхности можно было отчетливо различить следы лап четырех зверей: зайца, волка, лисы и медведя. Существует местная легенда, что когда-то этот камень был мягким, как глина, и в те времена звери приходили к нему, и каждый из них оставил свой след. Камень был уничтожен в 1970–1980-е гг. во время проведения мелиоративных работ [8; 13, с. 46].

А. Немцев, со слов крестьянина Чигилейчика из д. Верейцы, зафиксировал следующее: переворачивая на своем поле большой камень, Чигилейчик увидел на нем какие-то знаки. Согласно местной легенде, через это поле в 1812 г. ехал некий французский генерал со своими солдатами. Возле большого камня, который повстречался ему на пути, он остановился и со словами: “Если камень разобьется, быть мне в Москве” ударил по оному. От сильного удара камень развалился на 12 частей, и в честь этого на одном из кусков генерал и выбил эти “некие” символы [13, с. 135].

В книге Н.А. Янчука “По Минской губернии. Записки из поездки 1886 года” отмечено: «В Бобруйском уезде, по дороге из Житина в Осиповичи, около деревни Крынки указывают камень, называемый “волами”» [18, с. 20]. По легенде крестьянин решил на Пасху распахать свой надел земли и тотчас окаменел с волами и сохой. Подобные легенды, когда за нарушение христианской обрядности, в частности работу в крупные календарные праздники, следовала кара, зафиксированы и в других регионах страны [19, с. 127; 13, с. 64, 69; 6, с. 152].

А. Немцев по сведениям И.И. Цвирко, уроженца д. Вязовница, отметил, что

панская контора в его родной деревне была сложена из камней, которые имеют на себе какие-то знаки. Также он зафиксировал большие камни около д. Вязье. По сведениям местных жителей, от них постоянно откалывали куски, чтобы сделать жернова [8].

К сакральным памятникам подобного типа, расположенным на территории Осиповичского района, можно также отнести камни с легендой у д. Мезовичи, камень-следовик у д. Галынки и валун с углублениями (которые, возможно, просверливались для тротильных зарядов, чтобы затем подорвать камень и использовать его фрагменты в строительных целях) у д. Уборок.

На территории *Кличевского района*, по словам местных краеведов, культовые камни в прошлом находились у деревень Поплавы и Уболотье.

На территории *Славгородского района* Е.Р. Романов упоминает валун со следами “рук богатырских” [6, с. 153]. Вероятно, речь идет о камне “След Екатерины-Богатырши (Волотовны)”. Легенда рассказывает, что “когда-то жили Степан, Марк и Богатырша Екатерина. Хлопцы сватались к Екатерине. Она дала им по камню и поставила условие: кто дальше бросит камень, за того она и пойдет замуж. Любимому Степану она дала камень величиной со стол, а нелюбимому Марку – величиной с печь. Но ближе все-таки оказался камень Степана. Екатерина ступила на него и оставила след. На другом камне остались пальцы от ее рук. Тогда Екатерина сказала: “Чем доставаться нелюбимому, пойду лучше водой служить”. Она бросилась с камня, разлилась водой, пошла под землю и вытекла на поверхность за пять верст от Пропойска” [9, с. 68]. Сегодня это место очень популярно у туристов и называется “Голубая криница”. Около криницы установлен валун, выкопанный из карьера у деревни Рудня, который преподносят туристам как “След Волотовны”. Однако, по словам местных жителей, если погулять в лесу недалеко от “Голубой криницы”, то можно найти не только “Екатеринин”, но и “Марков” камень... [20, с. 62].

На валуне, расположенном неподалеку от д. Воровая, высечены вилка, ложка и кусочек хлеба. По мнению ученых,

возможно, эти рисунки выбиты в память пребывания (трапезы) на этом месте некой важной особы, посещавшей регион в прошлом [9, с. 166].

Также заслуживают внимания недавно обнаруженные на территории района камни с изображением трезубцев у деревень Усохи и Печанка [21]. Объекты были выявлены в процессе археологических разведок экспедицией МГУ имени А.А. Кулешова под руководством И.А. Марзальюка, однако материалы исследований еще не опубликованы.

На территории *Бобруйского района* известны памятники, расположенные как в самом районном центре, так и в окрестных деревнях. В г. Бобруйске находятся два камня-чашечника. Один из них обнаружен в 1950-е гг. на берегу р. Березина и сегодня экспонируется в районном краеведческом музее. Размеры камня: 0,76×0,62 м, высота – 0,48 м, диаметр углубления чаши – 0,36 м и глубина – 0,23 м. Второй чашечник был обнаружен в 1980-е гг. при строительных работах. Его установили возле ворот гаражного кооператива и теперь используют в качестве цветочницы. Размеры памятника: диаметр – 0,72 м и высота 0,42–0,46 м. Диаметр углубления – 0,33 м, а глубина – 0,3 м. Стоит заметить, что второй камень имеет более цилиндрическую форму, а чаши камня по своему объему примерно равны стандартному ведру [13, с. 112].

Также на территории района в прошлом были зафиксированы камни с непонятными символами и камень-швец [9, с. 82, 165; 13, с. 72].

По данным СМИ, у д. Ново-Андреевка *Глуцкого района* в 2005 г. были найдены два необычных камня. На верхушке одного нарисован крест. На втором заметны глаза, рот, полосы на макушке “головы”, напоминающие волосы, а сбоку – следы, похожие на отпечатки ног [22]. Второй камень, судя по описанию, – следовик. Также камень-следовик был зафиксирован на территории района во второй половине XX в. Валун под названием “Святой камень” или “След Христа” располагался у агрогородка Катка в урочище Хвощевка. Согласно местной легенде след на валуне оставил Христос, когда ходил по земле. По форме камень из гранита напоминал

треугольник размерами 1,5х1,0х0,5 м. По словам местных жителей, еще в 1930-е гг. в первую неделю после Троицы к камню приходили люди, оставляя на нем тканые полотна, лен, деньги, цветы. В 1970-х гг. при проведении мелиоративных работ камень был уничтожен [13, с. 41].

Заклучение

Таким образом, на основании имеющихся на сегодняшний день данных мы можем говорить о существовании в разное время около тридцати сакральных валунов на территории Могилевского Поднепровья. Часть из них, как было упомянуто выше, уничтожена или перемещена с первоначальных мест в период хозяйственных работ, во времена воинствующего атеизма. Некоторые камни были разрушены при катаклизмах природного характера. Среди памятников, существующих ныне и зафиксированных исследователями прошлого, можно выделить типы камней, наиболее присущие для региона, а также рассмотреть топографический контекст данных объектов.

В данной группе наиболее ярко представлены камни с различными символами и надписями (10 объектов), камни-«животные» (3 объекта), камни-«следовики» (3 объекта) и камни типа «Кравец» («Швец», «Портной» (3 объекта)). Характерной чертой региона является малое количество камней-«чашечников» (2 объекта) и камней с легендами об окаменелых существах (2 объекта), хотя данные памятники весьма характерны для иных регионов Беларуси. Единичными в регионе также являются камень-артефакт в Быховском районе с легендой о церкви, ушедшей под воду, «Белый камень» на территории Костюковичского района, который по представлениям местного населения влияет на урожайность в регионе, и камень-лекарь у д. Падевичи Бельничского района.

Что касается топографической ситуации, она вполне закономерна: наиболее представительные памятники данной группы расположены в северо-западной части региона (Осиповичский, Бобруйский районы), что в полной мере подтверждает теорию ледникового движения валунов.

Безусловно, в данной статье указаны далеко не все сведения о культовых каменных изваяниях, известных на территории Могилевского Поднепровья в прошлом и существующих ныне. Мы рассмотрели наиболее характерные типы памятников, изучение которых – дело будущих исследований. Вместе с тем описанные выше валуны являются интереснейшими артефактами для освещения аспектов сакральной истории Беларуси периода средневековья и нового времени, раскрытия черт и характера культуры и религиозных представлений наших предков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Платов, А. В.** Мегалиты Русской равнины / А. В. Платов. – Москва : Вече, 2009. – 310 с.
2. **Богданович, А. Е.** Пережитки древнего мирозерцания у белорусов / А. Е. Богданович. – Гродно : Губернская Типография, 1895. – 186 с.
3. **Кустинский, М. Ф.** Надгробный камень над павшими в сражении в 1568 году, найденный в Лепельском уезде Витебской губернии / М. Ф. Кустинский // Древности. – Москва, 1874. – Т. IV. – С. 92–93.
4. **Покровский, Ф. В.** Археологическая карта Виленской губернии / Ф. В. Покровский. – Вильна, 1893. – 182 с.
5. **Рассадин, С. Е.** Неизданная книга «(Евдоким Романович Романов). Археологическая карта Могилевской губернии» / С. Е. Рассадина // История книги, книжного дела и библиографии в Белоруссии. – Минск, 1986. – С. 98–148.
6. **Мялешка, М.** Камень у вераваннях і паданнях беларусаў // Деды: дайджест публикаций о белорусской истории. Выпуск 11/ сост., науч. ред. А. Е. Тараса. – Минск, 2013. – С. 143–168.
7. **Вінакураў, В. Ф.** Камяні-жывёлы / В. Ф. Вінакураў, Л. У. Дучыц, Э. М. Зайкоўскі, А. К. Карабанаў, Э. А. Ляўкоў // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 2004. – Вып. № 19. – С. 258–264.
8. **Клеванец, Ю. В.** Топонимы с мистическим смыслом в Осиповичском районе (из книги «Страницы нашей истории») / Ю. В. Клеванец, О. В. Вороненко. – [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: http://livingheritage.by/Videa/klevanec_voronenko.pdf. – Дата доступа: 23.03.2017.
9. **Ляўкоў, Э. А.** Маўклівыя сведкі мінуўшчыны / Э. А. Ляўкоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 215 с.

10. **Жижиан, С. Ф.** Культовые камни Быховского района / С. Ф. Жижиан // *Магілёўшчына* XII выпуск : зб. артыкулаў Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Магілёў, 2014. – 335 с. : ил. С. 60–64.
11. **Ванкель, Г.** Эрратический валун с финикийской надписью, найденный близ Смоленска, в России / Г. Ванкель // *Полотко-Витебская старина*. – Вып. III. – Витебск, 1916. С. 36–43.
12. **Гришанова, Л.** Молчание каменных “рун” / Л. Гришанова. – [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: http://mogilev-region.gov.by/news/molchanie_kamennykh_run. Дата доступа: 23.03.2018.
13. **Карабанай, А. К.** Культывыя і гістарычныя валуны Беларусі / А. К. Карабанай [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – 235 с.
14. **Кулягин, С. Л.** Край животворных криниц. Каталог-путеводитель туристического кластера / С. Л. Кулягин, А. Н. Пахоменко, Н. Б. Тупицына, С. Н. Шишкин. – Могилев : Могилевская областная укрупненная типография, 2016. – 72 с.
15. **Эверс, Д.** Силкин камень / Д. Эверс. – [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <http://www.rodniva.by/2012/08/silkin-kamen/>. – Дата доступа: 23.03.2018.
16. **Карпечанка, М. А.** Уздоўж стромы: Таямніцы / М. А. Карпечанка. – Мінск : Выд. В. Хурсік, 2007. – 144 с.
17. **Копытин, В. Ф.** Археологические памятники Кировского района Могилевской области / В. Ф. Копытин. – Могилев, 2002. – 144 с.
18. **Янчук, Н. А.** По Минской губернии. Записки из поездки 1886 года / Н. А. Янчук. – Минск, 1889. – Ч. 2. – 171 с.
19. **Жижиан, С. Ф.** Культовые каменные изваяния Могилевского Поднепровья: к вопросу о синтезе языческих и христианских традиций / С. Ф. Жижиан // *Религия и общество* – 10 : сборник статей / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – С. 126–128.
20. **Жижиан, С. Ф.** Камни-следовики Могилевского Поднепровья / С. Ф. Жижиан // “Куляшоўскія чытанні” : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Магілёў, 20–21 красавіка 2017 г. / пад агул. рэд. С. Э. Сомова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – С. 229–232.
21. **Егорова, А.** По земле древних племен – на велосипеде: в Могилевской области создают археологический веломаршрут / А. Егорова. – [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <https://www.postkomsg.com/travel/203003/>. – Дата доступа: 23.03.2018.
22. **Янович, Н.** Чудеса да и только, или Кто оставляет следы на камнях / Н. Янович // *Народная Газета*. – 2007. – № 8–9. – 12 января.

Поступила в редакцию 02.05.2018 г.
 Контакты: bychov-museum-dir@yandex.by
 (Жижиан Сергей Филиппович)

Zhyzhyian S. RELIGIOUS AND SACRED BOULDERS OF THE MOGILEV REGION.

Religious and sacred stones have always attracted people's attention for their solidity and mystery. In the second half of the nineteenth century the study of such stones began. The study was duly carried out during the twentieth century. However, a number of objects in the Mogilev region have not yet been examined. This article is an attempt to systematize the monuments regionally.

Keywords: cult stones, boulders, footprint stone (sledovik), stone-tailor, stone-artifact, archaeology, ethnography, Mogilev region.

УДК 94(476):331.108

**КАДРАВАЯ ПАЛІТЫКА
ПАРТЫЙНА-ДЗЯРЖАЎНАГА
КІРАЎНІЦТВА БССР У 1970-я гг.
(на прыкладзе Віцебскай
і Магілёўскай абласцей)**

І. А. Пушкін

кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
харчавання

У артыкуле прааналізаваны матэрыялы рэгіянальных арганізацый КПСС. На прыкладзе Магілёўскай і Віцебскай абласцей паказана рэальнае становішча ў прамысловасці і стан кадравага патэнцыялу, пралікі і недахопы ў кадравай палітыцы партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва Савецкай Беларусі. Адзначана, што ў 1970-я гг. стабільна не скарачалася, а павялічвалася колькасць растрат і крадзяжоў, у выніку чаго народнай гаспадарцы наносілася вялікая матэрыяльная шкода. Шматлікія факты прыпісак і ашукаства ставяць пад сумненне дакладнасць справаздачных лічбаў аб выкананні планаў і праграм эканамічнага развіцця БССР.

Ключавыя словы: кадравая палітыка, кадры, БССР, прамысловасць, эканамічнае развіццё.

Уводзіны

Паколькі кадравая палітыка ў СССР традыцыйна была падкантрольная, перш за ўсё, партыйным структурам і адносілася да вобласці “вялікай палітыкі”, у савецкай гістарычнай навуцы дадзеная праблема альбо наогул не ўздымалася, альбо даследавалася строга ў рэчышчы “генеральнай лініі” КПСС. Так, роля і значэнне КПСС у справе падрыхтоўкі, фарміравання і кіравання кадрамі ў 1970-х гг. раскрыты ў шэрагу публікацый савецкіх даследчыкаў. Галоўным у іх было тое, што задачы, якія ставіліся перад кадравым складам, былі падпарадкаваны не законам развіцця эканомікі, а фарміраванню новага сацыялістычнага ладу пад кіраўніцтвам КПСС [1; 2; 3; 4]. Склад партыйна-савецкага кіраўніцтва і яго роля ў развіцці эканомікі, сістэма падрыхтоўкі кадраў БССР у пэўныя гістарычныя перыяды закрануты ў абагульняючых працах, якія былі выда-

дзены ў апошнія дзесяцігоддзі [5; 6; 7; 8]. У сваіх публікацыях даследчыкі не ў поўным аб’ёме асвятлілі пралікі і недахопы ў кадравай палітыцы партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва Савецкай Беларусі.

Асноўная частка

Сучаснай Беларусі неабходны аб’ектыўны аналіз з пункту гледжання гістарычнага вопыту, кадравай палітыкі дзяржаўнай улады, шляхоў фарміравання, зместу і ўдасканалення кадравага патэнцыялу прамысловасці БССР, сістэмы падрыхтоўкі кадраў. Варта падкрэсліць, што існаванне жорсткага парадку размеркавання кадраў у СССР прыводзіла да таго, што толькі сяброўства ў КПСС адкрывала дарогу спецыялісту для кар’ернага росту. Гэтым партыя спрабавала падтрымліваць кантроль над эканомікай краіны і іншымі сферамі жыцця грамадства.

У адпаведнасці з пастановаю бюро ЦК КПБ “Аб наменклатуры пасадаў ЦК КПБ” (14.01.1972) была зацверджана аналагічная наменклатура пасадаў на абласным, гарадскім і раённым узроўнях. Падбор кадраў ажыццяўляўся на аснове так званых “аб’ектывак” і “гутарак” па інстанцыі (ад інспектара да начальніка аддзялення, упраўлення, намесніка міністра, міністра). Так дасягаліся калектыўныя думка і адказнасць на конт кандыдатуры на пасаду. У выніку, калі кандыдат аказваўся не на сваім месцы, ніхто персанальна не нёс за гэта адказнасць, бо была калектыўная думка. У кандыдата найперш вызначалася такая якасць, як адданасць, вернасць справе партыі, а па сутнасці, таму, хто запрашаў на службу. Прафесіяналізм таксама быў патрэбен, але ён адыходзіў на другі план [9, с. 70]. Адметнасцю кадравай палітыкі ў прамысловасці стала тое, што яе вызначала кіраўніцтва КПСС, рэалізоўвала на практыцы кіраўніцтва міністэрстваў СССР. Менавіта яно адказвала і кантралявала колькасны склад кадраў у рэспубліцы; устанаўлівала пэўныя пасады і ліквідавала іх; зацвярджала пэўную наменклатуру кадраў, пачынаючы з начальніка аддзелаў міністэрстваў, упраўленняў аблвыканкамаў, Мінскага гарвыканкама і іх намеснікаў і заканчваючы намеснікамі міністраў БССР. Рэгіянальным партыйным камітэтам па вертыкалі разам з абласнымі,

гарадскімі і раённымі выканкамамі на сваім узроўні адводзілася роля падбору кадраў для прамысловасці і абавязковае іх узгадненне з вышэйшастаячымі органамі.

Аднак ва ўмовах індустрыяльнай мадэрнізацыі кіраўніцтва партыі, нягледзячы на ўсе спробы і меры, што прымаліся, не здолела захаваць пераважна рабоча-сялянскі склад КПСС, якая паступова ператваралася ў партыю інтэлігенцыі і служачых, што мела вялікае значэнне для далейшага развіцця савецкай дзяржавы. Індустрыяльнае развіццё савецкай дзяржавы, стварэнне новых тэхналогій, агульнае ўскладненне працэсу вытворчасці прывялі да таго, што палітычнай эліце прыйшлося паступіцца некаторымі прынцыпамі ў правядзенні кадравай палітыкі [10; 11].

Аналіз пратаколаў пасяджэнняў абласных партыйных канферэнцый, пленумаў, бюро і сакратарыятаў абласных камітэтаў (АК) КПБ (КПСС) дазваляе нам усебакова прааналізаваць і выявіць негатыўныя аспекты ў змесце і фарміраванні кадравага патэнцыялу БССР на прыкладзе Магілёўскай і Віцебскай абласцей у 1970-я гг. – перыяд буйнага прамысловага развіцця гэтых рэгіёнаў.

Дынамічна і паспяхова развіваліся прамысловасць і рос кадравы патэнцыял Магілёўскай і Віцебскай абласцей у гады дзявятай і дзясятай пяцігодак (1971–1980 гг.). Апераджальнымі тэмпамі развіваліся хімічная, нафтахімічная прамысловасць, машынабудаванне і металаапрацоўка. Павялічвалася аб'ём прамысловай вытворчасці, больш, чым прадугледжвалася пяцігадовымі планами, выраблялася і рэалізоўвалася прадукцыя. Так, у Магілёўскай вобласці ў першай палове 1970-х гг. было ўведзена ў дзеянне 18 прамысловых прадпрыемстваў, больш за 100 буйных вытворчых аб'ектаў. Выпрацоўка электраэнергіі (1975) у параўнанні з 1970 г. узрасла ў 2,6 разы, вытворчасць электрарухавікоў – на 25,4%, помпаў цэнтрабежных – на 87,2%, сельскагаспадарчых машын – у 2,4 разы, канструкцый і дэталей зборных жалезабетонных – на 85%, хімічных валокнаў – у 2,8 разы, абутку скуранага – на 64,1%, тавараў культурна-бытавага прызначэння

і гаспадарчага ўжытку – на 61,3% і шэраг іншай прадукцыі. Было асвоена 180 новых відаў машын, абсталявання, апаратаў, прыбораў, ўкаранёна 417 механізаваных струменевых і аўтаматычных ліній. Прадукцыйнасць працы павысілася на 46,3% пры заданні на 45,8% [12, арк. 1–2].

У Віцебскай вобласці было пабудавана шмат буйных заводаў: каляровых тэлевізараў, бялкова-вітамінных канцэнтратаў, “Эвістар”, “Шкловалакно”, керамзітавага жвіру, Віцебскі домабудаўнічы камбінат, вытворчыя аб'яднанні “Нафтан”, “Палімір”, “Маналіт”, “Электравымяральнік”, “Оршабудматэрыялы” і інш. У Магілёўскай вобласці з'явіліся такія ўнікальныя прадпрыемствы, як аб'яднанне “Хімвалакно”, Магілёўскі камбінат шаўковых тканін, кардонна-руберойдавы завод у Асіповічах, доследна-прамысловая вытворчасць віскознай сасісачнай абалонкі на заводзе штучнага валакна, новыя аб'екты сельскагаспадарчага прызначэння, перапрацоўчай, лёгкай і харчовай прамысловасці і інш. Завяршалася будаўніцтва Бабруйскага завода трактарных раскідвальнікаў угнаенняў і завода масавых шын Беларускага шыннага камбіната. Усё гэта ў спалучэнні з канцэнтрацыяй вытворчасці, інтэнсіўнымі метадамі вядзення гаспадаркі дазваляла дасягнуць найвышэйшых у БССР тэмпаў росту аб'ёму вытворчасці [13, арк. 9–14]. У гэтым была заслуга як працоўных, так і кіраўнікоў, якія складалі кадравы патэнцыял рэспублікі. Толькі па выніках восьмай пяцігодкі ў Магілёўскай вобласці 3908 чалавек былі ўзнагароджаны ордэнамі і медалямі СССР [14, арк. 140].

Побач з поспехамі ў гаспадарчым развіцці выразна прасочваліся сур'ёзныя недахопы ў рабоце шматлікіх прамысловых прадпрыемстваў, а значыцца, у кіраўніцтве імі. Заўважалася схільнасць да састарэлых форм і метадаў працы, няўменне на поўную сілу выкарыстоўваць велізарны патэнцыял інжынернай думкі і дасягненні навукі. Павярхоўны падыход не дазваляў кіруючым колам КПБ і гаспадарнікам знаходзіць аптымальныя рашэнні складаных праблем, ліквідацыі прычын, якія спараджалі недахопы.

На XI пленуме Віцебскага АК КПБ (1972) было адзначана, што, сярод іншага, 3-за кадравых праблем у Віцебскай

вобласці за 10 месяцаў 1972 г. 40 прамысловых прадпрыемстваў (14,7%) не выканалі план па рэалізацыі прадукцыі, 62 прадпрыемствы – па прадукцыйнасці працы, а на 45 прамысловых прадпрыемствах яна значна зменшылася ў параўнанні з 1971 г. 3 22 прадпрыемстваў, абследаваных за III квартал 1972 г., 10 выпускалі прадукцыю з парушэннем патрабаванняў стандартаў і тэхнічных умоў [15, арк. 16–17].

Гаспадарчыя кіраўнікі, каб атрымаць прэміі і славу, часам становіліся на шлях ашуканства і падману дзяржавы, завышаючы паказчыкі выканання планавых заданняў. Прычым гэта не адзіночковыя факты. Прыпіскі, ашуканства, крадзеж дзяржаўных сродкаў мелі месца на прадпрыемствах транспарту, гандлю і побыту, у будаўнічых арганізацыях, калгасах і саўгасах, прамысловых прадпрыемствах.

Асабліва шмат было буйных крадзяжоў і злоўжыванняў у спажывецкай кааперацыі БССР. За 1969–1972 гг. было зарэгістравана 343 выпадкі буйных расстрат і крадзяжоў таварна-матэрыяльных каштоўнасцей на суму 465,5 тыс. руб. Толькі ў 1971 г. ў Магілёўскай вобласці ў ходзе фінансава-гаспадарчых рэвізій і крымінальных следстваў выяўлена 178 розных адказных асоб, якія ўдзельнічалі ў крадзяжы дзяржаўнай і грамадскай уласнасці. За дапушчаныя злоўжыванні было прыцягнута да адказнасці 146 работнікаў спажывецкай кааперацыі. У першай палове 1972 г. было знята з пасадаў 14 кіруючых работнікаў, у тым ліку старшыня райспажывусяюза [16, арк. 194–195].

Нездавальняюча забяспечвалася захаванасць сацыялістычнай уласнасцю ў Крычаўскім, Хоцімскім, Клімавіцкім, Краснапольскім, Бялыніцкім, Чавускім, Горацкім, Слаўгарадскім райспажывусяюзах, Клічаўскім і Чэрыкаўскім райпа. Толькі за 1970–1972 гг. за незабеспячэнне даручанага ўчастка работы, дапушчаныя злоўжыванні і іншыя недахопы ў працы было вызвалена ад займаемых пасадаў 6 старшынь праўленняў райспажывусяюзаў, 10 намеснікаў старшынь праўленняў па гандлі і 12 па кадрах, 12 дырэктараў аптэчных баз, 12 дырэктараў райнарыхкантор, 11 галоўных бухгалтараў і 547 матэрыяльна адказных работнікаў [17, арк. 3].

Факты злоўжыванняў і хабарніцтва былі выкрыты ў той час і ў сферы будаўніцтва, сістэме жыллёвых будаўнічых кааператываў, на прадпрыемствах мясной і малочнай прамысловасці.

Калектыўнымі крадзяжамі дзяржаўных сродкаў шляхам складання фіктыўных працоўных пагадненняў і іншых махінацый займаліся ў вытворчым аб'яднанні “Бабруйсксельмаш”. У ліку ініцыятараў былі намеснік генеральнага дырэктара аб'яднання, начальнікі планавага і вытворчага аддзелаў, выконваючы абавязкі галоўнага бухгалтара (усе члены КПСС). За два гады імі была скрадзена каля 3 тыс. руб. [13, арк. 44].

На Бабруйскім малочным заводзе было выкрадзена каштоўнасцей больш чым на 100 тыс. руб.

Доўгі час у будаўнічым упраўленні № 58 трэста “Лаўсанбуд” (Магілёў) дзейнічала група раскрадальнікаў. Яна займалася крадзяжом будаўнічых матэрыялаў, якія затым прадаваліся прыватным асобам, а атрыманыя грошы прысвойваліся. Адным з актыўных удзельнікаў групы раскрадальнікаў з'яўляўся сам начальнік гэтага ўпраўлення [16, арк. 183, 200].

Не было належага патрабавання і высокай прынцыповасці ў адназначнай дзейнасці партыйных, савецкіх і гаспадарчых кіраўнікоў. Часта замена работнікаў уяўляла простую механічную перастаноўку кадраў, што не давала жаданага выніку.

Дырэктар Магілёўскага камбіната будаўнічых матэрыялаў з мэтай атрымання прэмій і іншага матэрыяльнага ўзнагароджання займаўся прыпіскамі і ашуканствам. Ленінскі райкам партыі прыцягнуў яго да партыйнай адказнасці, абласное ўпраўленне мясцовай прамысловасці вызваліла яго ад працы “па ўласным жаданні”. Але ўпраўленне бытавога абслугоўвання тут жа прызначае яго дырэктарам Магілёўскага аб'яднання па хімчыстцы і лазнева-пральнаму абслугоўванню.

У трэсце “Магілёўсельбуд” у свой час за прыпіскі, крадзеж будаўнічых матэрыялаў і іншыя злоўжыванні быў зняты з працы начальнік ПМК-58. Вельмі хутка ён быў прызначаны начальнікам вытворчага аддзела, а потым і галоўным інжынерам ПМК-44 [16, арк. 181, 185–186, 195, 202].

Намеснік начальніка ўпраўлення мяцовай прамысловасці Віцебскай вобласці быў вызвалены ад пасады за злоўжыванне службовым становішчам, але адразу быў прызначаны дырэктарам хімізавода. Затым намеснікам генеральнага дырэктара ВА “Хімпласт”, у 1972 г. Чыгуначным РК КПБ г. Віцебска быў рэкамендаваны на пасаду дырэктара завода жалезабетонных вырабаў трэста “Віцебскаблсельбуд”. А ў лістападзе 1972 г. вызвалены ад пасады, бо не справіўся з працаю [15, арк. 14–15].

Доўгі час у г. Магілёве ставілі ў прыклад як лепшага кіраўніка дырэктара завода тэхналагічнага абсталявання або тады яшчэ ложкавага завода. А потым высветлілася, што на заводзе выпускалася няякасная прадукцыя, квітнела ашуканства, незаконна выдаваліся грашовыя прэміі [16, арк. 181–186].

Былі факты прыпісак і адпаведна незаконных выплат прэміяў на Магілёўскім мясакамбінаце і ліфтабудаўнічым заводзе. Прычым на апошнім у справаздачах аб выкананні бягучых планаў за 1971 г. і 1978 г. (дырэктар быў той жа). Нягледзячы на гэта, завод рэгулярна значыўся на абласной Дошцы гонару [18, арк. 43–44; 19, арк. 68–75]. Кіраўніцтва завода на працягу двух год (1977–1978) уключала ў выкананне плана рэалізацыі не адгружаную прадукцыю. За гэта было незаконна выплачана 120 тыс. руб. прэміяў (амаль тысячу атрымаў дырэктар завода, а сакратар партыйнага камітэта завода – 1103 руб.) [20, арк. 57].

За 1970–1971 гг. у Магілёўскай вобласці было прыцягнута да партыйнай адказнасці каля 120 сакратароў пярвічных партарганізацый. Асабліва дрэнна ішла справа ў Магілёўскай, Чэрыкаўскай і Чавускай раённых партарганізацыях [16, арк. 175]. За 1974–1975 гг. 61 кіраўнік асноўнай абласной наменклатуры былі вызвалены ад займаемай пасады, бо не забяспечылі працу або скампраметавалі сябе [13, арк. 54–56].

Сур’ёзныя недахопы ў падборы, расстаноўцы і выхаванні кадраў дапускаў Бабруйскі гаркам КПБ. За тры гады ў Бабруйску было заменена 63 работнікі, якія ўваходзілі ў наменклатуру гаркама. За гэты ж час 30 кіруючых работнікаў было прыцягнута да партыйнай адказнасці.

За 1970–1971 гг. за ганебныя паводзіны і розныя правіннасці былі вызвалены ад працы старшыні райвыканкамаў: Краснапольскага, Клічаўскага, Кіраўскага. За праяўленую нясціпласць пры вырашэнні жыллёва-кватэрных пытанняў былі пакараныя ў рознай меры старшыні Касцюковіцкага, Клімавіцкага, Хоцімскага райвыканкамаў. Замест таго каб наводзіць парадак у раёнах, папярэджаць разнастайныя парушэнні, яны самі паказвалі дрэнны прыклад [16, арк. 184, 176–177]. Інспектарскай групай ЦК КПБ былі выяўлены факты неабгрунтаванай замены кватэр адказнымі работнікамі Магілёўскага аблвыканкама і абкама КПБ [21, арк. 55–58].

Падводзячы вынікі працы бюро Магілёўскага АК КПБ, сакратар абкама В. Прышчэпчык адзначыў, што за 1976–1977 гг. на пленумах і бюро абкама, гаркамаў і райкамаў КПБ разгледжана больш 230 пытанняў, якія тычыліся паляпшэння працы кадраў: *“Ошибки в подборе, расстановке и воспитании кадров – одна из главных причин довольно большой сменяемости работников, отставания ряда предприятий промышленности, строительных организаций, колхозов и совхозов. За два года освобождено от занимаемых должностей 80 работников номенклатуры обкома КПБ, которые утратили авторитет недостойным поведением и по своим деловым и моральным качествам не могли больше оставаться на ответственных должностях <...> Много фактов, когда отдельные “горе-руководители” говорили одно, провозглашали с трибуны о высоких моральных качествах, а делали совсем другое, по уши впледали в грязь стяжательства, теряли совесть, запускали руку в государственный карман. В работе с кадрами у нас еще было много формализма”* [18, арк. 127–129].

За 1971–1975 гг. органамі народнага кантролю за прыпіскі і падман дзяржавы, праявы месніцтва ў Магілёўскай вобласці былі прыцягнуты да адказнасці 644 пасадавыя асобы [12, арк. 10, 14–15], што складала 4,47% наменклатуры Магілёўскага абкама, гаркамаў і райкамаў КПБ вобласці, у склад якой ўваходзілі 14393 чалавекі [16, арк. 171].

За 1976–1978 г. змянілася 47 за-
гадчыкаў аддзелаў і 135 інструктараў
гарадскіх і раённых камітэтаў партыі, і
толькі 48% з ліку змяніўшыхся работнікаў
гаркамаў і райкамаў былі вылучаны
на больш адказную працу. Былі вы-
мушаны (менавіта так адзначалася на
XX Магілёўскай абласной партыйнай
канферэнцыі) вызваліць ад займаемых
пасадак 110 чал. наменклатуры АК КПБ.
За розныя парушэнні статута КПСС на
763 кіруючых работнікаў былі на-
кладзены строгія партыйныя спагнанні.
Да крымінальнай адказнасці прыцягнулі
2,5 тыс. раскрадальнікаў народнага да-
бра, больш 40 тыс. чалавек трапілі ў
медвыцвярэнні [20, арк. 41, 57].

У Віцебскай вобласці за 1975–
1980 г. больш за 100 кіраўнікоў за розныя
злویжванні атрымалі спагнанні па лініі
КПСС, 27 былі вызвалены ад займаемых
пасадак. У наступны перыяд сітуацыя ў
вобласці толькі пагаршалася. Так, толькі за
1981 г. былі прыцягнуты да крымінальнай
адказнасці 138 кіраўнікоў [22, арк. 86].

Бюро ЦК КПБ у сваёй пастанове “Аб
працы Магілёўскага абкама КПБ з кадрамі
ў святле XXV з’езда КПСС” (1979) ад-
значыла, што праца з кадрамі не стала
на той час галоўнай у дзейнасці шэрагу
партыйных камітэтаў, стыль і метады не
адпавядалі ўзрослым задачам гаспадар-
чага і культурнага будаўніцтва [23, арк. 9].
Абласное кіраўніцтва не пазбавілася ад
фармальна-бюракратычнага стылю ў пра-
цы. Значную частку часу гублялі на пра-
вадзенне пасяджэнняў і нарад, на разгляд
і падрыхтоўку розных дакументаў.

Заклучэнне

Такім чынам, аналіз матэрыялаў
двух абласных камітэтаў кампартыі даз-
валяе выявіць рэальнае становішча ў
прамысловасці і стане кадравага патэнцыя-
лу, пралікі і недахопы ў кадравай палітыцы.
Варта падкрэсліць, што ў іх трапілі толькі
тыя прыклады, якія не магчыма было схва-
цаць ад грамадскасці. Шматлікія факты
па ідэалагічных прычынах замоўчваліся.
Неабходна адзначыць, што ў 1970-я г.
прасочвалася тэндэнцыя не да скарачэн-
ня, а да павялічэння колькасці растрат
і крадзяжоў, у выніку чаго народнай га-
спадарцы наносіўся вялікі матэрыяльны

ўрон. За ўвесь час пабудовы сацыялізму і
камунізму партыйна-савецкае кіраўніцтва
так і не вырашыла, сярод іншых, прабле-
му ашуканства і крадзяжоў нават у ася-
родку кіруючых кадраў. У шэрагу гарадоў
і раёнаў не заўважаліся факты прыпісак і
падману дзяржавы, памяркоўна адносіліся
да тых работнікаў, якія скампраметавалі
сябе, і ім вельмі часта знаходзілі новыя
кіруючыя пасады. Усё гэта сведчыць
пра неэфектыўнасць кадравай палітыкі
партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва БССР.
Шматлікія факты прыпісак і ашуканства
ставяць пад сумненне дакладнасць спра-
ваздачных лічбаў аб выкананні планаў і
праграм гаспадарчага развіцця БССР.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Возрастание руководящей роли КПСС в строительстве социализма и коммунизма / редкол.: П. А. Родионов [и др.]. – Москва : Политиздат, 1979. – 296 с.
2. **Петрови́чев, Н. А.** Возрастание руководящей роли КПСС и вопросы организационно-политической работы / Н. А. Петрови́чев. – Москва : Политиздат, 1982. – 255 с.
3. **Пронин, И. И.** Руководящие кадры: подбор, расстановка и воспитание / И. И. Пронин. – Москва : Мысль, 1981. – 224 с.
4. **Разумов, Е. З.** Проблемы кадровой политики КПСС / Е. З. Разумов. – Москва : Политиздат, 1983. – 192 с.
5. Гісторыя Беларусі : у 6 т. – Т. 6 : Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]; рэд. калегія: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Сучасная школа, Экаперспектыва, 2011. – 728 с.
6. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. Кн. 2 / М. У. Смяховіч [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 654 с.
7. Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе / М.П. Касцюк [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац.акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус.навука, 2008. – 615 с.
8. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. Ч. 2 / А. П. Касцюк, І. М. Ігнаценка, У. І. Вышынскі і інш. ; Інстытут гісторыі АНБ. – Мінск : Беларусь, 1995. – 560 с.
9. **Барвіно́к, К. І.** Кадравая палітыка ў сістэме МУС Беларусі ў 60–80-х гадах XX ст. / К. І. Барвіно́к, І. А. Саракавік // Весці НАНБ. Серыя гуманітарных навук. – 2005. – № 4. – С. 69–75.

10. **Федоров, А. В.** Кадровая политика СССР в период внутри- и внешнеполитического развития в 1970–1980-х гг. / А. В. Федоров // Сборник трудов молодых ученых МПИ ФСБ России. Вып. 3. – Москва, 2004. – С. 12–19.
11. **Федоров, А. В.** Кадровая политика СССР на завершающем этапе индустриальной модернизации (конец 1950–1980-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Федоров. – Москва, 2005. – 16 с.
12. Доклад "Основные итоги развития народного хозяйства Могилевской области за 1971–1975 годы" // Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Магілёўскай вобласці (ДАГАМаг). – Фонд 9. Воп. 155. Спр. 2.
13. Отчетный доклад Могилевского обкома КПБ XIX областной партийной конференции (23–24.12.1975 г.) // ДАГАМаг. – Фонд 9. Воп. 155. Спр. 1.
14. Постановление пленума Могилевского обкома КПБ от 04.07.1972 г. // ДАГАМаг. – Фонд 9. Воп. 149. Спр. 3. Арк. 140.
15. Протокол XI пленума Витебского областного комитета КПБ 28–29.11.1972 г. // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВц). – Фонд 1-п. Воп. 124. Спр. 8.
16. Протокол № 8 заседания пленума Могилевского обкома КПБ от 04.07.1972 г. // ДАГАМаг. – Фонд 9. Воп. 149. Спр. 3.
17. Протокол № 33 заседания бюро Могилевского обкома КПБ от 6.04.1973 г. // ДАГАМаг. – Фонд 9. Воп. 151. Спр. 15.
18. Протокол № 11 заседания пленума Могилевского обкома КПБ от 19.04.1978 г. // ДАГАМаг. – Фонд 9. Воп. 159. Спр. 109.
19. Постановление бюро Могилевского обкома КПБ, исполнительного комитета областного Совета депутатов и президиума областного совета профсоюзов от 29.10.1974 г. // ДАГАМаг. – Фонд 9. Воп. 153. Спр. 40.
20. Протокол XX Могилевской областной партийной конференции от 26.01.1979 г. // ДАГАМаг. – Фонд 9. Воп. 162. Спр. 2.
21. Протокол № 7 заседания секретариата Могилевского обкома КПБ от 6.05.1975 г. // ДАГАМаг. – Фонд 9. Воп. 155. Спр. 48.
22. Протокол VII пленума Витебского областного комитета КПБ. 02.09.1982 г. // ДАВц. – Фонд 1-п. Воп. 154. Спр. 11.
23. Протокол № 2 заседания пленума Могилевского обкома КПБ от 11.04.1979 г. // ДАГАМаг. – Фонд 9. Воп. 162. Спр. 12.

Паступіў у рэдакцыю 26.02.2018 г.
 Кантакты: ihar.pushkin.st@gmail.com
 (Пушкін Ігар Аляксандравіч)

Pushkin I. PERSONNEL POLICY OF THE PARTY AND STATE LEADERSHIP OF THE BSSR IN THE 1970s (in Vitebsk and Mogilev regions).

The author analyzes the materials of the regional organizations of the CPSU. The situation in industry and the state of the personnel potential, errors and shortcomings in the personnel policy of the party and state leaders of the Soviet Belarus are displayed regarding Mogilev and Vitebsk regions. The number of cases of embezzlement and peculation in the 1970s increased rather than decreased, which resulted in considerable material damage to the national economy. The numerous facts of distortions and frauds cast doubt on the reliability of the reported figures on the implementation of plans and programs for the economic development of the BSSR.

Keywords: personnel policy, personnel, BSSR, industry, economic development.

УДК 947.6 ("1921–1939")

НАРОДНЫЯ РАМЁСТЫ І ПРОМЫСЛЫ ЁШТОДЗЁННАСЦІ ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА (1921–1939 гг.)

В. П. Гарматны

кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Інстытут парламентарызму
і прадпрымальніцтва

У артыкуле паказана месца народных рамёстваў і промыслаў у штодзённым жыцці насельніцтва Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг., адзначаны іх асноўныя віды і асаблівасці, разгледжана заканадаўчая база і меры па дзяржаўнай падтрымцы саматужніцтва.

Ключавыя словы: здабыча, рамяство, саматужнік, ткацтва, ганчарства.

Уводзіны

Для задавальнення патрэб насельніцтва ў вопратцы, абутку і прадметах дамяшняга абиходу, прыладах працы і інструментах жыхароў Заходняй Беларусі ў міжваенных польскіх улад не хапала магутнасцей фабрычна-завадской вытворчасці. Акрамя таго, справу ўскладняла недастаткова развітая транспартная сетка. У сувязі з гэтым з 1920-х гг. тут і асабліва на Палессі пачынаецца адраджэнне і бурнае развіццё рамеснай вытворчасці і промыслаў, на якіх, дарэчы, практычна ніяк не адбіўся суветны эканамічны крызіс 1929–1933 гг.

Асноўная частка

Паводле меркаванняў сучаснікаў, “на Белай Русі, на Палессі і часткова на Валыні, перш за ўсё ў вёсках, размешчаных у аддаленасці ад гарадоў, селянін вырабляе ледзьве не ўсе тавары першай неабходнасці, а менавіта кухонныя прылады, лодкі, вопратку, бялізну, абутак, сані і вазы, сельскагаспадарчы і рамесніцкі інвентар, кашы, сеці і спажывецкія вырабы.

Чым далей ад чыгункі, тым большая і разнароднейшая назіраецца самазабяспечанасць народнага промыслу. Бадай, найбольш распаўсюджаны гэты промысел на Палессі, дзе з-за

транспартных цяжкасцей селянін вымушаны вырабляць усё для сябе самастойна. Промыслы гэтыя неарганізаваныя. Прымітыўныя прылады дазваляюць вырабляць вельмі нязначную колькасць на задавальненне ўласных альбо суседскіх патрэб, рэдка лішнія вырабы вывоззяцца на навакольныя рынкі і кірмашы, дзе некаторыя вырабы таксама скупляюцца пасярэднікамі”. Акрамя таго, вельмі часта нетаварны характар промыслаў вынікаў не толькі з недахопаў тавару, але і з псіхалагічных прычын (мабыць, незаўсёды прыязнае стаўленне да чужакоў і жаданне мець запас на “чорны дзень”): “Звычайна ўласных вырабаў не жадаюць прадаваць, тлумачачы тым, што маюць іх мала, хоць не адпавядае гэта рэчаіснасці” [1, с. 69–71].

Многія тагачасныя журналісты з вялікай доляй перабольшвання гаротнага стану жыхароў Палесся ў мэтах сенсацыйнасці адзначалі: “У дрэнных, худых хатах, дзе грош не кружыў па вёсцы, вяртаюцца да старых праўдаў самадастатковасці <...> Паляшук патрапіць абысціся нават без цвікоў, ужываючы драўляныя калочкі. Перапрацоўваючы ўласную сыравіну, выкарыстоўваючы вольны ад сельскагаспадарчых работ час, вёска павялічвае свой дабрабыт, працуючы на сябе. У выпадках, калі прадае свае вырабы, [вясковец] атрымлівае дадатковы заробак, які дазваляе яму выжыць на дрэнных і скупых [мясцовых] грунтах” [2, с. 187].

Пад рамёствамі разумеецца дробная вытворчасць, заснаваная на індывідуальнай ручной працы з выкарыстаннем механічных прылад і інструментаў. Пры гэтым кожны прыродны матэрыял, што служыць асновай для вырабу разнастайных рэчаў, патрабуе свайго “індывідуальнага падыходу”, асобай тэхнікі апрацоўкі, спецыфічных навыкаў і прылад працы [3, с. 106]. Польскія даследчыкі адносяць да рамеснікаў дробнатаварных вытворцаў, якія ажыццяўлялі сваю гаспадарчую дзейнасць на падставе карты рамесніка, а таксама ўсіх незалежных індывідуальных прадпрымальнікаў, маючых менш за пяць наёмных працаўнікоў [4, с. 73].

Да пачатку XX ст. рамясло прайшло тры перыяды свайго развіцця: хатняе рамяство, рамяство на заказ, рамяство як дробнатаварная вытворчасць (саматужная прамысловасць). У міжваенны перыяд у заходнебеларускіх мястэчках былі прадстаўлены ўсе тры пералічаныя формы рамяства і для большасці насельніцтва рамяство было звязана выключна з рынкам. З тэрмінам “рамяство” вельмі цесна пераплятаецца тэрмін “промысел”, пад якім разумеецца рамяство, разнастайныя віды вырабаў, вызначаныя на продаж ці на заказ, занятак з мэтай здабычы дадатковых сродкаў існавання [3, с. 106; 5, с. 188; 6, с. 22–23].

Напачатку 1920-х гг. дзейнасць у напрамку падтрымкі і развіцця саматужных промыслаў на Палессі разгарнуў Камітэт дапамогі польскім Крэсам усходнім, які быў аддзелам амерыканскай арганізацыі анабаптыстаў (аднаго з накірункаў неапратэстантызму). У ваяводстве ім быў створаны аддзел саматужных промыслаў, які займаўся арганізацыяй ткацтва і вышыўкі. Палатно прадавалася на кірмашах, вышыўкі народных майстроў ішлі на эскпарт, большай часткай у ЗША. На 1926 г. у ваяводстве пад патранатам Камітэта працавала 348 майстроў у 33 вёсках [7, с. 14].

Акрамя таго, у 1920–1930-я гг. Польшча была адзінай еўрапейскай дзяржавай, якая мела досыць распрацаваную заканадаўчую базу, накіраваную на рэгуляванне рамяства і рамеснай вытворчасці. Польскія ўлады былі зацікаўлены ў плённым развіцці гэтай культуры, і з гэтай мэтай Сеймам міжваеннай Польшчы 31 ліпеня 1924 г. прыняты Закон аб народных промыслах, на падставе якога гэтая галіна пачала атрымліваць істотныя ўрадавыя фінансавыя субсідыі. З 1918 г. у складзе Міністэрства прамысловасці і гандлю дзейнічаў аддзел народных промыслаў, з дапамогай якога ў 1920-я гг. былі створаны чатыры таварыствы дапамогі народным промыслам: у Вільні, Навагрудку, Брэсце (з 1925 г.) і Беластоку, якія наладжвалі выставы і кірмашы ў многіх мястэчках Заходняй Беларусі [8, с. 344]. Асноўным дакументам, які вызначаў прававое

палажэнне рамёстваў у Польшчы і Заходняй Беларусі, было “Прамысловае права” ад 16 снежня 1927 г., выдадзенае на аснове распараджэння прэзідэнта Польшчы “Аб прамысловым праве” ад 7 чэрвеня 1927 г. Гэта першы нарматыўны акт, які рэгуляваў пытанні дзейнасці рамяства ў Польшчы пасля аднаўлення незалежнасці.

Згодна з артыкулам 144 прамысловага права: “Хто пачынае самастойнае правядзенне рамяства, павінен адначасова з заявай паказаць прамысловай уладзе і інстанцыі, што мае прафесійныя здольнасці для правядзення дадзенага рамяства”. Гэты артыкул у дапаўненне да распараджэння прэзідэнта Польшчы 1934 г. атрымаў некаторыя змены: “Ажыццяўляць рамесную вытворчасць можна толькі пасля атрымання ад прамысловай улады і інстанцыі рамеснай карты, выдадзенай пасля доказу перад гэтай уладай валодання прафесійнымі здольнасцямі для правядзення дадзенага рамяства”. Атрыманне рамеснай карты было вельмі маруднай справай, якая патрабавала шмат часу для збору ўсіх неабходных дакументаў і вялікіх фінансавых выдаткаў. Каб атрымаць карту, неабходна было мець польскае грамадзянства, дыплом аб здачы экзамена па адпаведнай спецыяльнасці, а таксама аплаціць рамесную карту. Сама працэдура атрымання рамеснай карты была наступнай: рамеснік звяртаўся да павятовага старасты з прашэннем аб дазvole атрымаць карту і прадстаўляў усе неабходныя дакументы. Потым павятовы стараста накіроўваў дакументы ў рамесную палату, якая на аснове прадстаўленых матэрыялаў вырашала пытанне аб выдачы рамеснай карты. Часцей за ўсё рамеснікі не маглі прадставіць неабходныя дакументы на вядзенне рамяства, таму вымушаны былі звяртацца з просьбамі да павятовых стараст. Так, напрыклад, жыхар Косіцкай гміны Брэсцкага павета Зыгмунт Катшыцкі ў 1934 г. звяртаўся з паданнем да палескага ваяводы. У ім сцвярджалася, што рамяством муляра ён займаўся ўжо даўно. Да першай сусветнай вайны працаваў у бацькі спачатку ў якасці вучня, а потым і чалядніка. Аднак падчас вайны бацька загінуў і не пакінуў ніводнага дакумента, які мог бы пацвердзіць яго прафесійныя здольнасці ў дадзеным

рамястве. Таму ён звяртаўся да ваяводы з просьбай дазволіць яму вытрымаць неабходны іспыт пры рамеснай палаце. Да свайго прашэння ён прыклаў сведчанні інжынера І. Масталанскага і архітэктара В. Новака, у якіх яны пацвярджалі яго прафесійныя здольнасці. На аснове 146-га артыкула прамысловага права Брэсцкая рамесная палата вызваліла Катшыцкага ад неабходнасці іспытаў. Аднак такія выпадкі былі адзінкавыя. Вельмі часта рамеснікі звярталіся з прашэннямі вызваліць іх ад кваліфікацыйных іспытаў. Асноўнымі прычынамі называліся непісьменнасць і цяжкае матэрыяльнае становішча: не ўсе рамеснікі маглі заплаціць за экзамен пошліну памерам 40 злотых. Былі выпадкі, калі рамеснікам адмаўлялі ў выдачы рамеснай карты па прычыне іх маладога ўзросту: напрыклад, у рамеснай карце было адмоўлена краўцам Гершону Векслеру і Абраму Уладаўскаму, жыхарам Брэста, шаўцу Боруху Юлевічу, жыхару вёскі Лахва Лунінецкага павета [9, с. 79].

У снежні 1936 г. у мемарыяле, накіраваным у Рату Міністраў міжваеннай Польшчы, адзначалася наяўнасць на Палессі 38 400 асоб, якія працавалі ў сферы рамесніцтва і валодалі 12 800 адзінкамі інвентару (у сярэднім 1 прылада і 3 працаўнікі на 88 мясцовых жыхароў). У мемарыяле рабілася выснова пра нізкі працэнт насельніцтва, занятага ў рамесніцтве, і недастатковую іх тэхнічную ўзброенасць [10, с. 19], але з гэтым можна не пагадзіцца, улічваючы тое, што абсалютная большасць мясцовых сялян-саматужнікаў не рэгістравалася ў адпаведных органах і таму не трапляла ў статыстычныя звесткі, што прыводзіла аўтараў мемарыяла да такіх высноў.

Мястэчкі Заходняй Беларусі, і ў тым ліку Палесся, выступалі цэнтрамі сельскіх гмін і паступова мясцовыя рамеснікі маналізіравалі тут рамесную вытворчасць. Назіралася спецыялізацыя асобных рэгіёнаў ваяводства па вытворчасці вызначанай прадукцыі. Напрыклад, у вёсцы Гараднай Столінскага павета да рэвалюцыі 1917 г. ганчарным промыслам займаліся толькі тры сям'і, а ў міжваенны перыяд ён стаў на вёсцы паўсюдным (219 сямей), за выключэннем яўрэяў (каля 20% мясцовага насельніцтва). Белую гліну

(каалін) здабывалі ў залежах на захад ад мястэчка. Кожны ганчар меў прымітыўную прыладу працы, так званы "станок". Працэс вытворчасці ганчарных вырабаў складаўся з некалькіх этапаў: падрыхтоўка гліны, выраб прадукцыі, сушка і апальванне посуду, а таксама яго аздабленне [1, с. 347]. У 1930-я гг. белаглінная кераміка ў Гараднай паступова выцясняецца глазураванай [11, с. 317].

У Гараднай існавала нават асобная сістэма мер ганчарнага посуду: увесь посуд падзяляўся на "дзясяткі" і "фуры" (вазы). Паасобку ён меў свае назвы: аб'ёмам каля літра называўся "мамзель", 2-літровы – "паўзлівач", 3-літровы – "злівач" ці "семак", ад 4 да 6 літраў – "нярознак", 6-8 літраў – "пададзінец", 8-16 – "адзінец" і звыш 16 літраў – "паляк". Аснову ўмоўнага дзясятка складалі 10 "мамзеляў". "Паўзлівачоў" ці "семакоў" прыходзілася 7 на дзясятка, "злівачоў" – 5, "нярознакаў" – 3, "пададзінцоў" – 2, "адзінцоў" – 3 на 2 дзясяткі, "палякоў" – 1 на дзясятка. Фурай лічылі 100 умоўных дзясяткаў посуду [12, с. 155]. Зробленыя гаршкі ганчар ладаваў на высокія фурманкі і ехаў ад вёскі да вёскі, дамоў жа вёз фурманку са збожжам, а часам па ацэнках даследчыкаў прыбытак памерам некалькі дзясяткаў злотых [2, с. 186]. У выніку Гарадная пераўтварылася ў мястэчка, цэнтр ганчарства ў радыусе 100 кіламетраў, а ў тутэйшых майстроў былі свае пастаянныя гандлёвыя месцы ў Львове, Варшаве, Беластоку і Любліне. Пра значнасць ганчарнага промыслу сведчыў той факт, што дзяўчаты з Гараднай адмаўляліся выходзіць замуж за хлопцаў, якія не ўмелі працаваць на ганчарным крузе. У сувязі з гэтым варта падкрэсліць, што вырабы сялян з вёскі Гараднай набылі агульнадзяржаўную вядомасць, і ў 1936 г. польскімі дакументалістамі студыі "Авангард" была знята дакументальная кінастужка "Гарадная – мястэчка гліняных гаршкоў" (на жаль, не захавалася) [13, с. 282–283].

Няўдалай была спроба наладзіць у Гараднай выраб кафлі, што магло палепшыць матэрыяльны стан мясцовых жыхароў. Навакольная гліна апынулася непрыдатнай для вырабу кафлі. Майстры выраблялі ў сярэднім 100-150 штук кафлі, што было нязначным,

каб наладзіць працэс вытворчасці [8, с. 347].

Яшчэ адным шырокараспаўсюджаным заняткам стала ткацтва, якое існавала ў форме хатняга промыслу. Большую частку яго прадукцыі складалі лянныя тканіны, якімі сяляне шырока карысталіся ў штодзённым быццё. На Палессі для пашыву вопраткі і бялізны з-за дарагоўлі прывазнога матэрыялу амаль усё вясковае насельніцтва выкарыстоўвала тканіны ўласнага вырабу. Па ацэнках даследчыкаў сярэдні рабочы год у ткацкім промысле складаў 100 дзён (каля 90 дзён зімой і 14 летам). За гэты перыяд ткачыя выпрацоўвала ад 20 да 50 метраў гатовай ільнай тканіны шырынёй не больш за 70 см. Кошт палатна вагаўся ў залежнасці ад рэгіёна і ў сярэднім складаў 1 злоты 50 грошаў [7, с. 14].

У 1920-я гг. у гарадах міжваеннай Польшчы назіраўся рост вытворчасці дэкаратыўных тканін, якія былі важным складнікам убрання жыллага памяшкання, аднак, улічваючы іх дарагоўлю, акцэнт усё ж робіцца на танныя вясковыя тканіны. У 1935–1936 гг. попыт на дадзены від тканіны паступова пачынае зніжацца ў сувязі з шырокім развіццём фабрычнай вытворчасці па перапрацоўцы льна. Найбольш распаўсюджанымі вырабамі ткацкага промыслу былі ручнікі, палатно для вопраткі, абрусы, пакрывалы, коўдры. Сярод цэнтраў ткацтва па вытворчасці сукна на 1927 г. можна назваць Олтуш Брэсцкага павета (1 423 м), Бездзеж (1 144 м), Адрыжын (1 000) і Хомск (977) Драгічынскага павета, Пескі (600) Косаўскага павета, За-гародна (1 523) Пінскага павета, Гарадзечна Пружанскага павета (1 045) і г. д. [14, с. 198–199].

Давыд-Гарадок спецыялізаваўся на пашыве скураной вопраткі і вырабе велікагрузных лодак, а хутка на аснове рамеснага цэха ўзнікла суднаверф, на якой з 1932 г. вырабляліся рачныя баржы (спыніла існаванне ў 1960-я гг.). Боты з Давыд-Гарадка былі вельмі арыгінальнымі, бо галоўка бота не прышывалася да халявы, а выцягвалася, таму карысталіся вялікім попытам у войску і сярод паляўнічых. Той факт, што

прэзідэнт міжваеннай Польшчы Ігнацы Масціцкі спецыяльна прыязджаў сюды для таго, каб загадаць паляўнічыя боты, красамоўна гаворыць сам за сябе [15, с. 59]. На Другім “Палескім кірмашы” (22 жніўня – 5 верасня 1937 г.) Давыд-Гарадоцкі шавецкі кааператыў прадставіў воданепранікальныя паляўнічыя чаравікі і нават спартовы абутак [16, с. 373].

У Лунінецкім павеце шырокае распаўсюджванне атрымаў сплаўны промысел, дрэва адсюль сплаўлялі аж да Балтыкі і Чорнага мора. Былі развіты таксама дапаможныя промыслы, у першую чаргу здабыча смалы, выраб дзёгцю (сродак для догляду за скураным абуткам, а таксама змазка для гужавога транспарта). У наваколлі (перш за ўсё Століншчына і Піншчына) развівалася бандарства (выраб бочак, кадак і г. д.).

Мястэчка Моталь Драгічынскага павета стала цэнтрам вырабу знакамітых кажухоў, якія карысталіся вялікім попытам. Першапачаткова кажухі былі доўгімі, шчыльнымі да стану, з адкладным каўняром, белымі і нядубленымі, а з 1930-х гг. кажухі сталі вырабляць з дубленых аўчын, якім надавалі чырвона-цагляны альбо вохрысты колер [17, с. 543]. Дзякуючы шырокай распаўсюджанасці авечкагадоўлі тут выраблялася таксама шмат скураной вопраткі, і, такім чынам, промыслы істотна ўплывалі на эканамічныя і сацыяльныя змены ў наваколлі.

У выніку развіцця рамёстваў і промыслаў вяло да пашырэння ў рэгіёне фінансава-крэдытнай сістэмы: узнікае шмат ашчадных кас, у статуце якіх утрымліваўся параграф, што дазваляў крэдытаванне рамеснай вытворчасці (Савет грамадзянскай апекі ў Брэсце). Такім чынам, рамесная вытворчасць і промыслы набываюць новыя арганізацыйныя формы і юрыдычнае забеспячэнне, што яскрава сведчыць пра штучнасць уяўлення пра Палессе як цывілізацыйна адсталы і ізаляваны рэгіён [15, с. 60].

Заклучэнне

Народныя рамёствы і промыслы адыгрывалі важную ролю ў штодзённым жыцці насельніцтва Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг.: давалі яму магчымасць

ва ўмовах дарагоўлі прамысловых тавараў, якія былі не заўсёды ў наяўнасці, забяспечыць сябе самым неабходным. Акрамя таго, адначасова з'яўляліся для палешукоў важнай крыніцай дадатковага прыбытку, а для многіх з іх нават і першаснай.

Найбольш распаўсюджанымі промысламі на Палессі былі промыслы, звязаныя з перапрацоўкай мясцовай сыравіны: перш за ўсё з апрацоўкай дрэва, металу, скуры, вырабам мэблі, адзення, абутку, посуду.

Неабходна адзначыць, што статыстычныя дадзеныя, якія адлюстроўваюць колькасць рамеснікаў і рамесных майстэрняў на Палессі ў міжваенны перыяд і колькасць вырабленай імі прадукцыі, з'яўляюцца ў многім недакладнымі з-за таго, што некаторыя мясцовыя майстры з мэтай пазбегнуць дадатковых падаткаў дзейнічалі без афармлення рамесных карт альбо займаліся некалькімі промысламі, у той час як карту атрымлівалі толькі на адзін з іх.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Tomaszewski, J.** Z dziejów Polesia, 1921–1939: zarys stosunków społeczno-ekonomicznych / J. Tomaszewski. – Warszawa : Państw. Wydaw. Nauk., 1963. – 208 s.
2. **Церабунь, Г.** Архіўныя крыніцы і друкаваныя выданні па гісторыі Палесся міжваеннага перыяду ў зборах Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці / Г. Церабунь // Загароддзе-3 : мат. навук.-краязнаўч. канф. “Палессе ў XX стагоддзі”, 1–4 чэрвеня 2000 г., Беласток. – Мінск : Тэхналогія, 2001. – С. 179–188.
3. **Цітоў, В. С.** Этнаграфічная спадчына: Беларусь. Традыц.-бытавая культура / В. С. Цітоў. – Мінск : Беларусь, 2001. – 205 с.
4. **Кабот, Т. Ф.** Развитие ремесленного производства в Полесском воеводстве в межвоенный период (1921–1939 гг.) / Т. Ф. Кабот // Осень 1939 года: коренной перелом в судьбе белорусского народа : материалы регионал. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР, 24–25 сентября 2009 года / [редакторы: Н. Н. Ковалева, Л. Ю. Малыгина]. – Брест : БрГТУ, 2009. – С. 72–78.
5. **Вайцешчык, Г. С.** Рамесніцкія заняткі месцішчынаў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. / Г. С. Вайцешчык // Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі: XIX – пачатак XXI ст.: зб. навук. арт. – Гродна : ГрДУ, 2010. – С. 186–195.
6. **Катюшкіна, А. А.** Развитие ремесла на территории Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / А. А. Катюшкіна // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов / БГУ, Факультет международных отношений. – Минск, 2014. – Вып. 12. – С. 22–24.
7. **Кабот, Т. Ф.** Кустарные промыслы на Полесье в межвоенный период / Т. Ф. Кабот // Вестник Брестского государственного технического университета. – 2009. – № 6. – С. 13–16.
8. **Вайцешчык, Г. С.** Мястэчка Гарадная – “запаведнік ганчарства” на Палессі ў 1921–1939 гг. / Г. С. Вайцешчык // Культура, наука, образование в современном мире : материалы V Междунар. научн. конф. / редкол.: Л. Л. Мельникова [и др.]. – Гродно : ГГАУ, 2011. – С. 344–348.
9. **Лаўрэнка, Л. В.** Развіццё рамяства і рамеснай вытворчасці на заходнебеларускіх землях у 1921–1939 гадах / Л. В. Лаўрэнка // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2013. – № 1. – С. 77–82.
10. *Gospodarcze i kulturalne potrzeby województwa poleskiego : według memoriału wręzonego w dniu 17 XII 1936 roku Prezesowi Rady Ministrów.* – Warszawa : Towarzystwo Rozwoju Rady Ministrów, 1937. – 25 s.
11. *Общественный, семейный быт и духовная культура населения Полесья / Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН УССР (Львов. отд.-ние).* – Минск : Наука и техника, 1987. – 374 с.
12. **Молчан, С. Ю.** Стан захавання ганчарнага рамяства вёскі Гарадная / С. Ю. Молчан // Гісторыка-культурная спадчына Брэсцка-Пінскага Палесся: паміж мінулым і будучыняй (да 450-годдзя г. Століна) : зб. мат. Міжнар. навук. канф., 28–29 верасня 2005 г. : у 2 частках. Ч. 1. – Брэст : Выд-ва БрДУ, 2006. – С. 153–157.
13. **Лабачэўская, В. А.** Ганчарнае рамяство і промысел вёскі Гарадная Столінскага раёна Брэсцкай вобласці: праблема захавання і развіцця / В. А. Лабачэўская // Фалькларыстычныя даследаванні: кантэкст, тыпалогія, сувязі : зб. навук. арт. Вып. 11. – Мінск : Права і эканоміка, 2014. – С. 282–284.

14. **Лавреенко, Л. В.** Ремесла и промыслы жителей Белорусского Западного Полесья в 20–30-е годы XX в. / Л. В. Лавреенко // Polesie-Rodopy. Zeszyty Cyrylo-metodianskie. – 2016. – № 5. – S. 196–202.
15. **Никитенков, И.** Народные ремесла в экономике Полесского воеводства (1920–1939 годы) / И. Никитенков // Беларусь і Польшча ў XX стагоддзі: агульнае і адметнае ў гістарычных лёсах : мат. міжнар. студ. навук.-практ. канф., Брэст, 7–8 крас. 2000 г., рэдкал.: І. І. Акінчыц [і інш.]. – Брэст : БрДУ, 2001. – С. 58–60.
16. **Лаўрэнка, Л. В.** Гандаль на тэрыторыі Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг. / Л. В. Лаўрэнка // Гісторыя гандлю на тэрыторыі Беларусі : зб. навук. арт. – Мінск : Бел. навука, 2016. – С. 367–374.
17. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Іванаўскага раёна. – Мінск : БЕЛТА, 2000. – 590 с.

Паступіў у рэдакцыю 10.05.2018 г.
Кантакты: vitharmatny@mail.ru
(Гарматны Віталь Пятровіч)

**Harmatny V. FOLK CRAFTS AND TRADES
IN EVERYDAY LIFE OF POLESIE VOIVODESHIP
(1921–1939).**

The article shows the place of folk crafts in the daily life of the population of the Polesie Voivodeship in 1921–1939, their main types and features are noted, the legislative base and measures for state support of handicrafts are considered.

Keywords: craft, trade, handicraft, weaving, pottery.

УДК 930.2(476)

АНАЛІЗ КРЫНІЦ ПА ГІСТОРЫІ ГАНДЛЁВАГА ПРАДПРЫМАЛЬНІЦТВА Ў БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX ст.

В. А. Карпівіч,кандыдат гістарычных навук, дацэнт
Універсітэт грамадзянскай абароны
МНС Беларусі

У артыкуле аналізуюцца крыніцы па гісторыі беларускага гандлёвага прадпрымальніцтва другой паловы XIX ст. Аўтар разглядае сярод архіўных і апублікаваных дакументаў некалькі груп крыніц: навуковыя публікацыі, статыстычную інфармацыю, перыядычныя матэрыялы, справаздачы кіраўнікоў рэгіёнаў, матэрыялы першага перапісу насельніцтва Расійскай імперыі. Даследаваныя крыніцы дазваляюць глыбей зразумець узровень развіцця гандлёвай дзейнасці ў Беларусі другой паловы XIX ст.

Ключавыя словы: крыніцы, гандаль, прадпрымальніцтва, купецтва, статыстычныя дадзеныя, звесткі, архівы, матэрыялы.

Уводзіны

Другая палова XIX ст. вызначалася важнымі пераменамі, якія адбываліся як агульна ў Расійскай імперыі, так і на беларускіх землях. Буржуазныя рэформы сталі значным штуршком для развіцця новага грамадства, заснаванага на капіталістычных адносінах. У гэты перыяд менавіта прадпрымальніцкая дзейнасць стала прывабнай для прыкладання капіталаў. Пры гэтым менавіта гандлёвае прадпрымальніцтва атрымала значнае распаўсюджанне на беларускіх землях. Купецтва ў Беларусі стала адной з важнейшых катэгорый насельніцтва, на базе якога пачало ўзнікаць важнейшае саслоўе капіталістычнага грамадства – прадпрымальнікі. Пры вывучэнні названай праблемы важнае значэнне адыгрываюць разнастайныя крыніцы.

Асноўная частка

У дасавецкі перыяд былі асобныя спробы разгледзець пытанне аб эканамічным развіцці беларускіх губерняў,

уключаючы пытанне і аб развіцці гандлёвага прадпрымальніцтва. Рознабаковы матэрыял па дадзенай праблеме можна знайсці ў працах, якія былі складзены афіцэрамі генеральнага штаба [1–4]. Самай цікавай і змястоўнай з’яўляецца праца П.О. Баброўскага, які спрабуе даць разгорнуты аналіз стану развіцця гандлю ў беларускіх губернях у сярэдзіне XIX ст. Аднак ён памылкова прагназаваў, што будаўніцтва чыгунак не палепшыць становішча ўнутранага і знешняга гандлю, і памылкова сцвярджаў, што сродкі неабходна ўкладваць у развіццё водных шляхоў.

Цікавая інфармацыя сабрана ў працы Ю. Янсона “Пинск и его район” [5]. Аўтар, дацэнт імператарскага Пецярбургскага ўніверсітэта, быў удзельнікам экспедыцыі імператарскага вольнага эканамічнага і рускага геаграфічнага таварыства па вывучэнні хлебнага гандлю і вытворчасці ў Расіі. Ю. Янсон падрабязна апісаў гандлёвую дзейнасць у г. Пінску, падкрэсліў яго значэнне ў якасці важнага гандлёвага і транзітнага цэнтра на поўдні Беларусі. Аўтар справядліва сцвярджаў, што дасканала вызначыць абарот хлебнага гандлю ў Пінску немагчыма, таму што дадзеныя збіраюцца са слоў гандляроў.

Цікавасць выклікае праца М. Раеўскага “Западный район экспедиции по изучению хлебной торговли и производительности России” [6]. Аўтар сабраў шматлікі матэрыял па рэгіёне Заходняй Дзвіны і вярхоўя Дняпра. Ён падрабязна апісаў шляхі дастаўкі хлеба ў рэгіён і паказаў значэнне рэк, у першую чаргу Заходняй Дзвіны, у гандлі хлебам і льном. Таксама цікавасць выклікае апісанне заняткаў сялян, асабліва Магілёўскай губерні. Аднак, нягледзячы на наяўнасць значнага статыстычнага матэрыялу, да дадзенай працы неабходна ставіцца крытычна, таму што аўтар не засяроджваў увагу на вывучэнні менавіта беларускіх губерняў. А вывучаны ім рэгіён ахопліваў таксама і вялікую колькасць расійскіх паведаў.

Ролю водных і чыгуначных шляхоў зносіў у развіцці гандлю (і ў першую чаргу – знешняга) разглядаў А. Сапуноў [7]. Ён прааналізаваў вываз хлебных і лянных грузаў за апошнія 30 г. XIX ст. па Заход-

няй Дзвіне і па Рыга-Арлоўскай чыгунцы з часу яе адкрыцця. А. Сапуноў падрабязна ахарактарызаваў тыя працэсы, якія ўплывалі на адпраўку грузаў па рацэ і чыгунцы.

Спробу падрабязна асвятліць развіццё гандлёвага прадпрыемства ў Магілёўскай губерні распачаў А.С. Дэмбавецкі [8]. У выдадзенай пад яго рэдакцыяй трохтомнай працы ў другой кнізе ўсебакова разглядаецца пытанне развіцця гандлю ў губерні.

У працы А.П. Субоціна [9] значная ўвага ўдзяляецца складу гандлёвага саслоўя ў Беларусі ў канцы XIX ст. Аўтар паказвае значную ролю яўрэйскага насельніцтва ў гандлёвай дзейнасці ў Беларусі. Пры гэтым адзначаецца, што канкурэнцыя сярод іх узрастае. З другога боку, назіраецца адноснае павелічэнне гільдзейскіх гандляроў-неяўрэяў.

Важнай крыніцай для вывучэння праблемы развіцця гандлю з'яўляюцца архіўныя матэрыялы, якія захоўваюцца ў фондах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў г. Мінску і Нацыянальнага гістарычнага архіва ў г. Гродна.

У фондах канцылярый грамадзянскіх губернатараў (ф. 295 – Мінскага, ф. 1430 – Віцебскага, ф. 2001 – Магілёўскага) змешчаны звесткі пра галоўныя кірмашы губерняў, а таксама справаздачы за пэўныя гады. У фондах канцылярый грамадскіх губернатараў змяшчаецца вялікі аб'ём матэрыялаў, якія тычацца колькасці гарадскіх жыхароў па саслоўях, звесткі аб падатках, спісы прамысловых прадпрыемстваў. У фондах гарадскіх упраў (ф. 1 – Мінскай, ф. 611 – Пінскай, ф. 2099 – Магілёўскай, ф. 2496 – Віцебскай, ф. 2523 – Полацкай) маюцца звесткі аб колькасці выдадзеных пасведчанняў на права гандлю.

У фондах губернскіх статыстычных камітэтаў (ф. 21 – Мінскім, ф. 2187 – Магілёўскім, ф. 2502 – Віцебскім) змешчаны разнастайныя звесткі, якія тычацца развіцця гандлёвай дзейнасці ў губернях, у тым ліку абароты кірмашоў, колькасць выдадзеных пасведчанняў на права гандлю, вываз грузаў па рэках і чыгунках і іншыя статыстычныя звесткі. У фондзе Віцебскага губернскага статыстычнага камітэта таксама змешчаны асобныя звесткі, якія тычацца Віленскай, Гродзенскай і Мінскай губерняў.

У фондах казённых палат (ф. 333 – Мінскай, ф. 2157 – Магілёўскай) і падатковых інспекцый (ф. 358 – Мінскай, ф. 360 – Бабруйскай, ф. 359 – Слуцкай, ф. 2520 – Полацкай, ф. 2781 – Віцебскай) маюцца звесткі пра гандлёвую дзейнасць у Мінскай, Магілёўскай і Віцебскай губернях. Такія ж звесткі па Гродзенскай губерні ўзяты з фонду Гродзенскага губернскага статыстычнага камітэта (ф. 14), фонду канцылярый гродзенскага губернатара (ф. 1), фонду Гродзенскай казённой палаты (ф. 24).

Цікавыя звесткі, якія тычацца развіцця гандлёвага прадпрыемства ў Беларусі ў другой палове XIX ст., змешчаны ў перыядычных выданнях таго часу. Да іх ліку можна аднесці Памятныя кніжкі Віленскага, Віцебскага, Гродзенскага, Магілёўскага і Мінскага губернатараў, Памятныя кніжцы Віленскага генерал-губернатара, Агляды Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай, Магілёўскай і Мінскай губерняў. У іх змешчаны разнастайныя звесткі пра кірмашы, колькасць выдадзеных пасведчанняў на права гандлю, грузаўвароты па рэках і чыгунках, а таксама звесткі пра вытворчасць сельскагаспадарчай прадукцыі, фабрычную вытворчасць, колькасць насельніцтва і інш.

Асобныя звесткі пра гандлёвую дзейнасць змяшчаюць такія перыядычныя выданні, як “Адрес-календарь Виленского генерал-губернатора”, “Вестник Западной России”, “Виленский календарь”, а таксама “Приложения к всеподданнейшему отчету” губернатараў. Тут можна атрымаць звесткі пра купцоў, кірмашы, выдадзеныя пасведчання на права займацца гандлёвай дзейнасцю.

У асобныя гады выдаваліся ў якасці дадаткаў да губернскіх ведамасцяў статыстычныя і даведачныя табліцы, у якіх змяшчаюцца разнастайныя матэрыялы, у тым ліку і тыя, якія тычацца развіцця гандлю. У другой палове XIX ст. таксама выдаваліся дадаткі да статыстычнага зборніка Міністэрства шляхоў зносін.

Важнымі крыніцамі, якія змяшчаюць дадзеныя пра гандлёвую дзейнасць, з'яўляюцца статыстычныя зборнікі. Да іх адносяцца “Статистический временник Российской империи”, які выдаваўся з 1866 па 1890 г. у трох серыях. З 1887 па

1917 г. выдавалася “Статистика Российской империи” ў 94-х тамах. Матэрыялы, якія тычацца перавозак розных грузаў па рэках і чыгунках, змешчаны ў “Статистическом сборнике МПС”, якіх было выдадзена з 1877 па 1916 г. 139 выпускаў.

З 1888 па 1903 г. выдаваўся “Временник Центрального статистического комитета МВД”. Усяго было выдадзена 53 нумары, некаторыя з якіх непасрэдна тычыліся гандлю. Найбольш буйным і падрабязным выданнем, якое змяшчае матэрыялы аб гандлі, з’яўляецца “Вестник финансов, промышленности и торговли”. Ён выходзіў з 1865 па 1917 г. У “Вестніку” можна знайсці разнастайную інфармацыю, якая ахоплівае ўсе бакі гандлёва-прамысловай дзейнасці, у тым ліку і фінансы.

У 1870 г. былі выдадзены “Труды Минского губернского статистического комитета”, якія, па сутнасці, з’яўляюцца гісторыка-статыстычным апісаннем 9 паветаў Мінскай губерні. У дадзенай працы змяшчаюцца падрабязныя звесткі пра заняткі насельніцтва па паветах. Асобная ўвага нададзена развіццю гандлёвай дзейнасці жыхароў губерні. Аднак звесткі збіраліся ў асноўным са слоў вытворцаў альбо гандляроў, а яны, безумоўна, давалі заніжаныя дадзеныя [10].

З 1888 па 1900 г. выдаваліся “Статистические результаты процентного и раскладочного сборов за 1885–1896/98 гг.” і “Свод данных о торговых сборах в России за 1884–1897/98 гг.” У гэтых выданнях змяшчаліся звесткі пра колькасць гандлёвых і прамысловых прадпрыемстваў, пра іх класіфікацыю па відах гандлёвай і прамысловай дзейнасці. Тут можна атрымаць дакладныя звесткі пра гандлёвы абарот і гадавы прыбытак прадпрыемстваў, а таксама кошт раскладачнага збору і працэнт абкладання. Да 1889 г. раскладачны збор плацілі толькі гільдзейскія прадпрыемствы, а з гэтага года быў уведзены дадатковы падатак і для негільдзейскіх прадпрыемстваў. А гэта значыць, што з’явіліся дадзеныя і па прадпрыемствах, якія гандлявалі па пасведчаннях на дробны гандаль і промыслы. Пры гэтым дадзеныя, якія выходзілі да 1890 г. уключна, змешчаны ў павятовым разрэзе, а ў наступных выпусках – толькі ў цэлым па губерні.

Пэўную цікавасць выклікаюць асобныя выданні, якія публікаваліся ў розных

частках імперыі і змяшчалі дадзеныя пра арганізацыю і ажыццяўленне гандлёвага прадпрымальніцтва, у тым ліку і ў беларускіх губернях. У другой палове XIX ст. публікуюцца разнастайныя дакументы, падрыхтаваныя рознымі дзяржаўнымі ўстановамі. Пэўныя матэрыялы, якія ўтрымліваюць звесткі пра прамысловую і гандлёвую дзейнасць, змешчаны ў зборніку “Статистическое описание Виленского военного округа по отраслям промышленности, имеющим значение для интендантского ведомства” [11].

Сярод іншых прац можна выдзеліць такія, як “О географическом распределении государственных доходов и расходов в России. Опыт финансово-статистического исследования” М.П. Яснапольскага і “Даток да даследавання М.П. Яснапольскага “О географическом распределении государственных доходов и расходов в России”, а таксама працу “Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг.” Названыя выданні змяшчаюць цікавыя звесткі пра дзейнасць розных прадпрыемстваў, у тым ліку і тых, якія займаліся гандлем. У працы пра гарадскія паселішчы сабраны звесткі пра колькасць жыхароў, іх заняткі, пра арганізацыю і асаблівасці гандлёвага прадпрымальніцтва [12–14].

Некаторыя даныя пра гандлёвае прадпрымальніцтва змешчаны ва ўказальніку, які быў складзены П.А. Арловым па афіцыйных звестках Дэпартаменту гандлю і мануфактур за 1879 г. У выданне ўвайшлі дадзеныя пра фабрыкі і заводы, пра якія ёсць афіцыйныя звесткі і сума вытворчасцей якіх не менш за 2 тыс. руб. Прадпрыемствы ва ўказальніку размешчаны па відах вытворчасцей і размеркаваны па губернях. У дадзеным выданні паказаны ўладальнікі і іх сацыяльнае становішча. Указальнік дае звесткі пра купецкія прадпрыемствы [15].

Значнай працай, якая тычыцца асвятчэння гандлёвай дзейнасці, з’яўляецца “Торговля и промышленность Европейской России по регионам”, выдадзеная напачатку XX ст. пад рэдакцыяй С. Цянь-Шанскага. У ёй падрабязна разглядаецца вываз асноўных тавараў па групам у іншыя рэгіёны Расійскай імперыі і за мяжу, а таксама ўвоз тавараў гэтых жа груп у рэгіён.

Аднак аўтары пры ўкладанні названай працы ўлічвалі не адміністрацыйны падзел на губерні, а склалі сабраныя звесткі з пункту погляду геаграфічнага становішча тэрыторый. Таму большая частка тэрыторыі сучаснай Беларусі ўвайшла ў склад Палескай паласы. Аднак сюды ж быў далучаны і шэраг паведаў Валынскай губерні. У той жа час уся тэрыторыя Віцебскай губерні, частка Магілёўская і Дзісенскі павет Віленскай губерні ўвайшлі ў склад Паўночна-Заходняй земляробчай паласы [16].

Цікавыя звесткі пра склад насельніцтва змешчаны ў матэрыялах, якія тычацца першага агульнага перапісу насельніцтва Расійскай імперыі, які праводзіўся ў 1897 г. Напачатку XX ст. яго матэрыялы былі выдадзены пад рэдакцыяй Н.А. Трайніцкага ў 89 тамах. З іх пяць тамоў тычыліся непасрэдна беларускіх губерняў: т. IV змяшчае дадзеныя па Віленскай губерні, т. V — па Віцебскай, т. XI — па Гродзенскай, т. XXII — па Мінскай і т. XXIII — па Магілёўскай [17]. Матэрыялы перапісу змяшчаюць не толькі агульныя дадзеныя пра колькасць жыхароў у гарадах і паведах. У азначаным выданні можна найсці дакладныя звесткі пра колькасць купецкага саслоўя, а таксама колькасць насельніцтва, якое займалася гандлёвай дзейнасцю, у тым ліку разважым і разносным гандлем, пасрэдніцтвам, працавала ў крэдытных і камерцыйных установах. І хоць падчас публікацыі матэрыялаў дакладнасць атрыманых звестак ставілася пад сумненне, тым не менш параўнанне звестак перапісу насельніцтва з матэрыяламі земскіх падворных перапісаў і адміністрацыйна-паліцэйскіх падлікаў паказвае разыходжанне ва ўліку насельніцтва ў цэлым усяго на некалькі працэнтаў, што сведчыць пра высокую дакладнасць матэрыялаў перапісу насельніцтва наогул.

Заклучэнне

Неабходна адзначыць, што ў дасавецкі час спецыяльных прац, прысвечаных развіццю гандлёвага прадпрыемства ў Беларусі, не існавала. Названыя вышэй працы закраналі толькі асобныя аспекты, прычым яны разглядаліся толькі ў сувязі з эканамічным развіццём Расійскай імперыі ў цэлым. Пры гэтым неабходна крытычна

ставіцца і да саміх звестак пра гандлёва-прамысловую дзейнасць, таму што дадзеныя, што змяшчаліся ў афіцыйных справаздачах, свядома скажаліся. Таму ўсе матэрыялы і статыстычныя дадзеныя неабходна апрацоўваць не толькі матэматычна, але і рабіць параўнальны аналіз.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Бобровский, П.** Физические и нравственные элементы северо-западных губерний России / П. Бобровский // Вестник Западной России. — Вильно: Тип. штаба Виленского воен. округа, 1866. Т. II. Кн. VI. — С. 49–69.
2. **Бобровский, П.** Гродзенская губерния / П. Бобровский. — СПб., 1863.
3. **Зеленский, И.** Минская губерния / И. Зеленский. — СПб., 1864.
4. **Корев, А.** Виленская губерния / А. Корев. — СПб., 1861.
5. **Янсон, Ю. Э.** Пинск и его район / Ю. Э. Янсон. — СПб.: Тип. В. Безобразова, 1869. — 179 с.
6. **Раевский, И.** Западный район экспедиции по изучению хлебной торговли и производительности России / И. Раевский. Ч. 2: Район Западной Двины и верховьев Днепра. — СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1876. — 168 с.
7. **Сапунов, А.** Река Западная Двина / А. Сапунов. — Витебск: Тип. Г. Малкина, 1893. — 512 с.
8. Опыт описания Могилёвской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях: в 3 кн. / под ред. А. С. Дембовецкого. — Могилев: Тип. губ. правл., 1884. Кн. 2. — 1000, [4] с.
9. **Субботин, А. П.** В черте еврейской асёлости / А. П. Субботин. — Вып. 1: Минск, Вильна, Ковна и их районы. — СПб.: Изд. ред. экономического ж-ла, 1888. — 148 с.
10. Историко-статистическое описание 9 уездов Минской губернии // Труды Минского губернского статистического комитета. Вып. 1. — Минск, 1870. — 436 с.
11. Статистическое описание Виленского военного округа по отраслям промышленности, имеющим значение для индустриального ведомства. — СПб., 1876. — 96, IV с., 7 л. табл.
12. **Яснопольский, Н. П.** О географическом распределении государственных доходов и расходов в России. Опыт финансово-стат. исследования Н. П. Яснопольского / Н. П. Яснопольский. — Киев:

- Тип. императорского ун-та св. Владимира, Киевское отд. т-ва печ. дела и торг. И. И. Кушнерев и К., 1890. Ч. 1. – 236 с.
13. Приложение к исследованию Н.П. Яснопольского “О географическом распределении государственных доходов и расходов в России”. – Киев : Тип. ун-та св. Владимира, В. И. Завадского, 1897. – 13 с. ; 72 табл.
 14. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. – СПб. : Тип. Вульфа, 1863. Т. 1. Отд. 4. Виленская губ. – 24 с.; Отд. 5. Витебская губ. – 33 с.; Отд. 10. Гродненская губ. – 58 с.; Отд. 11. Минская губ. – 30 с.; Отд. 20. Могилевская губ. – 33 с.
 15. **Орлов, П. А.** Указатель фабрик и заводов / П. А. Орлов. – СПб. : Тип. братьев Пантелеевых, 1881. – 753 с.
 16. Торговля и промышленность Европейской России по районам : в 12 вып. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1901. Вып. 2 : Северо-Западная земледельческая полоса. – 324 с. ; Вып. 11 : Полесская зона. – 86 с.
 17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Троицкого. Т. IV. Виленская гу-

берния. – СПб., 1901 ; Тетрадь 2. – СПб., 1904. Тетрадь 3; Т. V : Витебская губерния. – СПб., 1899. Тетрадь 1; – СПб., 1903. Тетрадь 3 ; Т. XI. Гродненская губерния. – СПб., 1904; Т. XXII. Минская губерния. – СПб., 1904; Т. XXIII. Могилевская губерния. – СПб., 1903.

Паступіў у рэдакцыю 17.03.2018 г.
 Кантакты: karpievich68@yandex.by
 (Карпiевiч Вiктар Аляксандравiч)

Karpiyevich V. THE ANALYSIS OF THE SOURCES ON THE HISTORY OF TRADING BUSINESS IN BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY.

The author analyses the sources on the history of trading business in Belarus in the second half of the nineteenth century. Considering archival and published documents he investigates several groups of sources: scientific publications, statistical information, periodicals, regional leaders' reports, the materials of the first population census of the Russian Empire. These sources help to understand the development level of trade activities in Belarus in the second half of the nineteenth century.

Keywords: sources, trade, trading business, merchants, statistical data, information, archives, materials.

УДК 347.64(476)“1900/1917”

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ДЕТСКИХ
ПРИУТОВ ВЕДОМСТВА
УЧРЕЖДЕНИЙ ИМПЕРАТРИЦЫ
МАРИИ В ВИТЕБСКОЙ, МИНСКОЙ
И МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИЯХ
В НАЧАЛЕ XX в.
(1900–1917 гг.)**

Д. Г. Корсаков

аспирант

Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматривается деятельность местных отделений Попечительства детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии на территории белорусских губерний Российской империи в начале XX в. Исследование основано на материалах отечественных и российских архивов и библиотек.

Ключевые слова: благотворительность, призрение сирот, благотворительные учреждения, детские приюты, Ведомство учреждений императрицы Марии.

Введение

Специфической чертой российской благотворительности XIX – начала XX в. были общественные организации, которые в своей деятельности совмещали черты частных объединений и государственных учреждений. К их числу принадлежало Ведомство учреждений императрицы Марии (далее Ведомство) – одна из старейших благотворительных организаций в Российской империи. К признакам государственного учреждения в деятельности Ведомства следует отнести централизованное управление, принадлежность к императорской канцелярии (после смерти императрицы Марии Федоровны в 1828 г. Николай I принял все бывшие в ее ведении учреждения под свое покровительство), государственный статус служащих и право предоставлять им чины, мундиры и награды. К чертам общественной организации – порядок финансирования и участие общественности в деятельности учреждений на местах. Поэтому исследо-

ватели характеризуют его как специфическое государственное учреждение, действовавшее в качестве благотворительной общественной организации [1, с. 190].

По сути, Ведомство являлось конгломератом различных благотворительных организаций, каждая из которых имела свое направление деятельности. Так, призрением детей-сирот занималось Попечительство детских приютов (далее Попечительство), отделения которого в начале XX в. действовали во многих губерниях Российской империи.

На сегодняшний день в отечественной исторической науке деятельность Ведомства в целом и Попечительства в частности является малоизученной темой. Имеющиеся научные публикации немногочисленны. В монографии С.Ф. Шимковича [2] деятельность Попечительства рассматривается лишь как один из видов благотворительности.

Активнее данную тему изучают российские историки, однако в их работах большее внимание обычно уделяется особенностям правового статуса организаций, входивших в Ведомство [1], также данная тема рассматривается в рамках изучения вклада царской семьи в развитие благотворительности в России [3]. В целом же при изучении Попечительства детских приютов российские исследователи касаются, прежде всего, его деятельности в собственно российских губерниях, данные для белорусских земель в их работах, как правило, отсутствуют. В связи с этим предлагаемая тема представляется достаточно актуальной.

Главными источниками по данной тематике являются ежегодные отчеты, которые местные отделения Попечительства подавали в Главный комитет в Санкт-Петербурге. Однако сложность для исследования состоит в том, что в Беларуси сохранилось очень мало таких отчетов (так, автору не удалось обнаружить данных о деятельности Попечительства в Гродненской и Виленской губерниях). Несколько шире данный вид источников представлен в архивах и библиотеках Российской Федерации. В предлагаемой статье они впервые вводятся в научный оборот.

Основная часть

Главный комитет Попечительства детских приютов был создан в 1838 г., а в 1839 г. было утверждено положение о детских приютах, согласно которому для руководства приютами на местах создавались отделения – так называемые Губернские и Уездные Попечительства. Председателями Губернских Попечительств, как правило, были местные губернаторы, Уездных – уездные предводители дворянства, попечительницами приютов – их супруги. Все члены Попечительств делились на две категории: действительных и почетных.

Несмотря на официальный характер организации, государство не финансировало приюты, поэтому изыскание средств для обеспечения их деятельности было задачей руководства местных Попечительств. Для местных Попечительств в белорусских губерниях были характерны примерно одинаковые источники доходов. Их можно разделить на две группы: постоянные, сумма которых ежегодно оставалась почти неизменной, и непостоянные, сумма которых была различна из года в год.

Среди постоянных источников, прежде всего, стоит назвать членские взносы, которые ежегодно вносили почетные члены. Размер их устанавливался при вступлении в состав Попечительства и был достаточно велик – от 50 до 200 руб. в год [4, с. 20–22; 5, с. 11–16]. В случае если взносы длительное время без уважительной причины не выплачивались, Попечительство могло подать судебный иск о взыскании этих сумм как долга [6, с. 7]. Вероятно, это было одной из причин относительно небольшой численности Попечительств, поэтому взносы не играли основной роли в формировании их бюджетов. Например, за 1912 г. Могилевское Губернское Попечительство имело доход 13 506 руб., из которых взносы составляли 1 275 руб., т. е. менее 10% [7, с. 26]. Взносы почетных членов Минского Губернского Попечительства за тот же год составили 800 руб. из общего дохода в 10 350 руб. [8, с. 26]. В качестве исключения можно привести только Минское Уездное Попечительство, где в 1912 г. из 9 689 руб. дохода взносы почетных членов составляли треть – 3 338 руб. [9, с. 46], но это было самое много-

численное местное отделение (111 членов в 1912 г.) [9, с. 9–24].

Большие доходы давали процентные выплаты с капиталов, размещенных в ценных бумагах. К началу XX в. такие капиталы Губернских Попечительств составляли довольно крупные суммы, а выплаты по ним достигали нескольких тысяч рублей в год. Например, Минское Губернское Попечительство в 1901 г. располагало ценными бумагами на сумму 118 300 руб., которые дали доход в размере 4 133 руб. [10, с. 30–33]. Стремясь увеличить доходы, руководство Попечительства инвестировало свободные средства в приобретение новых ценных бумаг [4, с. 37] и к 1912 г. капитал Попечительства, размещенный в ценных бумагах, составлял уже 142 150 руб., а доход по нему достиг суммы 5 344 руб. [8, с. 32, 37].

За время своей деятельности некоторые местные Попечительства обзавелись недвижимостью, которую могли сдавать в аренду другим организациям или частным лицам, что также являлось постоянным источником дохода. Например, Могилевское Губернское Попечительство с 1905 г. сдавало в аренду флигель и часть сада за 600 руб. в год [11, с. 5–6]. Минское Губернское Попечительство от сдачи в аренду своих земельных участков и недвижимости в 1901 г. получило 1 490 руб. [10, с. 32], в 1912 г. – 2 173 руб. [8, с. 34].

Все же большая часть средств в бюджеты местных попечительств поступала из непостоянных источников. Прежде всего, это пожертвования частных лиц. Благотворительная деятельность всегда вызывает сочувствие и симпатии общественности, однако желание и возможности частных лиц жертвовать на благотворительность нестабильны и зависят от многих факторов. Например, в 1903 г. доход Витебского Губернского Попечительства составил 22 429 руб., из них в виде пожертвований от частных лиц поступило 15 945 руб., но в том же году из 9 130 руб. доходов Могилевского Губернского Попечительства пожертвования составляли всего 457 руб. [2, с. 48]. В 1911 г. из 9 879 руб. доходов Минского Уездного Попечительства пожертвования частных лиц составляли 1 430 руб. [12, с. 45]. Часть этих сумм составляли пожертвования вещами или

продуктами. Таким образом, пожертвования являлись существенным источником средств только при условии хорошо налаженной работы с общественностью и зависели от материальных возможностей местных жителей.

Нередко крупные суммы пожертвований имели специальное назначение, тогда они зачислялись в специальный капитал попечительства, а ежегодные проценты могли использоваться только в соответствии воли жертвователя. Так, дворяне Могилевской губернии в 1905 г. пожертвовали местному Попечительству 2 200 руб. для учреждения с процентных доходов этой суммы «стипендии имени Великой Княжны Татьяны Николаевны». По условиям стипендии предназначалась для девочки-сироты дворянского происхождения, но в случае отсутствия подходящей кандидатуры допускалось назначение стипендии девочке из другого сословия [11, с. 4–5]. Более показателен другой пример: в 1897 г. могилевский чиновник А.А. Аришев пожертвовал местному Попечительству 16 900 руб. для открытия в Могилеве приюта его имени, сумма была размещена в ценных бумагах с доходом в 4%, по условиям жертвователя использовать ее по назначению Попечительство могло лишь по достижении 100-тысячного рубежа. К 1912 г. специальный капитал Аришева составлял 30 600 руб. [7, с. 36–37], такими темпами требуемая сумма была бы накоплена не ранее 1940-х гг. Тем самым попечительства были стеснены в пользовании специальными капиталами.

Различные правительственные учреждения могли назначать ежегодные пособия в адрес приютов. Так, Могилевское Попечительство с 1905 г. ежегодно получало 2 000 руб. в виде пособия от Могилевской губернской управы на содержание в приюте 20 девочек [11, с. 4–5].

В число непостоянных источников также входили доходы от благотворительных мероприятий, проводимых членами Попечительств, таких как концерты воспитанников, спектакли, лотереи, балы. Такие мероприятия проводились ежегодно. Балы были приурочены к праздникам, обычно к Рождеству и Пасхе, почетным членам Попечительств рассылались специальные приглашения за подписью губернатора

или его супруги. В этой ситуации лица, получавшие приглашения, даже в случае отсутствия по уважительной причине считали своим долгом переслать определенную сумму в качестве пожертвования в адрес Попечительства [2, с. 50].

Еще одним источником доходов были деньги, поступающие от продажи продукции, произведенной воспитанниками приютов, но эта статья доходов была важна скорее в воспитательном аспекте: детей приучали хотя бы частично обеспечивать себя.

Необычный источник дохода имелся у Могилевского Губернского Попечительства: при местном приюте действовала православная церковь, доходы и пожертвования которой также зачислялись в средства Попечительства. Однако отправление культов и содержание церкви также требует вложений (плата священнослужителям, покупка свеч, ладана, ремонт здания). Например, в 1905 г. доход церкви при Могилевском приюте составил 426 руб., а на ее содержание было затрачено 376 руб. Больших доходов Попечительству такая деятельность не приносила [11, с. 41–42].

Таким образом, размеры ежегодных доходов местных Попечительств в каждой губернии были различны и зависели от множества факторов.

Приюты, которыми ведали местные Попечительства, по своему устройству подразделялись на заведения для мальчиков, для девочек и смешанные, а по распорядку работы – на приюты дневного действия, круглосуточные и смешанные. Как правило, в приюты попадали сироты. Решение по каждому конкретному ребенку обязан был принимать председатель Попечительства, который выдавал свидетельство, что было основанием для зачисления в заведение. В исключительных случаях дети поступали на платной основе. В приютах воспитанники не только получали кров и содержание, но также обучались грамоте и, если в приюте были соответствующие условия, некоторым ремеслам согласно своему полу и возрасту [2, с. 51].

Распорядок дня во всех приютах Ведомства был примерно одинаков. День начинался с раннего подъема, дети приводили комнаты в порядок, занимались гиги-

еной, затем шли на завтрак и чаепитие, которые предваряла общая молитва. Время с 9 часов утра до полудня воспитанники проводили на занятиях грамоте или обучались ремеслам, следующие 2–3 часа отводились на обед и отдых, после чего дети вновь отправлялись на занятия. Вечернее время дети обычно посвящали подготовке уроков, в 19 часов ужинали, после чего отправлялись на вечернюю молитву. С 21 часа наступало время отдыха [10, с. 7–8; 13, с. 5–7; 14, с. 4–5].

Состоявший при Витебском Губернском Попечительстве приют для девочек был одним из самых крупных на белорусских землях: в 1903 г. в нем содержись 89 воспитанниц на бесплатной основе и 5 – на платной (за 60 руб. в год). Содержать такое учреждение позволяло хорошее финансовое положение: в то время капиталы Витебского Попечительства, размещенные в ценных бумагах, превысили 50 000 руб., а доход за 1903 г. составил 22 429 руб. [2, с. 51].

Довольно хорошее финансовое положение было у Минского Губернского Попечительства: в 1901 г. его доход составил 17 824 руб. [10, с. 30–33], в 1902 г. – 19 058 руб. [4, с. 30–46], в 1904 г. – 8 253 руб. [15, с. 32–36], в 1912 г. – 10 101 руб. [8, с. 32–35]. В ведении этого Попечительства состояли Минский губернский детский приют, который в начале XX в. располагался в собственном каменном одноэтажном доме с флигелем, в котором помещалась кухня, прачечная и ванная, и надворными постройками. Имелся также сад с огородом [16, с. 29–30]. Приют относился к заведениям смешанного типа. В рассматриваемый период в приюте ежегодно на круглосуточном содержании находилось 50–55 детей, при этом количество средств, которые тратились на их содержание, имело тенденцию к увеличению. Так, в 1901 г. содержание каждого из 50 детей обходилось Попечительству в 45 руб. 32 коп. в год [10, с. 22–25], в 1904 г. в приюте содержались 55 детей и на содержание каждого было затрачено 71 руб. 33 коп. [15, с. 21–24], а в 1912 г. содержание 50 детей обошлось в 81 руб. 70 коп. на ребенка. Еще 5 детей обучались в ремесленной мастерской, их содержание обходилось по 64 руб. 42 коп. на каждого [8, с. 24–25].

Попечительницы приюта придавали большое значение нравственному воспитанию детей, а также обучению их грамоте. Поэтому при приюте постоянно проживали две учительницы, которые занимались с детьми русским языком и чтением, арифметикой, обучали их рукоделию, пению, гимнастике и маршировке, обязательным предметом было изучение Закона Божьего [4, с. 6–8]. Мальчики и девочки обучались совместно. Также детей приучали к домашним работам: готовке на кухне, уборке помещений, глажке белья [10, с. 6–7].

В 1900 г. начало свою работу Минское Уездное Попечительство, при котором также действовал приют смешанного типа. В отличие от Губернских Попечительств оно не имело крупных капиталов (в 1907 г. капитал в процентных бумагах составлял 4 600 руб., а общий доход за год – 5 595 руб. [13, с. 26–33]). Тем не менее это было самое многочисленное Попечительство в белорусских губерниях (более 100 почетных членов), поэтому значительная часть его доходов формировалась взносами, а также денежными и вещевыми пожертвованиями. Приют Попечительства размещался в небольшом одноэтажном деревянном доме, при котором имелись хозяйственные постройки, баня, сад и огород. Материальное положение осложнялось еще тем, что землю, на которой располагался приют, Попечительство арендовало у губернских властей [13, с. 23]. Лишь в 1911 г. Попечительству удалось приобрести участок в собственность [12, с. 23]. Основные трудности в работе приюта были связаны с теснотой помещений (в приюте, рассчитанном на 10 детей, призревались более 20 [12, с. 26]) и отсутствием отдельной комнаты для проведения занятий. Поэтому детей, достигших старшего возраста, руководство Попечительства было вынуждено отдавать в другие учебные заведения (гимназии, ремесленные и приходские училища). Тем не менее в приюте дети получали начальное образование, их также обучали бытовым работам и рукоделию. Руководство этого Попечительства стремилось построить новое каменное здание для приюта, однако оно не имело нужной суммы (по смете требовалось более 25 000 руб.) [9, с. 5].

Известно, что в 1913 г. Попечительство все же смогло приступить к строительству нового здания (был заложен фундамент). На эти цели была получена субсидия в размере 4 000 руб. от Минского уездного земского собрания, а крестьяне уезда самостоятельно собрали и передали руководству Попечительства 4 820 руб. [6, с. 5–6].

В ведении Могилевского Губернского Попечительства находился Николаевский детский приют. Это был приют для девочек, но на деле он работал как смешанный, поскольку в некоторые годы в нем призывались и мальчики [5, с. 4–5]. К началу XX в. это был довольно крупный приют, он помещался в собственных деревянных домах, при нем были каменная церковь, прачечная, хозяйственные постройки и фруктовый сад площадью 2 350 кв. саж. [11, с. 25–26]. В 1906 г. при приюте было открыто отделение для детей-калек, где с ними занимались по особой программе и оказывали медицинскую помощь. Однако таких детей было немного, а среди них не было полностью неспособных самостоятельно себя обслуживать, поэтому в 1909 г. руководство Попечительства решило закрыть отделение, а детей, содержавшихся в нем, перевести на одно положение с остальными [14, с. 4]. В 1912 г. при приюте было открыто отделение для малолетних, куда принимались сироты, не достигшие 5-летнего возраста. Сумма в 8 000 руб. на его учреждение поступила от Могилевского губернского общества пособия бедным. Уже в 1913 г. в это отделение поступили 18 детей [7, с. 6–9].

В Николаевском приюте уделялось должное внимание обучению детей грамоте, а наиболее способные ученицы направлялись в учебные заведения г. Могилева. Также смотрительницы обучали девочек рукоделию и домашним работам: помощь поварам по кухне, уход за домашней птицей, коровами и свиньями [5, с. 5–7].

В 1909 г. было основано Быховское Уездное Попечительство, а через год при нем был открыт приют смешанного типа. Он разместился в деревянном 2-этажном доме, при нем был огород размером 336 кв. саженой и хозяйственные постройки. К сожалению, у руководства Попечительства не было возможности организо-

вать при приюте обучение детей грамоте, поэтому дети школьного возраста обучались в церковно-приходских школах города [5, с. 53].

В 1911 г. было открыто Рогачевское Уездное Попечительство, однако при нем не было приюта и первоначальные заботы его руководства были направлены на накопление капитала и приискание подходящего здания [5, с. 4].

Согласно положению о детских приютах, утвержденному в 1891 г., главным в их деятельности считалось обучение воспитанников какому-либо ремеслу, чтобы обеспечить им заработок по выходу из стен заведения. Поэтому руководители приютов искали различные возможности для организации ремесленного обучения для своих воспитанников. В Витебском приюте детей привлекали ко всем хозяйственным работам, а также обучали рукоделию, кулинарному искусству и швейному делу.

При Минском приюте действовала швейная мастерская, где в процессе обучения девочки выполняли заказы населения [10, с. 8]. В 1907 г. при приюте была открыта мастерская корзиночного ремесла, а в 1908 г. – сапожная мастерская [8, с. 10]. Наиболее талантливых и способных к обучению воспитанников по окончании курса начальной школы определяли в городские гимназии и училища. Например, когда в 1902 г. семь воспитанников достигли 14-летнего возраста, окончили курс обучения и подлежали выбытию из приюта, Попечительство направило их в Минское ремесленное училище с оплатой 60 руб. за каждого в год, вплоть до окончания ими полного курса указанного училища [4, с. 8–9].

При Могилевском приюте в начале XX в. не было ремесленных школ, но действовали мастерская дамских нарядов и хлебопекарня. В мастерской девочки занимались изготовлением белья для приюта, выполняли частные заказы и обучались чулочному делу. В пекарне воспитанницы выпекали хлеб (как для нужд приюта, так и для продажи).

Летом 1911 г. при Быховском приюте была открыта сапожная мастерская, оборудованная всеми необходимыми инструментами. Во внешкольное время в

ней проводились занятия по сапожному ремеслу для мальчиков, их проводил приглашенный мастер, который давал детям первоначальные знания сапожного дела и обучал чинить обувь [5, с. 40–41].

Таким образом, приюты давали своим воспитанникам возможность обеспечить себя во взрослой жизни.

Местные отделения Попечительства не были многочисленны, число членов Губернских Попечительств редко превышало 60 человек. Так, в Минском Губернском Попечительстве в 1901 г. состояли 55 человек, к 1908 г. это число снизилось до 39 [17, с. 12–21], а в 1912 г. в Попечительстве служили только 34 человека [8, с. 13–21]. Интересно отметить, что, хотя детей еврейского происхождения не принимали в приюты Ведомства, в списках членов местных Попечительств можно увидеть еврейские фамилии. Вероятно, членство в авторитетной благотворительной организации давало людям возможность повысить свой статус и создать положительную репутацию. Штат служащих в приютах был различен и зависел от потребностей и финансовых возможностей.

Женщины, служившие в заведениях Ведомства (учительницы, смотрительницы, надзирательницы, директрисы и др.), могли быть награждены «Мариинским знаком отличия беспорочной службы». Эта награда имела две степени. Знак отличия второй степени полагался за службу в течение 15 и более лет (до 25 лет), знак первой степени – за службу в течение 25 и более лет [18]. Деятельность попечительств не оставляли без внимания и члены монаршей семьи – наиболее активные представители местных Попечительств удостоивались государственных наград, почетных званий и подарков от августейших особ [8, с. 3; 10, с. 3; 17, с. 3]. Это существенно поднимало престижность работы в заведениях, подчиненных Ведомству.

Заключение

Таким образом, анализ вышеизложенных фактов позволяет утверждать, что в начале XX в. отделения Попечительства детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии активно действовали в белорусских губерниях Российской империи. Несмотря на трудности, руковод-

ству Попечительств удалось наладить при приютах не только призрение детей-сирот из различных сословий, но и организовать обучение детей грамоте и создать условия для получения ремесленных навыков, что позволяло им устроить свою жизнь после выхода из приюта. За свою деятельность местные Попечительства пользовались заслуженной благосклонностью общества. Отделения попечительств в белорусских губерниях Российской империи были относительно немногочисленны, в них были представлены люди разных вероисповеданий из различных слоев общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Купреев, Д. В.** Особенности правового статуса и юридической природы благотворительных ведомств императрицы Марии Федоровны / Д. В. Купреев // Общество и право. – 2006. – № 2(12) – С. 188–190.
2. **Шимукович, С. Ф.** Благотворительность в Беларуси в конце XIX – начале XX вв. / С. Ф. Шимукович. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2006. – 188 с.
3. **Соколов, А.** Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора / А. Соколов, И. Зимин. – Москва : Центрполиграф, 2015 – 106 с.
4. Отчет Минского Губернского Попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии за 1902 год. – Минск : губернская типография, 1903. – 59 с.
5. Отчет Могилевского Губернского Попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии за 1910 год. – Могилев : губернская типография, 1911. – 59 с.
6. Отчет Минского Уездного Попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии за 1913 год. – Минск : губернская типография, 1914. – 51 с.
7. Отчет Могилевского Губернского Попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии за 1912 год. – Могилев : губернская типография, 1913. – 68 с.
8. Отчет Минского Губернского Попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии за 1912 год. – Минск : типография Б. Л. Каплана, 1913. – 57 с.

9. Отчет Минского Уездного Попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии за 1912 год. – Минск : губернская типография, 1913. – 53 с.
10. Отчет Минского Губернского Попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии за 1901 год. – Минск : типография Ш. А. Соськина, 1902. – 53 с.
11. Отчет Могилевского Губернского Попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии о состоянии “Николаевского” детского приюта за 1905 г. – Могилев : типография губернского правления, 1906. – 68 с.
12. Отчет Минского Уездного Попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии за 1911 год. – Минск : губернская типография, 1912. – 53 с.
13. Отчет Минского Уездного Попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии за 1907 год. – Минск : губернская типография, 1908. – 47 с.
14. Отчет Могилевского Губернского Попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии за 1909 год. – Могилев : губернская типография, 1910. – 40 с.
15. Отчет Минского Губернского Попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии за 1904 год. – Минск : типография Ильи Каплана, 1905. – 52 с.
16. Отчет Минского Губернского Попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии за 1903 год. – Минск : губернская типография, 1904. – 55 с.
17. Отчет Минского Губернского Попечительства детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии за 1908 год. – Минск : паровая типо-литография Л. Г. Дворжец, 1909. – 57 с.
18. Свод учреждений государственных. Книга восьмая: учреждение орденов и других знаков отличия. Раздел третий: Уставы об особенных знаках отличия. Глава вторая: Устав о Мариинском знаке отличия беспорочной службы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://george-orden.narod.ru/statut1892s10.html> – Дата доступа: 09.02.2018

Поступила в редакцию 16.02.2018 г.
Контакты: +375 29 240-00-88
(Корсаков Дмитрий Геннадьевич)

Korsakov D. GUARDIANSHIP OF ORPHANAGES BY THE OFFICE OF THE INSTITUTIONS OF EMPRESS MARIA IN VITEBSK, MINSK, MOGILEV PROVINCES AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY(1900–1917).

Local departments of The Office of the Institutions of Empress Maria and their activities in Belarusian provinces of the Russian Empire are considered. The research is based on the materials obtained in Belarusian and Russian archives and libraries.

Keywords: charity, orphan care, charitable foundation, orphanage, The Office of the Institutions of Empress Maria.

УДК 94(474/476)ВКЛ

**ПАВІННАСЦІ СЯЛЯН І МЯШЧАН
ЛЯХАВІЦКАГА ГРАФСТВА
НА КАРЫСЦЬ КАТАЛІЦКАЙ
ПАРАФІІ Ё XVII–XVIII стст.**

П. Ю. Булаты

аспірант
Рэспубліканскі інстытут
вышэйшай школы

Артыкул прысвечаны вывучэнню павіннасцей і падаткаў, якія выконваліся на карысць каталіцкай парафіі Святога Крыжа ў г. Ляхавічы ў перыяд XVII–XVIII стст. На падставе архіўных матэрыялаў (фундушовага запісу, актаў інспекцыі) аналізуецца ўзровень і дынаміка падаткаў і павіннасцей, якія датычыліся розных груп насельніцтва Ляхавіцкага графства.

Ключавыя словы: Ляхавічы, каталіцкі касцёл, падаткі, павіннасці.

Уводзіны

У сістэме зямельнага ўладання Вялікага Княства Літоўскага вылучаўся такі тып уладанняў, як царкоўныя. Значныя зямельныя абшары, фальваркі, вёскі, мястэчкі і гарады належалі каталіцкаму касцёлу: непасрэдна Віленскаму біскупству, манаскім ордэнам, парафіям. Аднак, на карысць духоўных устаноў вызначаліся плацэжы, маёмасныя і асабістыя абавязкі насельніцтва Вялікага Княства Літоўскага. Падаткі і павіннасці былі рознага кшталту і датычыліся розных колаў і супольнасцей грамадства. Іх узровень, як правіла, залежаў ад эканамічных магчымасцей і рэсурсаў пэўнай мясцовасці. У айчынай гістарыяграфіі склалася традыцыя даследавання тэмы павіннасцей і падаткаў такім чынам, што іх разгляд ажыццяўляецца ў залежнасці ад пэўных класаў. Мэта нашай працы – прааналізаваць і прасачыць дынаміку павіннасцей, якія датычыліся розных грамадскіх супольнасцей, аднак скіраваны былі на карысць аднаго ўладальніка – каталіцкай парафіі святога Крыжа, якая ахоплівала землі Ляхавіцкага графства. Крыніцамі, дзе акрэсліваюцца павіннасці на карысць Ляхавіцкага касцёла, з’яўляюцца: фундушавы запіс і акты

касцельных візітацый розных гадоў. Дадзены корпус крыніц яскрава адлюстроўвае ўзровень, змест, дынаміку падаткаў і павіннасцей.

Асноўная частка

Першы каталіцкі касцёл з тытулам Святога Войцеха ў Ляхавічах з’яўляецца яшчэ ў 1535 г. па фундацыі ўладара Ляхавіцкага маёнтка Альбрэхта Гаштольда [1]. З 1572 г. маёнтка належыць роду Хадкевічаў. Неўзабаве 12 траўня 1602 г. вялікі гетман Літоўскі Ян Караль Хадкевіч і яго жонка Соф’я Мілецкая далі фундушавы запіс на ўзвядзенне новага парафіяльнага касцёла ў Ляхавічах [2]. Поўны тытул новай святыні пазначаўся так: Exaltacionis Crucis Salutiferae, Assumptionis Beatissimae Virginis Mariae, Sancti Joannis Baptistae et Sanctae Zophiae – Узвіжання Крыжа Гасподняга, Унебаўзяцця Найсвяцейшай Панны Марыі, Святога Яна Хрысціцеля і Святой Сафіі. З таго часу парафія ў Ляхавічах мела тытул святога Крыжа. Род Хадкевічаў належаў да тытулаванай магнатэрыі Вялікага Княства Літоўскага, якой было ўласціва рабіць шчырыя ахвяраванні на карысць Касцёла. Асабліва можна адзначыць падтрымку парафій, якія знаходзіліся на землях рэзідэнцый роду. Ад сям’і Хадкевічаў Ляхавіцкі касцёл атрымаў шчырае матэрыяльнае забеспячэнне. Ва ўладанне ляхавіцкаму плябану з Ляхавіцкага графства перадаваліся: вёска Патапавічы з фальваркам, да якіх належала 16 і 4 валокі (1 валок = 21,36 га) зямлі адпаведна; фальварак Крэчатава (Krzeczetowo) з 8 валокімі, вёска Канюхі (Koniuszki) з 22 валокімі зямлі і фальваркам, да якога адносіўся млын на рацэ Трасцянка (Troszanka). Вёскі перадаваліся разам з сялянамі [2]. Апроч сялян, для касцёла ў саміх Ляхавічах стваралася юрыдыка – частка горада, якая падпарадкоўвалася царкве і на жыхароў якой не пашыралася гарадская судовая і адміністрацыйная ўлада. Апроч таго, фундушавым запісам вызначаліся падаткі, якія мусілі паступаць на карысць парафіі з Ляхавічаў і Ляхавіцкага графства.

Можна вылучыць наступныя віды падаткаў і павіннасцей, якія ўсталяваліся ў 1602 г. і прасочваюцца да канца XVIII ст.: *паншчына* – праца сялян з

уласным інвентаром на касцельнай гаспадарцы; *чынш* — грашовы падатак; *дзякла* — натуральная даніна, якая складалася з прадуктаў сельскай гаспадаркі і прыродных дароў. Акрамя штотыднёвай паншчыны, вызначаліся сезонныя *адрабочныя павіннасці* (гвалты, талокі), звязаныя са жнівом, сенакосам. Вылучым сацыяльныя групы, якіх датычыліся павіннасці і падаткі на карысць касцёла: мяшчане Ляхавічаў, жыхары юрыдыкі, Ляхавіцкі кагал, сяляне Ляхавіцкага графства, сяляне падуладных касцельных вёсак.

Ляхавіцкія мяшчане. Згодна з фундам ад 1602 г. на жыхароў Ляхавічаў на карысць парафіі накладаўся “на вечныя часы” падатак двух відаў: чынш і дзякла. Так, агульная сума грашовых выплат з Ляхавічаў складала 20 коп грошай літоўскіх (1 капа = 60 грошам) у год; вызначалася, што з кожнага двара мусіць брацца ўнёсак памерам 6 грошай (можна меркаваць, што агульная колькасць двароў у Ляхавічах на той час раўнялася 200). Таксама з усіх двароў уздымалася 41 капа жыта [2].

Наступныя звесткі, што датычацца выплат парафіі ад мяшчан, адносяцца да 1745 г. і змяшчаюцца ў акце касцельнай інспекцыі. Агульныя сумы чыншу і дзякла засталіся нязменнымі: 20 коп грошай і 40 карцоў жыта. Толькі размеркаванне па дварах скарацілася: $\frac{1}{2}$ ад 8 грошай з падворка, што тлумачыцца ростам іх колькасці (вынікае, што ў 1745 г. у Ляхавічах было 300 двароў) [3].

Змены ў абкладанні падаткам мяшчан адбыліся ў канцы XVIII ст. Так, згодна з актам касцельнай візітацыі 1782 г. дзякла жытам замянялася грашовымі выплатамі. Агульная сума, якую павінны былі выдаткаваць жыхары Ляхавічаў, складала 640 злотых [4].

Юрыдыка. Паводле фундаша 1602 г. за Ляхавіцкім касцёлам замацоўвалася юрыдыка. Змяшчалася яна на вуліцы Клецкай і ў яе склад уваходзілі пляцы мяшчан Кірыловічаў (Kuralowycz) і Крывапустаў (Krzivopusty). Першапачаткова за ляхавіцкімі юрыдычанамі замацоўвалася толькі павіннасць выконваць пэўныя працы на патрэбу парафіі, самі віды прац не акрэсліваліся. Няма звестак і адносна грашовых выплат [2].

У 1745 г., згодна з актам касцельнай візітацыі, у склад царкоўнай юрыдыкі ўваходзіла 16 падворкаў, жыхары якіх займаліся агародніцтвам. На падуладнай касцёлу вуліцы знаходзіліся хаты не толькі хрысціян (каталікі альбо ўніяты), але і прадстаўнікоў іншых рэлігій: у вопісе жыхароў юрыдыкі згадваюцца 4 хаты, дзе жылі татары, а таксама дзве хаты яўрэяў. Усе юрыдычаны выконвалі адвольныя павіннасці. У параўнанні з мінулымі звесткамі працоўныя павіннасці жыхароў юрыдыкі дакладна акрэсліваліся; ўводзіліся грашовыя выплаты. Так, жыхары юрыдыкі мусілі выплачваць чынш са сваіх агародаў: з кароткіх 2 злотых, з доўгіх — 4 злотыя. Адзначаюцца наступныя працы: талак падчас жніва (5 талок, па адным чалавеку з кожнага дому); варта касцёла (удвух па чарзе); павіннасць дастаўляць лісты (па чарзе далей за 5 міль літоўскіх (адпавядала 7,7985 км)) [3].

Па стане на 1782 г. касцельная юрыдыка складалася з 18 пляцаў, дзе жылі хрысціяне і татары. Аднак да гэтага часу адбыліся пэўныя перамены ў сацыяльным статусе падданных-юрыдычан. Як адзначаецца ў візіце, імёны, прозвішчы, сем’і падданных у дакумент не ўносяцца з той прычыны, што яны з’яўляюцца вольнымі людзьмі і ў любы час свабодна могуць прадаць свае пабудовы. Аднак пакуль жывуць на падуладных касцёлу пляцах, мусяць выплачваць наступныя падаткі: штогадовая выплата падымнага падатку памерам 120 злотых і чыншу на свята свята Марціна (11 лістапада) 100 злотых. З адрабочных павіннасцей адзначаюцца: праца на жніве (5 дзён адпрацоўкі з кожнага пляцу), начная варта каля касцёла па двое па чарзе [4].

Кагал. Абавязак выплачваць грашовую суму на карысць каталіцкай парафіі мела і ляхавіцкая яўрэйская супольнасць. Інфармацыя аб усталяванні выплаты ў фундашавым запісе 1602 г. не пазначаецца. Не выяўлена звестак аб гэтым і ў іншых дакументах. Аднак у акце візітацыі 1745 г. у пераліку даходаў касцёла адзначаецца, што Ляхавіцкі кагал выплачваў парафіі 300 злотых [3]. У 1782 г. сума выплаты кагалу складала ўжо 400 злотых [4]. Але выплаты ад кагалу паступалі не заўжды і касцёлу даводзілася спаганяць гро-

шы праз суд. Так, сярод актаў духоўнага Трыбуналу Вялікага Княства Літоўскага за 1786 г. згадваецца справа паміж пробашчам ляхавіцкага касцёла і ляхавіцкім кагалам [5]. Справа, звязаная з нявыплатай яўрэйскай супольнасцю належнай касцёлу сумы, была вырашана на карысць парафіі.

Сяляне Ляхавіцкага графства. Згодна з фундушовым запісам 1602 г., з вёсак, фальваркаў і грунтаў Ляхавіцкага графства вызначалася касцёлу дзесяціна. Пад дзесяцінай разумеецца прынашэнне царкве дзясятай часткі даходаў, якая прызначалася на ўтрыманне парафіі і про-

башча. Дзесяціна была снопава (сяляне адкладвалі кожны 10-ы сноп) і агульная (1/10 частка збожжа, мёду і інш.). Фундуш вызначаў дзесяціну памерам у 50 коп жыта. У выпадку адсутнасці жыта прадугледжвалася грашовая альтэрнатыва – 50 злотых [2].

Падрабязны расклад дзесяціны для Ляхавіцкага графства прадстаўлены ў табліцы 1, датуецца 1721 г. вызначана яна ўраднікамі на кадэнцыі да Графства Ляхавіцкага дэкрэтам Галоўнага Трыбуналу ВКЛ у 1720 г. [6].

Табліца 1 – Расклад дзесяціны жытам ад 27 студзеня 1721 г. да Ляхавіцкага графства касцёлу Ляхавіцкаму

Вёска	Копы жыта	Снопы жыта	Грошы (копы)
Вялікая Лотва	10	-	50
Малая Лотва	3	-	20
Мыслабж	1	40	10
Голдавічы	3	-	15
Ганцэвічы	-	20	6
Вадзяцін	-	15	3
Літва	-	30	8
Старыя Ляхавічы і Падлесце	10	40	55
Шавялі	5	20	20
Зарытава і Жарабковічы	10	-	55
Зубялевічы з зямлянамі	4	-	23
Гулічы	1	-	3
Skure	-	15	2
Агулам	50	-	270

Усталяваныя лічбы выплат – 50 коп жыта (альтэрнатыва – 50 злотых) і 270 коп грошай – стабільна паступалі парафіі з Ляхавіцкага графства ў 1745 г. [3] і 1782 г. [4]. Паўторнае зацвярджэнне дзесяціны адбылося ў 1793 г., і расклад сум застаўся нязменным [1].

Сяляне падуладных касцёлу вёсак. Да дадзенай групы насельніцтва адносілася найбольшая колькасць павіннасцей і падаткаў рознага кшталту. Як адзначалася вышэй, за Ляхавіцкім касцёлам, згодна з фундушам, замацоўваліся дзве вёскі з сялянамі: Патапавічы і Канюхі [2]. Аднак у дакуменце не пазначаюцца звесткі адносна павіннасцей сялян. Сустракаюцца яны ў акце візітацыі 1668 г. Адзначалася, што сяляне павінны выходзіць на паншчыну 5 дзён з дыму. Дадатковыя

адпрацоўкі ўяўлялі сабою 4 талакі, варту па чарзе на плябаніі і ў фальварку. Чыншу вызначалася ў год з адной валокі 5 злотых. Дзякла з адной валокі ўздымалася: бочка жыта (віленскай меры) і аўса, 20 яек, воз сена, мёд (хто трымаў пасеку) [7].

У 1745 г. сялянам, якія жылі ў касцельных вёсках, выстаўляліся наступныя павіннасці. Кожны тыдзень зімой і летам з інвентаром сяляне павінны былі выходзіць на працы, а норма вызначалася наступная: з паўвалокі 3 дні. Усталёўвалася адпрацоўка 4 талок улетку (час жніва). На працу сяляне мусілі заўжды выходзіць з узыходам сонца і працаваць да заходу. Захоўвалася павіннасць несці варту: па чарзе да плябаніі і фальварка. На начную варту трэба было выходзіць удвух. Па чарзе сяляне выстаўлялі падводу: на-

далей за 30 міль з аднае валокі. Чынш складаў 15 грошай наяўнымі з кожнай паўвалокі. Апроч таго з кожнай паўвалокі сяляне мусілі даваць: палову бочкі аўса меры віленскай; два каплуны альбо адну гусь, дзясятак яек, чатыры курыцы; пры наяўнасці пасекі – палову мёду, воз сена [3].

У 1782 г. сяляне з Патапавічаў і Канюхоў мусілі адпрацаваць з кожнай паўвалокі тры дні на тыдзень на патрэбу двара. Падчас жніва адпрацоўка складала шэсць дзён. Вызначалася тыднёвая варта па трох улетку і ўзімку. Чыншавая сума складала 3 злотыя з паўвалокі. Прадуктамі выдавалі: ляхавіцкі ка-

рэц жыта, карэц аўса, аднаго каплуна і 10 яек. Звернем увагу на тое, што ў дакуменце за 1782 г., дзе акрэсліваецца дзякла, побач з пералікам колькасці прадуктаў прыводзіцца яе альтэрнатыва ў грашовым эквіваленце. Так, агульнае паступленне жыта вартае 864 злотыя, аўса – 432 злотыя, каплуны ацэньваюцца ў 72 злотыя, яйкі – у 9 злотых [4].

Для больш нагляднага адлюстравання дынамікі ў павіннасцях і падатках для розных сацыяльных груп Ляхавіцкага графства, абагульнім прыведзеныя вышэй дадзеныя ў табліцы 2.

Табліца 2 – Павіннасці і падаткі на карысць Ляхавіцкага касцёла

ЛЯХАВІЦКІЯ МЯШЧАНЕ							
ГОД	ПАНШЧЫНА	АДПРАЦОЎКА			ЧЫНШ		ДЗЯКЛА
1602	—	—			20 коп гр. 6 гр./двор		41 капа жыта
1745	—	—			20 коп гр. ½ 8 гр./двор		40 карцоў жыта
1782	—	—			640 зл.		
ЮРЫДЫКА							
ГОД	ПАНШЧЫНА	АДПРАЦОЎКА			ЧЫНШ		ДЗЯКЛА
1602	—	акрэслена наяўнасць			—		—
1745	—	Талокі на жніве	Варта	Дастаўка лістоў	Кароткі агарод	Доўгі агарод	—
		5	Удвух па чарзе	Па чарзе на 5 міль	2 зл.	4 зл.	
1782	—	5	Удвух па чарзе	—	Падатак (зл.)	Чынш (зл.)	—
					120	100	
КАГАЛ							
ГОД	ПАНШЧЫНА	АДПРАЦОЎКА			ЧЫНШ		ДЗЯКЛА
1745	—	—			300 зл.		—
1785	—	—			400 зл.		—
ЛЯХАВІЦКАЕ ГРАФСТВА							
ГОД	ПАНШЧЫНА	АДПРАЦОЎКА			ЧЫНШ		ДЗЯКЛА
1602	—	—			—		50 коп жыта / 50 зл.
1721	—	—			270 коп гр.		50 коп жыта / 50 зл.
1782	—	—			270 коп гр.		50 коп жыта / 50 зл.
1793	—	—			270 коп гр.		50 коп жыта / 50 зл.

Канчаток табліцы 2

СЯЛЯНЕ КАСЦЕЛЬНЫХ ВЁСАК												
ГОД	ПАНШЧЫНА	АДПРАЦОЎКА		ЧЫНШ		ДЗЯКЛА						
1602	акрэслена наяўнасць											
	—	Талокі на жніве	Варта	Падвода		Жыта	Авёс	Сена	Капун/ гусь	Куры	Яйкі	Мёд
1668	5 дзён з дыму/ 1 валокі	4	Удвух па чарзе	—	75 гр./ ½ валокі	½ бочкі	½ бочкі	1 воз	—	—	—	+
1745	3 дні / ½ валокі	4	Удвух па чарзе	+	15 гр. / ½ валокі	½ бочкі	½ бочкі	1 воз	2 альбо 1	4	10	1/2
1782	3 дні / ½ валокі	6 дзён	Утрох па чарзе	—	90 гр. / ½ валокі	карэц	карэц	—	1	—	10	—

Так, можна акрэсліць наступную дынаміку павіннасцей і падаткаў для розных сацыяльных груп Ляхавіцкага графства цягам амаль двух стагоддзяў.

Для ляхавіцкіх мяшчан, якіх датычыцца толькі чынш і дзякла, сумы, усталяваныя фундошавым запісам, застаюцца амаль нязменнымі: змяняецца мера вымярэння жыта, у сувязі з ростам колькасці двароў змяншаецца сума выплаты з аднаго падворка. Таксама назіраецца пераход ад дзякла да грашовага чыншу.

Юрыдычан датычыцца адпрацоўка і чынш. Цягам XVIII ст. адбываюцца істотныя змены для дадзенай катэгорыі насельніцтва. Істотна змяняецца сістэма выплаты чыншу: фіксаваны падатак на ўтрыманне агароду замяняецца агульным падымным падаткам, уведзіцца дадатковы збор чыншу. Змяняюцца і адпрацоўкі: скасоўваецца павіннасць дастаўляць лісты. Самыя галоўныя змены, якія адбыліся для юрыдыкі, — змена сацыяльнага статусу і атрыманне магчымасці юрыдычанам свабодна прадаваць свае будоўлі.

Ляхавіцкі кагал выплачваў парафіі чынш, сума якога з 1745 па 1782 г. павялічылася на 100 злотых.

Для сялян Ляхавіцкага графства, адносна якіх усталёўвалася дзесяціна — грашовая і натуральная, сума падатку не

змянялася цягам усяго акрэсленага перыяду.

Найбольшая колькасць разнастайных павіннасцей і падаткаў датычылася сялян падуладных парафіі вёсак. За акрэслены перыяд змяніўся разлік адпрацоўкі паншчыны. Калі ў 1668 г. колькасць дзён вызначалася на 1 валокі, то ў XVIII ст. разлічвалася на ½ валокі. Звязана гэта з тым, што за пераважнаю большасцю сялян, згодна з інвентарамі, было замацавана менавіта ½ валокі зямлі (адзначаецца і па ¼ валокі на двор) [4]. Для сялян павялічылася колькасць дзён адпрацоўкі на талацэ. Назіраецца змяненне відаў адпрацоўкі. Грашовы чынш досыць не раўнамерны. Калі ў 1668 г. ён складае 75 гр., то ў 1745 г. — 15 гр., але ў 1782 г. узрастае да 90 гр. Зазначым, што ў год нізкага чыншу назіраецца шырокі спектр прадуктаў, якія пастаўляліся па дзяклу, нормы якога заставаліся амаль нязменнымі. Наогул жа, назіраецца тэндэнцыя да павышэння сумы грашовых выплат і перавод дзякла ў чынш.

Грашовы чынш ад розных груп насельніцтва з'яўляўся істотнай крыніцай даходу парафіі. Так, агульная сума даходаў Ляхавіцкага касцёла ў 1782 г. састаўляла 15668 зл., з якіх 12000 зл. — алтарныя ахвяраванні, а 3036 зл. — паступленні ад выплат павіннасцей. Доля ад гэтых вы-

плат складае 20% усёй сумы даходаў парафіі [4].

Заклучэнне

Такім чынам, прааналізаваўшы і прасачыўшы дынаміку павіннасцей, якія датычыліся розных грамадскіх супольнасцей, што былі скіраваны на карысць аднаго ўладальніка – каталіцкай парафіі Святога Крыжа, якая ахоплівала землі Ляхавіцкага графства, адзначым наступнае:

1. Павіннасці і падаткі, якія былі ўсталяваны на карысць парафіі, датычыліся разнастайных груп насельніцтва маёнтка. Найбольшая колькасць відаў павіннасцей датычылася сялян падуладных Касцёлу вёсак, найменшая – кагалу. Самай распаўсюджанай павіннасцю, якая датычылася ўсіх груп насельніцтва, з'яўляўся грашовы чынш.

2. Дынаміка павіннасцей у перыяд XVII–XVIII ст. досыць неаднародная. Некаторыя павіннасці заставаліся нязменнымі з часоў іх усталявання ў фундошавым запісе, аднак большасць з іх мелі тэндэнцыю на павышэнне. Аднак некаторыя з іх, якія датычыліся адпрацоўкі і дзякла, скасоўваліся наогул.

3. Назіраецца тэндэнцыя замены дзякла на грашовы чынш, што датычылася розных груп насельніцтва.

4. Для Ляхавіцкай парафіі грашовыя паступленні з'яўляліся значнай часткаю даходаў+.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1738. Воп. 1. Спр. 1. Л. 195 – 200.
2. Vilniaus universiteto biblioteka. – F. 57. Воп. B53. Спр. 1338. Л. 3–5.
3. НГАБ. – Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 213. С. 8 – 21.
4. НГАБ. – Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 223.
5. Lietuvos valstybės istorijos archyvas. – F. 9. Воп. 1. Спр. 2401.
6. Vilniaus universiteto biblioteka. – F. 5. Воп. F123 Спр. 31380/1.
7. Vilniaus universiteto biblioteka. – F. 57. Воп. B53. Спр. 41. Л. 105–111.

Паступіў у рэдакцыю 12.01.2018 г.
Кантакты: pawelbulaty@gmail.com
(Булаты Павел Юр'евіч)

Bulaty P. DUTIES OF PEASANTS AND PETTY BOURGEOIS OF LYAKHOVICH COUNTY IN FAVOUR OF CATHOLIC PARISH IN THE XVII–XVIII CENTURIES.

The research focuses on the duties and taxes of the Holy Cross parish in Lyakhovich (Brest region, Belarus) in the XVII–XVIII centuries. The level and dynamics of taxes for different social groups are analyzed according to the archival data.

Keywords: Lyakhovich, Catholic Church, taxes, duties.

УДК 94(44)+329

НЕАФАШЫСЦКІ РУХ У ФРАНЦЫІ ПАСЛЯ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

А. М. Грышэль

аспірант

Рэспубліканскі інстытут

вышэйшай школы

У артыкуле разглядаюцца і параўноўваюцца пазіцыі найбольш значных неафашысцкіх арганізацый і груп у Францыі: "Еўропа – Дзеянне", "Захад", "Група даследаванняў еўрапейскай цывілізацыі", "Арганізацыя тайнай арміі", "Група Карла Мартэла", "Абарончы саюз", "Новы парадак" і г. д. Устаноўлена, што існаванне значнай колькасці неафашысцкіх арганізацый пасля Другой сусветнай вайны было абумоўлена не толькі саперніцтвам іх лідараў, але і ідэйнымі рознагалоссямі. Аўтар зрабіў выснову, што дзейнасць сучасных ультраправых носіць абмежаваны характар, але ў пэўных умовах ультраправыя могуць актывізавацца і прыйсці да ўлады. Наростанне тэрарыстычнай і імігранцкай пагроз спрыяе росту папулярнасці ультраправых.

Ключавыя словы: неафашысты; ультраправыя; нацыяналізм; расізм; тэрарызм; алжырская вайна; Нацыянальны фронт.

Уводзіны

Важнейшай праблемай французскай палітычнай гісторыі застаецца дзейнасць неафашысцкіх арганізацый і іх уплыў на сучаснае грамадства. Вядома, што пасля Другой сусветнай вайны ў Францыі існаваў шэраг арганізацый, якія ў сваёй дзейнасці абапіраліся на фашысцкую ідэалогію, што не магло не адлюстравалася на французскім грамадстве. Таму ў артыкуле разглядаюцца найбольш яркія неафашысцкія арганізацыі пасляваеннага перыяду. Праблема недастаткова вывучана французскімі і айчыннымі гісторыкамі, увага якіх сканцэнтравана на аналізе дзейнасці даваенных французскіх фашысцкіх арганізацый, а таксама на вывучэнні найбольш моцнай сучаснай ультраправай партыі "Нацыянальны фронт", уплыў якой хутка расце у свеце нявырашанасці шэрагу

сацыяльна-эканамічных пытанняў. Сярод даследчыкаў, якія займаліся падобнай праблематыкай, трэба адзначыць В. Віпермана [1], С. Ваксмана [2], А. Мэстра [3], Б. Феньё [4], Ю.Ф. Харланова [5], Н.Ю. Васільеву [6], Ж.-І. Камю [7].

Мэтай даследавання з'яўляецца аналіз развіцця французскага неафашысцкага руху пасля Другой сусветнай вайны.

Асноўная частка

Паражэнне фашысцкай Італіі і нацысцкай Германіі ў Другой сусветнай вайне не азначала, што фашызм як ідэалогія спыніў сваё існаванне, але ў пасляваенны час ніводная неафашысцкая партыя не змагла заручыцца настолькі значнай падтрымкай насельніцтва, каб прыйсці да ўлады. Па сваёй структуры пасляваенныя неафашысцкія арганізацыі амаль не адрозніваліся ад даваенных. Як правільна адзначаў В. Віперман, калі б неафашысцкія арганізацыі адрозніваліся ад тых, што ўзніклі да 1945 г., да іх неабходна было б прымяняць іншы тэрмін [1].

У пасляваеннай Францыі перыядычна ўзнікалі невялікія неафашысцкія групы. Да іх ідэй і лозунгаў французы ставіліся насцярожана, а часам агрэсіўна. Былі выпадкі, калі актывісты гэтых груп праследаваліся з боку антыфашыстаў. Алжырскі крызіс прывёў да палітычнага крызісу, а таксама да адраджэння фашысцкай ідэалогіі. У сваю чаргу, саперніцтва паміж лідарамі асобных неафашысцкіх арганізацый прывяло да расколу руху і яго драблення. Практычна ўсе створаныя ў канцы 1950-х – 1960-я гг. ультраправыя арганізацыі так ці інакш былі звязаны з алжырскай вайной і неафашысцкай ідэалогіяй.

22 снежня 1949 г. нацыяналістамі П. Сідо, Ж. Сідо, Ж. Вагнерам, Ж. Маро быў створаны рух "Маладая нацыя" [8, р. 18]. У 1950-я гг. рух здзейсніў шэраг актаў гвалту, таму 15 мая 1958 г. французскі ўрад на чале з П. Пфлімлінам выдаў дэкрэт аб роспуску "Маладой нацыі". Рашэнне было прынята на фоне арганізаванага 13 мая 1958 г. путчу французскіх пасяленцаў у Алжыры, якіх падтрымала частка ваенных [9, с. 194]. "Маладая нацыя" адмовілася падпарадкавацца рашэнню ўрада. У 1959 г.

яна была перафарматавана і атрымала новую назву – “Нацыяналістычная партыя”. У новым выглядзе яна праіснавала вельмі кароткі перыяд. 1 мая 1960 г. большая частка яе членаў увайшла ў склад “Федэрацыі студэнтаў-нацыяналістаў”, якая прытрымлівалася антыкамуністычных поглядаў, лічыла сваёй мэтай ахову Францыі ад камунізму, выступала супраць незалежнасці Алжыра.

У 1963 г. у шэрагах “Федэрацыі студэнтаў-нацыяналістаў” адбыўся раскол. Частка актывістаў на чале з Д. Венэрам, які прытрымліваўся ідэі еўрапейскага нацыяналізму, у рамках “Федэрацыі студэнтаў-нацыяналістаў” стварыла рух “Еўропа – Дзеянне”. Астатнія заснавалі рух “Захад”, які праіснаваў да кастрычніка 1968 г., а затым увайшоў у склад “Новага парадку”. Канчаткова “Федэрацыя студэнтаў-нацыяналістаў” спыніла дзейнасць у 1967 г.

Рух “Захад” быў заснаваны ў красавіку 1964 г. парыжскімі студэнтамі, якіх выключылі з “Федэрацыі студэнтаў-нацыяналістаў” за непадпарадкаванне. Па розных ацэнках, у 1968 г. рух налічваў ад 800 да 1500 прыхільнікаў. “Захад” не імкнуўся да абнаўлення ідэалогіі, як “Еўропа – Дзеянне”. Яго прыхільнікі не хавалі нацыяналістычных поглядаў, лічылі, што лібералізм з’яўляецца галоўным ворагам нацыяналізму, узвышалі французскую нацыю, спачувалі пісьменніку Р. Бразільяку, расстралянаму ў 1945 г. за калабарацыянізм, а таксама засталіся на ярка акрэсленых антыкамуністычных пазіцыях. Яны лічылі, што фашызм – гэта праява нацыяналізму, а асноўнымі яго прыхільнікамі з’яўляюцца маладыя людзі, схільныя да рэвалюцыі. “Захад” заклікаў фізічна знішчаць камуністаў, заклікаў паўтарыць шлях Сухарта, які забіў сотні тысяч камуністаў у Інданезіі. Рух падтрымаў пераварот у Грэцыі 21 красавіка 1967 г. У канчатковым выніку “Захад”, заснаваны на маладзёжнай рэвалюцыйнасці, зжыў сябе. 31 кастрычніка 1968 г. ён быў афіцыйна распушчаны [10]. Сёння былыя ўдзельнікі “Захаду” – П. Жалінэ, П. Дэведжан, Э. Навела – шкадуюць, што прытрымліваліся радыкальных пазіцый [11]. П. Дэведжан адзначае, што нельга

параўноўваць Нацыянальны фронт з арганізацыямі 1960-х гг., таму што яны не маюць нічога агульнага і ўзніклі ў розны час.

У аснове руху “Еўропа – Дзеянне” знаходзілася пабудаваная на біялагічным расізме дактрына “нацыяналістычнай рэвалюцыі”. Яго лідары імкнуліся стварыць моцную дысцыплінаваную арганізацыю. Актывістамі была ўспрынята ідэя еўрапейскага нацыяналізму, якая прадугледжвала перавагу не адной нацыі, а ўсёй заходняй цывілізацыі. “Еўропа – Дзеянне” выступала супраць міжрасавых шлюбаў і афрыканскай іміграцыі, а таксама супраць хрысціянства, бо яно было семіцкай рэлігіяй [8, р. 19]. Не вытрымаўшы крытыкі з боку апанентаў, рух быў вымушаны спыніць дзейнасць у 1967 г.

“Еўропа – Дзеянне” паслужыла асновай для створанай у 1968 г. французскімі нацыяналістамі “Групы даследаванняў еўрапейскай цывілізацыі”. Яе ідэйным натхняльнікам лічыцца А. дэ Бенуа, сутнасць пазіцыі якога зводзілася да таго, што заўсёды існавала няроўнасць, і таму каштоўнасць кожнага чалавека розная. Пры гэтым ён адзначаў, што не супраць камуністаў і іншых левых. Ён проста не разумеў іх ідэю роўнасці [12, р. 16]. А. дэ Бенуа заўсёды крытыкаваў неалібералізм, дэмакратыю, эгалітарызм, з’яўляўся прыхільнікам пан’еўрапейскага нацыяналізму. Гісторык А. Шабэль лічыў, што А. дэ Бенуа і яго група спрыялі распаўсюджванню неафашызму ў Францыі.

З сучаснымі ультраправымі А. дэ Бенуа збліжае пазіцыя ў дачыненні да імігрантаў. У той жа час ён крытыкаваў Ж.-М. Ле Пэна за яго расісцкія і антысеміцкія выказванні. Парадаксальна, што прыхільнікі А. дэ Бенуа адначасова спачувалі Ж.-М. Ле Пэну [2]. А. дэ Бенуа не меў нічога супраць мусульман, але лічыў, што яны не павінны прыезджаць у Еўропу. Ён адмоўна ставіўся да хрысціянства, бо яно схільна да праследаванняў. Напісаў некалькі кніг, прысвечаных абвяржэнню біялагічнага расізму. Сёння ён выступае супраць узмацнення ўплыву ЗША. Лічыць, што нацыянальныя дзяржавы зжылі сябе, ім на змену павінны прыйсці рэгіянальныя федэрацыі. У гэтым пазіцыя А. дэ Бенуа

збліжаецца з ультраправым Блокам ідэнтычнасці.

“Група даследаванняў еўрапейскай цывілізацыі” працягвае функцыяніраваць у цяперашні час. Яе актывісты называюць сябе “новымі правамі”. Піка папулярнасці яна дасягнула ў канцы 1970-х гг., калі ў яе склад уваходзіла каля 4 тыс. чал. Зараз яна мае афіцыйны сайт, друкаваныя органы: штогадовы часопіс “Новая школа” (з 1968 г.), часопіс “Элементы” (з 1973 г.) і штоквартальны часопіс “Крызіс” (з 1988 г.). Калі “Новая школа” канцэнтруе ўвагу толькі на філасофскіх, рэлігійных і культурных пытаннях, то тэматыка “Элементаў” і “Крызісу” значна больш шырокая. Часопіс “Крызіс” (А. дэ Бенуа называе яго метапалітычным) імкнецца на сваіх старонках звесці “левых” і “правых”, каб весці дыскусію па актуальных пытаннях. Нягледзячы на намаганні, аўдыторыя часопіса застаецца абмежаванай і зараз налічвае не больш за 600 падпісчыкаў [3].

Аўтары артыкулаў, што друкуюцца ў “Элементах”, звяртаюцца да шырокага кола праблем. На старонках часопіса яны разважаюць наконт глабалізацыі і выказваюць надзею на тое, што ў будучым магчыма дэглабалізацыя, крытыкуюць кансерватараў-рэакцыянераў і спрабуюць іх пераканаць у тым, што кожная гістарычная падзея ўнікальна і ніколі не паўтараецца [13]. Гаворачы словамі К. Маркса, кансерватары імкнуцца “перавярнуць уверх дном кола гісторыі”, пры гэтым не могуць аргументаваць, для чаго гэта патрэбна. Адночы адзін з журналістаў “Элементаў” задаў пытанне манархістам з Аксёна франсэз: “Чаму вы лічыце, што кароль патрэбны Францыі?”. Адказ ашаламіў журналіста: “Таму што гэта прыгожа!” [14].

Крыху раней, у 1953 г., па ініцыятыве П. Пужада быў створаны “Саюз абароны прамысловасці і рамеснікаў”, які першапачаткова змагаўся супраць павелічэння падаткаў. У далейшым арганізацыя стала разумецца як саюз простых грамадзян, якія змагаюцца за свае правы. Прыхільнікам пужадызму быў Ж.-М. Ле Пэн, што дае падставу некаторым даследчыкам лічыць Нацыянальны фронт фашысцкім. Сапраўды, у “Саюзе абароны прамысловасці і рамеснікаў” выказваліся

нацыяналістычныя і антысеміцкія заклікі, аднак прыхільнікаў такіх поглядаў была пераважная меншасць. Па сваёй сутнасці пужадызм з’яўляўся антымадэрнісцкім рухам.

Калі пужадысты адмаўляліся выкарыстоўваць зброю ў палітычнай барацьбе, то тыя арганізацыі, што ўзніклі непасрэдна ў Алжыры, з самага пачатку прытрымліваліся тэрарыстычных метадаў. Самай вядомай падобнай арганізацыяй была “Арганізацыя тайнай арміі” (АТА). З усіх створаных пасля 1945 г. неафашысцкіх арганізацый ідэалогія АТА ў найбольшай ступені супадала з фашысцкай. АТА была прасякнута нацыяналістычнымі, антыкамуністычнымі, антысацыялістычнымі і антыдэмакратычнымі ідэямі, поглядамі і лозунгамі. АТА была створана П. Лагаярдам, Р. Саланам, Ж.-Ж. Сюзіні ў студзені 1961 г. і стала своеасаблівым адказам на рэферэндум аб незалежнасці Алжыра. Першапачаткова створаная для барацьбы супраць руху за незалежнасць Алжыра ад Францыі, з цягам часу яна стала выступаць супраць усіх палітыкаў, якія імкнуліся ўрэгуліраваць канфлікт, у першую чаргу супраць Ш. дэ Голя.

Б. Феньё, які вывучаў АТА, засцерагаў ад ўспрымання АТА выключна як групы забойцаў, паколькі яе праграма, прынцыпы, метады – гэта фашызм у дзеянні ў тагачасных умовах. У яе “Папярэдняй праграме, якая можа паслужыць асновай праграмы нацыянальнай рэканструкцыі”, прапаноўвалася: стварыць нацыянальны ўрад грамадскага выратавання з удзелам адказных прадстаўнікоў французскага нацыяналістычнага руху і іх прыхільнікаў у арміі; распусціць французскі парламент; склікаць Савет нацыі, які прадстаўляў бы розныя прафесійныя карпарацыі і тэрыторыі (па аналогіі з сістэмай Б. Мусаліні); распусціць усе партыі і г. д. [4, с. 41–42].

АТА вяла актыўную тэрарыстычную дзейнасць і ў жніўні 1962 г. арганізавала замах на Ш. дэ Голя ў парыжскім прыгарадзе Кламар. Ахвярамі АТА былі не толькі палітычныя дзеячы, але і простыя грамадзяне, як, напрыклад, пасажыры цягніка “Страсбург – Парыж”: у выніку выбуху каля Вітры-ле-Франсуа

18 чэрвеня 1961 г. загінула 28 чал., што доўга заставалася самым масавым тэрактам у Францыі да 13 лістапада 2015 г. [15].

Амаль што адразу пасля падпісання Эвіанскіх пагадненняў АТА назвала акупантамі французскіх салдат [16]. Адпаведна, тэрактаў, накіраваных супраць ваенных, стала значна больш. АТА не засмучала тое, што на рэферэндуме 8 красавіка 1962 г. больш за 90% французаў выказалася за прадастаўленне незалежнасці Алжыру [17, р. 681]. Бачучы, што дамовіцца з АТА немагчыма, Ш. дэ Голь прыклаў усе сілы, каб разграміць яе да 1963 г.

Адзначым, што адносіны паміж АТА і этнічнымі алжырцамі былі напружанымі. АТА разглядала іх як людзей другога гатунку, а тыя бачылі ў АТА акупантаў. Адзін з алжырцаў у інтэрв'ю газеце "Ліберасьён" казаў: "Калі б нам далі магчымасць заняцца АТА, то яна была б ліквідавана ў Алжыры за некалькі дзён" [18, с. 131]. Варта адзначыць, што абодва бакі вялі сябе агрэсіўна, і калі б не французская армія, то ахвяр вайны было б значна больш.

Сёння сярод ультраправых ёсць тыя, хто спачувае АТА. Увечары 4 ліпеня 2006 г. яны ўрачыста запалілі агонь каля помніка Невядомаму салдату ў Парыжы. Дзеянне было прысвечана чарговай гадавіне разні ў алжырскім горадзе Аране, калі 5 ліпеня 1962 г., нягледзячы на падпісаныя раней пагадненні, атрады алжырскага левага Фронту нацыянальнага вызвалення забілі больш за 3,5 тыс. еўрапейцаў [5].

Праз 10 гадоў пасля разгрому АТА была створана ўльтраправая "Група Карла Мартэла", якая дзейнічала пераважна ў Парыжы і на поўдні Францыі, у раёне Праванса. Яна выкарыстоўвала тэрарыстычныя метады і займалася забойствам арабаў і тых французаў, якія падтрымлівалі незалежнасць Алжыра. Сваю дзейнасць група пачала 14 снежня 1973 г. з атакі на алжырскае консульства ў Марсэлі, у выніку якой было забіта 4 чалавекі 10 красавіка 1975 г. у знак пратэсту супраць наведвання прэзідэнтам В. Жыскарам д'Эстэнам Алжыра быў узарваны аўтамабіль каля алжырскага консульства ў Парыжы. 22 лютага 1982 г. члены "Групы Карла Мартэла" адкрылі стральбу ў бары ў выхадцаў з Паўночнай

Афрыкі, у выніку якой раненні атрымалі 3 чалавекі. 14 сакавіка 1983 г. двое мужчын на матацыкле кінулі бомбу, ад якой сур'ёзныя раненні атрымалі двое дзяцей [19].

Гэта толькі некалькі фактаў дзейнасці "Групы Карла Мартэла". У студзені 1974 г. у пасланні, адрасаваным прэзідэнту Францыі Ж. Пампіду, лідары групы спрабавалі апраўдаць гвалт настальгіяй па тым, што калісьці Алжыр быў часткай Францыі, а таксама страхам пранікнення ў Францыю занадта вялікай колькасці арабаў [20, р. 255–256].

Пасля АТА ў Францыі існавала некалькі неафашысцкіх арганізацый, якія былі аб'яднаны тым, што настальгіравалі па страце Алжыра. Да іх можна аднесці:

1) рух "Маладая рэвалюцыя", створаны ў 1966 г. былымі салдатамі АТА, сярод якіх былі М. Каліно, Н. Каянакіс, Ж.-П. Сцірбуа, П. Сержан;

2) групу "Абарончы саюз", якая была створана ў снежні 1968 г. А. Рабэрам, Ж. Лонгам. У лістападзе 1974 г. яна ўвайшла ў склад "Партыі новых сіл", часта заключала і разрывала дамоўленасці з іншымі групамі, практычна спыніла дзейнасць у 1980-х гг., ператварыўшыся ў маргінальную сілу, не вытрымаўшы саперніцтва з Нацыянальным фронтам;

3) "Новы парадак", які ўзнік у 1969 г. Яго сімвалам быў кельцкі крыж. Крэда "Новага парадку" заключалася ў адраджэнні патрыятызму, прапагандзе сямейных каштоўнасцей. З-за сутыкненняў з ультралевымі на глебе адносін да імігрантаў, якія адбыліся ў чэрвені 1973 г., урад Францыі прыняў рашэнне распусціць "Новы парадак", а таксама ультралевую "Камуністычную лігу", прадэманстравалі, што не дапусціць беспарадкаў [21]. Пасля роспуску большая частка актывістаў "Новага парадку" ўвайшла ў склад Нацыянальнага фронту. Тыя, хто не быў згодны з курсам Нацыянальнага фронту, у лістападзе 1974 г. стварылі "Партыю новых сіл", якая перажыла раскол у сярэдзіне 1980-х гг.;

4) Народную нацыянальную партыю, якая была створана ў сакавіку 1970 г. Р. Алендрам, А. Карэтам, П. Буске. Далучылася да Нацыянальнага фронту ў 1972 г. [22].

Група “Абарончы саюз” спрабуе адрэзіцца з 2011 г. пад назвай “Маладзёжны абарончы саюз”. Журналіст “Фігаро” Ф. Рамэн адзначаў, што няма сумненняў у тым, што “Маладзёжны абарончы саюз” з’яўляецца спадкаемцам “Абарончага саюзу”. Іх звязваюць агульны сімвал – чорны пацук, аднолькавы стыль: чорная скураная куртка, сонцаахоўныя акуляры, паголеная галава. Ф. Рамэн асцерагаецца таго, што адноўленая арганізацыя будзе весці такую ж бурную дзейнасць, як папярэдняя. Яго непакоіць тое, што яе сацыяльную базу складаюць маладыя людзі, гатовыя на розныя авантуры ва ўмовах абвастрэння іміграцыйнай праблемы і тэрарыстычнай пагрозы з боку Ісламскага дзяржавы. Дж. Хаян, прэзідэнт “Саюза яўрэйскіх студэнтаў Францыі”, чые актывісты змагаліся з групай “Абарончы саюз” у 1980-х гг., баіцца паўтарэння сітуацыі. Ён не разумее, чаму “Маладзёжны абарончы саюз” не забаронены. Вядома, што асновай “Маладзёжнага абарончага саюзу” з’яўляюцца студэнты ўніверсітэта Пантэон-Аса (Парыж II), рэктар якога, Л. Фогель, заявіў, што не мае паўнамоцтваў для таго, каб забараніць арганізацыю [23].

Адначасова з настальгуючымі па Алжыры з канца 1960-х гг. ствараліся невялікія групы, не звязаныя з вайной, як, напрыклад, утвораная ў маі 1968 г. па ініцыятыве ўладальніка газеты “Фігаро” Р. Эрсана “Група даследаванняў”, якая спрабавала навукова абгрунтаваць расісцкую частку фашысцкай ідэалогіі і надаць ёй прыстойны выгляд. Вядома, што Р. Эрсан калісьці прытрымліваўся сацыялістычных поглядаў, але з пачаткам германскай акупацыі перайшоў на бок маршала А.Ф. Петэна. Улетку 1940 г. заснаваў маладзёжную арганізацыю “Малады фронт”, якая падпарадкоўвалася фашысцкай Нацыянал-калектывісцкай французскай партыі П. Клеманці [24]. Неўзабаве ў кастрычніку 1940 г. ён пакінуў “Малады фронт”. Пры гэтым Р. Эрсан удзельнічаў у выданні нацысцкай газеты “Ганебны слуп” (“Au Pilon”). У 1941–1942 гг. у Брэване стварыў лагер, дзе моладзь вучылася нацыяналістычным ідэям. За супрацоўніцтва з нацыстамі ў 1947 г. быў

асуджаны на 10 гадоў пазбаўлення волі, але ў 1952 г. быў амнісціраваны [25].

Р. Эрсан часта мяняў партыйную прыналежнасць, што не перашкаджала яму абірацца дэпутатам Нацыянальнага сходу ад кожнай партыі. У 1956 г. ён быў абраны дэпутатам ад радыкал-сацыялістаў. У 1958 г. стаў галістам. З 1967 па 1968 г. меў сувязі з сацыялістамі. Затым вярнуўся ў галісцкую партыю і з 1968 па 1973 г. быў дэпутатам ад галісцкага Саюза дэмакратаў за Рэспубліку. З 1973 г. прытрымліваўся цэнтрэсцкіх поглядаў і ў 1986 г. быў абраны дэпутатам ад Саюза за французскую дэмакратыю В. Жыскар д’Эстэна [26]. Такім чынам, Р. Эрсан быў чалавекам з непастаяннымі палітычнымі поглядамі, што знайшло адлюстраванне ў створанай ім “Групе даследаванняў”, якая не змагла развіцца ў паўнаважную палітычную партыю.

Большая частка неафашыстаў падтрымала ўтварэнне Нацыянальнага фронту ў 1972 г. Гэта былі былыя петэнаўцы, ультраправыя экстрэмісты [6, с. 275]. Прычынай узнікнення адзінай партыі стала тое, што пасля атрымання Алжырам незалежнасці ўльтраправыя страцілі большую частку галасоў выбаршчыкаў. Калі ў 1958 г. на выбарах у Нацыянальны сход за іх прагаласавала 2,6% французскіх грамадзян, то праз 10 гадоў іх падтрымала толькі 0,1% [27, р. 16].

Даследчык Ж.-І. Камю ў працы “Нацыянальны фронт” даў наступную характарыстыку Нацыянальнаму фронту: “Нацыянальны фронт ўяўляе сабой аб’яднанне ультраправых, якія выкарыстоўваюць дэмакратычную сістэму для ўстанаўлення аўтарытарнага рэжыму, заснаванага на расавай канцэпцыі нацыянальнай ідэнтычнасці” [7, р. 5]. У.П. Смірноў не адносіў Нацыянальны фронт да неафашысцкіх партый. Ён лічыў, што Нацыянальны фронт прыйшоў на змену неафашыстам, аб’яднаўшы традыцыйныя лозунгі ўльтраправых з інтэгральным каталіцызмам, аўтарытарным папулізмам і эканамічным ультралібералізмам [28, с. 162].

Панаванне на першапачатковым этапе ўнутры Нацыянальнага фронту ідэалогіі, якая мела шмат агульнага з фашызмам, было звязана з тым, што

ў складзе партыі знаходзіўся лідар французскіх нацыяналістаў-рэвалюцыянераў Ф. Дзюпра, які рэдагаваў партыйныя дакументы [6, с. 275–276]. “Чыстка” Ж.-М. Ле Пэнам Нацыянальнага фронту ад радыкальных элементаў пасля гібелі Ф. Дзюпра прывяла да таго, што зараз неафашысты не маюць ўплыву на грамадзян.

Сувязі з экстрэмістамі стварылі адпаведны адмоўны аўтарытэт Нацыянальнаму фронту, таму яму трэба пастаянна даказваць, што яго ідэалогія не звязана з фашызмам. Асабліва крытыкуе Нацыянальны фронт правацэнтрэсцкі палітык Н. Касцюшка-Марызэ. На яго думку, партыя не прапаноўвае для Францыі ніякай будучыні, акрамя нянавісці і ізаляцыі. Н. Касцюшка-Марызэ называе ідэалогію Нацыянальнага фронту разнавіднасцю папулісцкага неафашызму [29, с. 103]. Зразумела, што Нацыянальны фронт з’яўляецца ультраправай партыяй, але заяўляць, што ён неафашысцкі, няправільна.

Сучасных манархістаў таксама няправільна называць неафашыстамі, як гэта рабіў нямецкі гісторык Э. Нольтэ, бо ў іх ідэалогіі не засталася нічога ад фашызму. Навукоўцы лічаць погляды Э. Нольтэ архайчнымі. У 1999 г. англійскі гісторык Р. Турлоў адзначыў, што зробленая Э. Нольтэ прывязка Аксьён Франсэз да фашысцкай традыцыі ўводзіць у зман.

Ультраправыя традыцыйна абаяліліся на адны і тыя колы насельніцтва. Гэта дробная буржуазія і простыя грамадзяне (рабочыя, сяляне). Калі ў краіне была стабільная сітуацыя, ультраправыя не мелі ніякіх шанцаў на прыход да ўлады. У крызісныя моманты іх папулярнасць значна ўзрастала за кошт павелічэння падтрымкі з боку сярэдніх слаёў насельніцтва, у першую чаргу за кошт інтэлігенцыі, што дазваляла ім пераўтварацца ў значную палітычную сілу.

Нягледзячы на тое што сучасныя французскія ультраправыя партыі не падобныя адна да адной, іх аб’ядноўвае тое, што ў іх аснове ляжыць ідэя абароны нацыянальнай ідэнтычнасці, а таксама ахова інтарэсаў свайго народа [29, с. 97]. Ультраправыя адышлі ад заклікаў знішчаць пэўныя народы. У аснове іх

праграм ўсё часцей знаходзяцца ідэі антыглабалізму, таму што глабалізацыя знішчае нацыянальную ідэнтычнасць. Аднак калі Нацыянальны фронт да нядаўняга часу выступаў катэгарычна супраць глабалізацыі, то іншыя ультраправыя, як правіла, прымаюць еўрапейскую глабалізацыю.

П. Брэшон справядліва адзначаў, што ўсе палітычныя ідэалогіі з’яўляюцца гістарычнымі і сацыяльным прадуктам. Яны з’яўляюцца ў моманты важных гістарычных падзей. Напрыклад, Вялікая французская рэвалюцыя прывяла да ўзнікнення рэспубліканскай і контррэспубліканскай ідэалогій, якія ў далейшым развіваліся і мяняліся. Ідэалогіі, якія ўзніклі ў перыяды сацыяльных узрушэнняў, могуць як страціць сваё значэнне (фашызм у Францыі), так і адрадзіцца праз некаторы час, але ўжо ў іншай форме [30, р. 7].

Заклучэнне

Такім чынам, пераважная большасць сучасных французскіх ультраправых не мае агульнага з фашызмам, нягледзячы на тое, што некаторыя з іх пэўны час падзялялі фашысцкія ідэі, у тым ліку Нацыянальны фронт. Яны выдатна разумеюць, што калі будучы выступаць з расісцкім лозунгамі, то адштурхнуць ад сябе патэнцыйных выбаршчыкаў. Распаўсюджваючы свае погляды, сучасныя ультраправыя імкнуцца дзейнічаць у рамках заканадаўства. Тыя партыі і арганізацыі, якія дапускаюць ўжыванне гвалту ў дачыненні да асобных нацыянальных меншасцей, не карыстаюцца грамадскай падтрымкай. Нягледзячы на тое што дзейнасць сучасных ультраправых носіць абмежаваны характар, пры ўзнікненні пэўных абставін ультраправыя могуць актывізавацца і прыйсці да ўлады. Наростанне тэрарыстычнай і імігранцкай пагроз спрыяе росту папулярнасці ультраправых.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Випперман, В.** Европейский фашизм в сравнении: 1922–1982 [Электронный ресурс] / В. Випперман // Электронная библиотека RoyalLib. – Режим доступа: http://royallib.com/book/vipperman_volfgang/evropeyskiy_fashizm_v_sravnenii_1922_1982.html. – Дата доступа: 29.06.2017.

2. **Vaxman, S.** Speaking Terms. Europe's Left and Right are too divided to even talk about it [Electronic resource] / S. Vaxman // Chicago Tribune. – 13.12.1993. – Mode of access: http://articles.chicagotribune.com/1993-12-13/features/9312130011_1_intellectuals-debate-anti-immigrant. – Date of access: 30.06.2017.
3. **Mestre, A.** Les élans ratés de la nouvelle droite [Electronic resource] / A. Mestre // Le Monde. – 10.08.2010. – Mode of access: http://www.lemonde.fr/idees/article/2010/08/09/les-elans-rates-de-la-nouvelle-droite_1397188_3232.html. – Date of access: 30.06.2017.
4. **Феньо, Б.** ОАС / Б. Феньо. – Москва : Госполитиздат, 1962. – 80 с.
5. Des nostalgiques de l'OAS sur la tombe du Soldat inconnu? [Electronic resource] // Algeria-Watch. – Mode of access: http://www.algeria-watch.org/fr/article/pol/france/nostalgiques_oas.htm. – Date of access: 03.07.2017.
6. **Васильева, Н. Ю.** Национальный фронт вчера и сегодня / Н. Ю. Васильева // Французский ежегодник: Правые во Франции / редкол.: А. В. Чудинов (гл. ред.) [и др.]. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – С. 273–290.
7. **Camus, J.-Y.** Le Front National / J.-Y. Camus. – Toulouse : Milan, 1998. – 63 p.
8. **Buzzi, P.** Le Front national: entre national-populisme et idéologie d'extrême droite / P. Buzzi // Le discours politique en France / Sous la dir. de P. Bréchon. – Paris : La Documentation française, 1994. – P. 15–36.
9. **Рубинский, Ю. И.** За колоннами Бурбонского дворца: кризис буржуазного парламентаризма во Франции после второй мировой войны / Ю. И. Рубинский. – Москва : Международные отношения, 1967. – 206 с.
10. Décret du 31 octobre 1968 portant dissolution de l'association dénommée Occidental [Electronic resource] // Legifrance. – Mode of access: https://www.legifrance.gouv.fr/jo_pdf.do?numJO=0&dateJO=19681101&numTexte=&pageDebut=10234&pageFin=. – Date of access: 16.07.2017.
11. **Rochegonde, A.** 2000 ans et des podcasts [Electronic resource] / A. Rochegonde // Stratégies. – 07.01.2010. – Mode of access: <http://www.strategies.fr/actualites/medias/130092W/2-000-ans-et-des-podcasts.html>. – Date of access: 16.07.2017.
12. **Benoist, A.** Vu de droite. Anthologie critique des idées contemporaines // A. Benoist. – Paris : Éditions Copernic, 1977. – 607 p.
13. Éléments № 150: Les 40 ans d'Éléments [Electronic resource] // Groupement de recherche et d'études pour la civilisation européenne. – Mode of access: <http://grece-fr.com/?p=4015>. – Date of access: 01.07.2017.
14. Éléments №144: La diabolisation continue! [Electronic resource] // Groupement de recherche et d'études pour la civilisation européenne. – Mode of access: <http://grece-fr.com/?p=3884>. – Date of access: 01.07.2017.
15. **Pech, M.-E.** L'attentat le plus meurtrier depuis Vitry-Le-François en 1961 [Electronic resource] / M.-E. Pech // Le Figaro. – 07.01.2015. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2015/01/07/01016-20150107ARTFIG00178-historique-des-attentats-en-france-depuis-1994.php>. – Date of access: 03.07.2017.
16. **Lacouture, J.** 26 mars 1962, la fusillade de la rue d'Isly à Alger [Electronic resource] / J. Lacouture // Histoire coloniale et postcoloniale. – Mode of access: <http://www.lah-toulon.net/26-mars-1962-la-fusillade-de-la.html#nh1>. – Date of access: 03.07.2017.
17. **Duroselle, J.-B.** Histoire diplomatique de 1919 à nos jours / J.-B. Duroselle. – Paris : Dalloz, 1993. – 1038 p.
18. **Харланов, Ю. Ф.** Тайна двух крестов / Ю. Ф. Харланов. – Москва : Молодая гвардия, 1962. – 144 с.
19. Explosions racistes [Electronic resource] // L'Express. – 23.11.2006. – Mode of access: http://www.lexpress.fr/informations/explosions-racistes_677755.html. – Date of access: 03.07.2017.
20. **Boehlen, N.** Les sociétés allemande et à face française l'immigration, 1945–1974: thèse présentée à l'Université de Genève pour l'obtention du grade de Docteur en relations internationales (histoire et politique internationales) / N. Boehlen. – Genève, 2004. – 374 p.
21. Il y a 40 ans, naissait le Front national [Electronic resource] // Libération. – 05.10.2012. – Mode of access: http://www.liberation.fr/france/2012/10/05/il-y-a-40-ans-naissait-le-front-national_851122. – Date of access: 03.07.2017.
22. Parti National Populaire (PNP) [Electronic resource] // France Politique. – Mode of access: [http://www.france-politique.fr/wiki/Parti_National_Populaire_\(PNP\)](http://www.france-politique.fr/wiki/Parti_National_Populaire_(PNP)). – Date of access: 03.07.2017.
23. **Romain, F.** Élections à Assas: le GUD tente de reprendre pied [Electronic resource]

- F. Romain // Le Figaro. – 28.03.2012. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2012/03/28/01016-20120328ARTFIG00495-elections-a-assas-le-gud-tente-de-reprendre-pied.php>. – Date of access: 03.07.2017.
24. In memoriam: Pierre Clémenti [Electronic resource] // Club Acacia. – 28.05.2011. – Mode of access: <http://club-acacia.over-blog.com/article-in-memoriam-pierre-clementi-67516901.html>. – Date of access: 30.06.2017.
25. Biographie: Hersant Robert (1920–1996) [Electronic resource] // BS Encyclopédie. – Mode of access: <http://www.encyclopedie.bseditions.fr/biographie.php?bioid=731&biolib=Hersant+Robert>. – Date of access: 30.06.2017.
26. **Robert Hersant.** Mandats à l'Assemblée nationale ou à la Chambre des députés [Electronic resource] // Assemblée nationale. – Mode of access: [http://www2.assemblee-nationale.fr/sycomore/fiche/\(num_dept\)/3821](http://www2.assemblee-nationale.fr/sycomore/fiche/(num_dept)/3821). – Date of access: 30.06.2017.
27. **Perrineau, P.** Le symptôme Le Pen. Radiographie des électeurs du Front national / P. Perrineau. – Paris : Fayard, 1997. – 257 p.
28. **Смирнов, В. П.** Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. 1979–1989 / В. П. Смирнов, В. С. Посконин. – Москва : Изд-во Московского университета, 1991. – 219 с.
29. **Новождёнова, И. С.** Франция: Национальный фронт и проблема иммиграции / И. С. Новождёнова // Актуальные проблемы Европы. – Москва : ИНИОН РАН, 2012. – № 4. – С. 97–122.
30. **Bréchon, P.** Introduction: partis politiques et idéologies / P. Bréchon // Le discours politique en France / Sous la dir. de P. Bréchon. – Paris : La Documentation française, 1994. – P. 5–14.

Паступиў у рэдакцыю 15.01.2018 г.

Кантакты: alexey.grishel@tut.by

(Грышэль Аляксей Міхайлавіч)

Hryshel A. NEO-FASCIST MOVEMENT IN FRANCE AFTER WORLD WAR II.

The positions of the most significant neo-fascist organizations and groups in France "Europe – Action", "West", "Group of European Civilization Studies", "Organization of the Secret Army", "Defensive Alliance", "New Order" are discussed and compared in the article. It is proved that the existence of many neo-fascist organizations after World War II is not only caused by the rivalry of their leaders, but also by ideological differences. The author concludes that the activities of modern far-right parties have been limited, but under certain conditions the far-right can become more active and come to power. The growth of terrorist and immigration threats contributes to the growth of the far-right popularity.

Keywords: neo-fascist, far-right, nationalism, racism, terrorism, Algerian war, the National Front.

УДК 94 (476): 32.019.5 + 351.74

ПРОПАГАНДА ПРОТИВ ПОЛИЦИИ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.

А. А. Киселев

кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный
университет информатики
и радиоэлектроники

В статье анализируется образ полиции в пропаганде социалистических политических партий в период политического кризиса 1905–1907 гг. в белорусских губерниях. Пропаганда отрицала полицию как государственный институт, обосновывала террор против сотрудников полиции, обвиняла полицию в организации национальных конфликтов. Причиной такого отношения являлись политическая борьба против правительства, социалистические идеи о будущем государстве и антиколониальный дискурс.

Ключевые слова: полиция, пропаганда, белорусские губернии, террор, Российская империя

Введение

В условиях острого политического конфликта, в котором одна из сторон рассматривает своего противника не просто как оппонента или конкурента, но как безусловного врага, широко применяется агрессивная политическая пропаганда. Ее язык практически не отличается от стилистики военной пропаганды. В этом отношении показательны пропагандистские материалы, представленные в многочисленных листовках революционных партий и групп, действовавших в период политического кризиса 1905–1907 гг. в белорусских губерниях. В отечественной историографии в рамках изучения революционного движения была проделана скрупулезная работа по обобщению статистических данных о печатной агитации в белорусских губерниях [1; 2]. Помимо количественного аспекта историками анализировалось содержание листовок. Вместе с тем отношение к полиции не становилось предметом отдельного изучения, поскольку вопрос о полиции растворялся

в характеристике протеста против монархии, Государственной Думы.

Следует сразу отметить, что негативное отношение к полиции не являлось исключительно монополией идеологов и активистов социалистических партий. В корреспонденции в ведомственный журнал “Вестник полиции” становой пристав Гомельского уездного полицейского управления И.В. Гривачевский утверждал, что неприязнь к полиции коренится в “самой полицейской службе” и “нигде в мире не может быть, как мне кажется, такого счастливого места, где бы любили “власть имущих блюстителей” и были ими довольны” [3, с. 21]. В принципе тезис о том, что полиция в силу своих функций, как правило, не пользуется популярностью среди населения, заслуживает внимания. Однако на страницах этого же официального издания констатировалось, что отрицательный имидж полиции в общественном мнении приобрел чрезмерный характер по сравнению с западными соседями Российской империи. В частности, отмечалось, что “общество наше далеко не оказывает нашим блюстителям порядка даже того внимания и уважения, которыми они пользуются в западноевропейских государствах и которых они заслуживают по своей деятельности в отношении к нам” [4, с. 4].

Можно предположить, что свой вклад в распространение враждебных к полиции настроений внесла пропаганда социалистических партий. В этой связи представляет интерес анализ содержания социалистических листовок и отчасти периодических изданий с целью реконструкции образа полиции, формируемого радикальной оппозицией в белорусских губерниях.

Основная часть

В листовках неоднократно содержались призывы к террористическим актам против чинов общей полиции. Так, в датируемой февралем 1905 г. прокламации Полесского комитета РСДРП читателей призывали не только к вооруженному сопротивлению полиции, но и постоянному террору в ее адрес. В частности, в листовке писалось, что “мы не должны и не можем покорно подставлять свои шеи под удары доживающей полиции, мы должны

отвечать насилием на насилие. Озверелые в наступлении жандармы и казаки будут стрелять, бить; мы должны отвечать выстрелами из револьверов, вооружаться палками, колющими, чем только попал, но всегда отвечать массовым нападением на полицию, жандармов и прочих царских собак. Мы должны заставить их считаться с нами, мы должны терроризировать их на каждом шагу, целесообразно употребляя все возможные средства» [5, с. 58]. Террор против полиции апологизируется, подается как дело, пользующееся признанием в общественном мнении. В «Полесском листке», нелегальном издании Полесского комитета РСДРП, утверждалось, что «многие из честных и отзывчивых русских граждан радуются и прославляют героев, убивающих кого-нибудь из кровопийц царской шайки, министров и полиции» [5, с. 77]. С точки зрения анархистов террор против полиции также являлся обязательной частью политической борьбы. Так, листовка белостокской организации анархистов (Гродненская губерния) «Ко всем рабочим» от 23 июня 1905 г. начиналась со следующих слов: «Пусть бомба, брошенная смелой рукой товарища анархиста-коммуниста в охранителей буржуазных порядков – полицейских чинов, пусть пули и кинжалы, вонзенные в их тела смелыми борцами, – громким эхом отзовутся в ваших сердцах!» [6, с. 96]. В листовке «Тиранам, палачам и насильникам – смерть!» (январь 1907 г.), посвященной описанию теракта в Гродно, террор подается как справедливое возмездие. В частности, в ней утверждалось, что анархисты «мстили палачам за поругание человеческой личности, за оскорбленное человеческое достоинство». О смерти погибшего при задержании террористов городского говорится о том, что «собачья смерть этого сторожевого пса покажет всем остальным его собратьям, во что им обойдется их служба, чего им будет стоить охрана и защита насильников и грабителей, угнетающих и грабящих народ, охрана и защита современного строя, основанного на власти и насилии» [6, с. 226]. Не отставали от призывов к борьбе с полицией и другие партии. В конце 1905 г. по Виленской губернии распространялась листовка на литовском языке от имени ЦК Социал-демократиче-

ской партии Литвы, в которой крестьян призывались к уничтожению полиции. Так, сельских жителей призывали к тому, чтобы каждое общество велело своему десятнику «снять с себя бляху и не иметь никаких дел с урядником. Урядникам, приставам велите убираться из нашего края, а наиболее злостных постарайтесь уничтожить» [7, с. 170]. В листовке БСГ «Першы мужыцкі зъезд» крестьян призывали «разбиваць ды паліцы канцелярыі і паліцэйскіе упраўлення, разгоняць і біць поліцыю і жандарму» [8, с. 73].

Борьба с полицией увязывалась с уничтожением монархии. По словам прокламации «К рабочим города Минска» минской группы РСДРП от 9 июля 1905 г., «полицейский произвол мы можем уничтожить не иначе как вместе с произволом самодержавным» [5, с. 194]. В прокламации минской группы РСДРП «К гражданам города Минска!», изданной на следующий день после применения войсками оружия 18 октября 1905 г. против манифестантов на привокзальной площади, требовалось «распускание наличного состава полиции и передачи всего дела охраны порядка и общественной безопасности в руки города» [5, с. 285]. В прокламации витебского комитета партии Поалей-Цион призыв к гражданам не оставлять последним выбора. В частности, в ней говорилось: «Кто не с нами, тот против нас. Ваше же место может быть только в рядах противников полицейского правительства» [8, с. 185].

В целях дискредитации полиции ее неоднократно обвиняли в организации массовых столкновений на национальной почве. Так, в воззвании витебской группы РСДРП, распространенном в конце февраля 1905 г., утверждалось, что «самодержавие организует шайки хулиганов и босяков из татар, снабжает их пулями и новейшими револьверами, а затем посылает на армян, таким образом создавая целые сражения на улицах Баку, руководимые полицией» [5, с. 60]. В листовке боевой дружины двинской группы социалистов-революционеров (Витебская губерния), сообщая о циркуляции слухов о том, что «полиция организует еврейский погром», говорилось, что партия «объявляет смертный приговор тем чиновникам из полицейской своры, которые проявят

себя в этом гнусном деле” [8, с. 173]. Не отставали в деле угроз и двинские сионисты-социалисты. В листовке “Ко всему монархическому русскому обществу” ее составители уверенно заявляли, что “полиция и местные власти по распоряжению свыше принимают деятельное участие в погромной агитации” [8, с. 199]. В случае погрома комитет сионистов-социалистов обещал, что “ни перед чем не остановится и мстить будет за поруганную честь человеческую, пролетарскую и еврейскую” [8, с. 199]. Таким образом, ссылки на слухи становились основанием для террора против полиции, которой без каких-либо фактических доказательств вменялось руководство погромами.

Еще одной популярной темой был полицейский произвол и насилие чинов полиции, пренебрежение гражданскими правами и унижительное обращение с людьми. Так, введение положения об усиленной охране в Велиже на практике, согласно представителям Бунда, означало превращение граждан в “рабов полиции”, которые “должны беспрекословно слушаться ее” [8, с. 127]. Полицейских неоднократно обвиняли в избиениях мирных обывателей, причем в пропагандистских целях авторы нелегальных изданий явно стремились поразить воображение читателей. Так, в бундовской газете “Последние известия” в корреспонденции от 23 января 1905 г., рассказывая о столкновениях полиции с рабочими в г. Могилеве, сообщалось, что в участке “на одном поваленном на пол товарище городской буквально танцевал, наигрывая при этом на гармонику” [9, с. 158]. В листовке Минского социал-демократического комитета Бунда (октябрь 1905 г.) рассказывается о действиях полиции против бундовцев, которые в помещении синагоги проводили митинг. По словам авторов прокламации, в синагогу ворвался пристав, который вместо обещанного полицией установления личности собравшихся сразу скомандовал: “Бей их, эту сволочь!” [9, с. 198]. После приказа “свора диких хищников набрасывается на безоружных людей и начинает избивать поголовно. Бьют нагайками, обнаженными шашками, топчут ногами, стреляют <...> Бьют куда попало и как попало. Женщин зверски хватают за

волосы, исполосовывают. Лица превращаются в сплошные кровавые пятна” [9, с. 198]. Этот случай интересен тем, что сохранился секретный рапорт начальника Минского ГЖУ в Департамент полиции от 12 октября 1905 г., позволяющий описать произошедшие события с точки зрения полиции. Во-первых, оказалось, что члены Бунда силой заняли синагогу во время иудейского религиозного праздника, а полицию вызвали сами иудейские “старцы”. Во-вторых, лично полицеймейстер потребовал от собравшихся покинуть помещение по одному, оставив чиновникам свои данные и предъявив вид на жительство. Однако в ответ на это требование бундовцы “заявили, что желают выйти все вместе и что полиция производит над ними насилие” [9, с. 197]. Только после отказа повиноваться требованиям полицеймейстера был отдан приказ о применении казаками нагаек для того, чтобы заставить манифестантов покинуть синагогу. От холодного оружия пострадали те, кто попытался покинуть помещение, выпрыгнув из окон, около которых с шашками наголо стояли городовые. Свой рапорт начальник жандармерии заключил тем, что прокламация “умышленно раздувает факты”, не упоминая о том, что “бундовцы сами употребили насилие, чтобы изгнать старцев”. Вместо сотен “легкораненых” и десятков “тяжелораненых” из прокламации в жандармском отчете сообщается о 20 зарегистрированных пострадавших от холодного оружия, из которых “пять легли в еврейскую больницу”. С учетом этих обстоятельств применение полицией физического насилия в синагоге трудно назвать лишь проявлением полицейского произвола. Однако в листовке столкновение с полицией было определено как “зверская расправа”, а сам текст заканчивался призывом: “Смерть царизму! Смерть палачам-убийцам!” [9, с. 199]. Представляется, что в большинстве столкновений применение полицией силы не являлось незаконными полицейскими репрессиями. Последний тезис не исключает случаев превышений служебных полномочий и пределов допустимого насилия со стороны чинов полиции. По крайней мере, в приказе № 124 от 3 мая 1907 г. начальник Минского Городского полицейского управления

отметил, что “городовые крайне дерзко и грубо обращаются с публикой, позволяя даже наносить оскорбления действием, в особенности пьяным” [10, л. 154]. Комментируя такое поведение, полицеймейстер требовал от чинов “вежливого обращения. Не нужно забывать, что полиция для населения, а не наоборот” [10, л. 154]. Однако ответ на вопрос о масштабах полицейских злоупотреблений нельзя получить на основании нелегальных изданий, которые стремились не к объективности, а к пропагандистскому эффекту.

В прокламациях, ориентированных на крестьян, подчеркивалось, что полиция защищает интересы помещного дворянства. Так, в прокламации Полесского комитета РСДРП “К крестьянам” писалось, что для помещика “урядники, пристава и стражники <...> ближайшие друзья его по насилию и разбою над жизнью” [5, с. 75]. Крестьянам напоминали о том, что со стороны полицейских они видели лишь “их вымогательства подлые и плетку, брань их позорную” [5, с. 75]. В другой прокламации “К крестьянам” от 23 июня 1905 г. говорилось, что исправники – начальники уездных полицейских управлений – “назначаются из дворян да помещиков, и, понятно, что они заботятся лишь о себе” [5, с. 168]. Полицейские, символизирующие государство, показываются как верные слуги враждебного крестьянским интересам правительства. В частности, в прокламации Полоцкой организации РСДРП “К крестьянам” (1905 г.) пишется, что “последние остатки крестьянского имущества царский холоп-урядник отбирает у бедняков за недоимку” [5, с. 106]. В прокламации Полесского комитета РСДРП “Канун революции” от 6 апреля 1905 г. говорилось о том, что “измывается над крестьянами всякий становой, урядник и стражник <...> и все эти грабители и насильники действуют по приказу царя, его именем царским” [5, с. 92]. В листовке “К крестьянам!” (июль 1905 г.) от имени социал-демократов утверждается, что “множество царских чиновников: урядник, земский, становой, исправник – всяк распоряжается вами, как распоряжается скотом, вы свободного шага сделать не можете, вы настоящие рабы!” [8, с. 227]. В листовке БСГ, отпечатанной ориентировочно в июне 1905 г., крестьяне

призывали не подчиняться полиции, потому что полицейские “трымаюць за багатых и брэшуць за грошы” [8, с. 76]. Наконец, постоянно подчеркивалась бедность крестьян, противопоставляемых враждебным им представителям власти: от стражника до императора, живущих на крестьянские деньги. Так, в листовке социал-демократической группы в Невеле (март 1905 г.) читателям внушалось, что именно на их “деньги живут все грабители-чиновники, от царя до полицейского стражника, а вы сами гибнете в тяжелой нужде” [8, с. 231]. Такие же мотивы встречаются в прокламации “Царская гаспадарка”, распространенной от имени “Социалистической партии Белой Руси”. В частности, в ней утверждалось, что “прычына нашае бяды и нядоли – гэта подданство царскому правіцельству, которое зложено с цара, міністраў, губернатараў, справнікоў, станowych, уряднікоў, паліцыі да других ўсiх чыновнікоў, што разам прыстаўлены дружна як піяўкі кроў мужыцкую цягнуць” [8, с. 87].

Во время пика политических протестов и акций вооруженного сопротивления властям в декабре 1905 г. в прокламации Северо-западного союза РСДРП “К крестьянам” ее составители призывали: “Вооружайтесь, отнимайте оружие у стражников, урядников, станowych приставов, лесничих и помещиков и с оружием в руках защищайте свои справедливые требования” [5, с. 454]. Здесь показательно, что пропагандисты поставили полицейских в один ряд с помещиками и лесничими, не допускавшими нелегальную порубку леса, т. е. с теми лицами, которые, по мнению революционеров, считались главными врагами сельского населения. Похожие призывы содержались в листовках БСГ. В прокламации “Першы мужыцкі зъезд” крестьянам советовали “даставаць стрэльбы, револьверы и винтоўкі, каб было чым абараніцца і заваеваць новы парадок” [8, с. 74]. Оружие советовали применить против полиции, жандармов, казаков и солдат.

Надо сказать, что создание полицейской стражи стало мишенью для авторов листовок и прокламаций. В прокламации от 10 мая 1906 г. Областного комитета Северо-западного союза РСДРП “Ко всем”

утверждалось, что якобы “в деревнях стражников учат стрелять из пулеметов, учат бороться с крестьянскими вилами” [5, с. 535]. Следует сразу оговориться, что пулеметы на вооружении полиции существовали только в воображении составителей воззвания. Интересно, что в отношении нижних чинов уездной стражи, набравшихся преимущественно из крестьян, предпринимались попытки агитации с целью побуждения их к увольнению или передаче оружия. Например, в листовке “К земским стражникам”, напечатанной объединенным советом Пуховичских и Блонских революционных организаций, стражникам внушали, что они применяют оружие против своих близких вопреки совести и заветам Христа, мешая крестьянам добиваться справедливости. Чинам стражи напоминали об их социальном происхождении и указывали, что совсем недавно они “ходили за сохой, сами трудились” и знают, “каково живет рабочему народу” [8, с. 138]. Агитаторы упрекали стражников в том, что за несколько рублей они продают свою душу. Сама полицейская служба именовалась “разбойничьей” и “позорной”. Составители листовки не только увещевали стражников, но и угрожали им. Так, листовка заканчивалась недвусмысленным предостережением, что “если же вы продолжаете убивать и оскорблять людей, как по приказу начальства, так и по своей прихоти, то знайте, что ни один ваш подобный поступок не останется безнаказанным” [8, с. 138].

Негативное отношение к полиции закреплялось даже в поэтических произведениях. Необходимость обращения к поэтическим произведениям как историческому источнику обусловлено тем, что большинство стихов публиковались в периодической печати. В раннем творчестве Я. Купалы, А. Пашкевич и Я. Коласа неоднократно встречаются однозначно негативные образы чинов полиции. Так, в стихотворении Я. Купалы “Над калыской”, написанном 26 июня 1906 г. и опубликованном в 1908 г. в сборнике “Жалейка”, мать в колыбельной поет о том, что, став стражником, ее сын станет “катам <...> над братьям, без жалю ані” [11, с. 83]. В другом своем стихотворении “Чары” (1907 г.), появившемся на страницах “Нашей нівы”, служба полицейским

стражником подается молодым поэтом как разрыв с крестьянским укладом, который, несмотря на бедность, дает возможность оставаться чистым “сэрцам і душой” [11, с. 146]. Но как только “шнуркамі адчапляўся, апнуў спіну чарнатой”, т. е. облачился в форменную черную шинель, то сразу “гад стаў сэрцам і душой”.

В изданном латинкой в нелегальной типографии ориентировочно в конце 1905 – начале 1906 г., а затем переизданном кириллицей в Жолкве в Австро-Венгрии, сборнике стихов А. Пашкевич под названием “Хрэст на свабоду” содержится недвусмысленная апологетика идеи террора против полиции. Например, в стихе “Ласы” (1905 г.) лирический герой мечтает убить бывшего пастуха, который пошел на службу в стражники. Он жалеет, что не имеет ружья, но готов ударить стражника “хоць паленам па мазгавішчы” [12, с. 63]. Стихи такого содержания предназначались для нелегального распространения в формате листовок.

Гораздо чаще образ полиции встречается в раннем творчестве Я. Коласа, что понятно в силу обстоятельств его биографии. Для него власть ассоциируется в первую очередь с полицейскими постами на перекрестках. В стихотворении “Вобразы самаўладдзя” (24 февраля 1907 г.) патрульные сравниваются с тараканами, а лирический герой не знает, куда спрятаться или уйти от «ад гэтых рыл і “каўняроў» [13, с. 50]. В стихотворении “Асадзі назад!” (22 мая 1908 г.) крестьянина угнетали, лишали заработка, помощи, но лишь однажды в жизни, когда герой стихотворения оказался вожаком сельского бунта, пристав потребовал от него не убраться прочь, а выйти “ўпярод!” [13, с. 89]. В сатирическом произведении “Канстытуцыя” (1908 г.), стремясь подчеркнуть фальшь думской монархии, автор утверждал, что полиция попирает гражданские и политические права. Так, поэт писал:

*Ганчакамі па Русі
Прыставы лятаюць,
Нас цкуюць: “Кусі, кусі!”
Як зайцоў, страляюць.*

*Разв'язлося стражнікаў,
Як якой жывёлы,
Ад іх плешак і шнуроў
Чырванеюць сёлы*

[13, с. 111–112].

Персонаж стихотворения “Не дамся!” (3 февраля 1909 г.), попавший в тюрьму за организацию массовых беспорядков, обещает, что не откажется от дальнейшей борьбы и говорит: «Вось вам, “плешкі-эпалеты”: не баюся я “шнуроў”!» [13, с. 132]. Полицейские несколько раз становились героями ироничных стихотворений Я. Коласа. Так, в произведении “Верныя сябры” (1910 г.) одиночество с арестантом, лишенным общения с родными и друзьями, делил “гарадавы”, а помощник пристава приглядывал за ним “бы кот за трусам” [13, с. 270]. О взяточничестве чинов общей полиции упоминается в стихотворении “Дзе денешся?” (1910 г.), когда он допускает, что «ад “шнуроў чырвоных” можна адкупіцца» [13, с. 290]. Поскольку молодые поэты были активными участниками социалистических партий, то негативная трактовка полиции не является случайным эпизодом в их творчестве.

Заключение

Таким образом, полиция стала объектом агрессивной пропаганды в листовках и печати социалистических партий. В общественное мнение старались внедрить идею о необходимости террора против полицейских чинов, утверждались представления о полиции как исключительно репрессивном учреждении. Важно то, что критике подвергались не отдельные чиновники или недостатки в деятельности полиции, но отрицалась сама полиция как государственный институт. Полицейские отождествлялись с правительством и монархией. В листовках неоднократно печатались призывы к убийствам чинов полиции и насильственным действиям. Им угрожали расправой за выполнение их служебных обязанностей. Полицию обвиняли в организации столкновений на национальной почве, паразитическом существовании за счет крестьян и рабочих, полицейском произволе в отношении обывателей. Образ полицейского подавался исключительно в черных тонах как

воплощение самых худших человеческих качеств. В листовках не приходится искать конкретной фактической информации о полиции. Агитаторы старались учитывать восприятие аудитории, что, как представляется, просматривается в их печатных обращениях к крестьянам. Последних убеждали в том, что полиция целиком и полностью находится на стороне помещиков. Вместе с тем можно предположить, что исключительно негативная оценка полиции была распространена в кругах местной радикальной интеллигенции. На это, например, указывает образ полиции в поэтическом творчестве Я. Купалы, Я. Коласа и А. Пашкевич, которые в молодости придерживались социалистических взглядов.

Однако, по нашему мнению, главная особенность пропаганды против полиции в нелегальных изданиях начала XX в. заключалась в принципиальном отрицании полиции как государственного института. В этом можно увидеть не только проявления подогреваемого политической борьбой социалистического утопизма, не видевшего органы правопорядка и армию в проектируемом обществе будущего, но и элементы антиколониальной риторики, отрицавшей существующую политическую систему по традиционалистским или национальным, а не чисто идеологическим или политическим мотивам. В частности, отсюда проистекают обвинения полиции в организации национальных конфликтов, апологетика террора, призывы к крестьянам об уничтожении полиции. Отнюдь не случайно, что такое отношение к полиции тиражировалось в листовках социал-демократов Бунда и социалистов-сионистов, БСГ и Литовской социал-демократической партии, т.е. партий, претендовавших на представительство национальных интересов народов в составе Российской империи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Буховец, О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX в. / О. Г. Буховец. – Москва : Мосгорархив, 1996. – 398 с.
2. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён : у 3 т.

- Т. 2 : Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. / З. Е. Абезгауз, Х. Ю. Бейлькін, А. Р. Бухавец [і інш.] ; пад рэд. В. П. Панюціча. — Мінск : Бел. навука, 2002. — 552 с.
3. **Гривачевский, И. В.** Отношение общества к полиции / И. В. Гривачевский // Вестник полиции. — 1908. — № 7. — С. 20–21.
 4. О задачах журнала // Вестник полиции. — 1907. — № 1. — С. 4–5.
 5. Революционное движение в Белоруссии 1905–1907 гг. Документы и материалы. — Минск : Изд-во АН БССР, 1955. — 747 с.
 6. Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. : в 2 т. / Т. 1 : 1883–1916 гг. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. — 704 с.
 7. Революция 1905–1907 гг. в Литве. Документы и материалы. — Вильнюс : Гос. изд-во полит. и науч. лит-ры, 1961. — 574 с.
 8. Сацыялістычны рух на Беларусі ў проклямацыях 1905–1907 гг. / скл. М. Мялешка. — Менск : Выданне Інстытута беларускай культуры, 1927. — 256 с.
 9. Бунд в Беларуси. 1897–1921 : Документы и материалы / сост. Э. М. Савицкий. — Минск : БелНИИДАД, 1997. — 608 с.
 10. Приказы по Минской городской полиции за 1907 // НИАБ. — Фонд 300. Оп. 1. Д. 15.
 11. **Купала, Я.** Поўны збор твораў : у 9 т. — Т. 1 : Вершы, пераклады 1904–1907 / прадм. У. Гніламёдава. — Мінск : Маст. літ., 1995. — 462 с.
 12. **Цётка.** Творы. — Мінск : Маст. літ., 1976. — 306 с.
 13. **Колас, Я.** Збор твораў / Я. Колас. — Т. 1 : Вершы. Апавяданні вершам (1904–1917). — Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1952. — 551 с.

Поступила в редакцию 22.02.2018 г.

Контакты: kiselev_aa@list.ru

(Киселев Александр Александрович)

Kiselev A. PROPAGANDA AGAINST POLICE IN BELARUSIAN PROVINCES DURING THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION IN 1905–1907.

The author analyzes the image of the police in the propaganda of socialist political parties during the political crisis of 1905–1907 in Belarusian provinces. This propaganda denied the police as a state institution, justified terror against police officers, blamed the police for national conflicts. The reason for this attitude was the political struggle against the government, socialist ideas about the future state and anti-colonial discourse.

Keywords: police, propaganda, Belarusian provinces, terror, the Russian empire

УДК 656.8(091)(476)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

С. О. Сидорова

аспирант

Белорусский государственный университет

В статье проанализирована деятельность почтово-телеграфных учреждений на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Выделены основные направления деятельности учреждений связи, особенности их развития на территории белорусских губерний, проанализирована их структура, штатный состав и условия работы в почтово-телеграфных конторах и отделениях. В статье рассмотрена эволюция служебных обязанностей работников почтово-телеграфных округов на территории Беларуси после реформирования ведомства в 1884–1885 гг.

Ключевые слова: почтово-телеграфные учреждения, почтово-телеграфный округ, почта, телеграф, почтовая контора, почтово-телеграфные служащие.

Введение

Бурное развитие экономической, общественной, культурной жизни населения Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. привели к увеличению деловой и частной переписки, что стало причиной расширения ассортимента почтово-телеграфных услуг и послужило толчком для проведения ряда мероприятий по совершенствованию отрасли связи. В результате проведения почтово-телеграфной реформы 1884–1885 гг. были созданы новые по своему функциональному назначению учреждения связи, деятельность которых не ограничивалась выполнением своих прямых обязанностей.

Изучение развития почтово-телеграфных учреждений на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. не нашло достаточного отражения в отечественной историографии. Характеристика отдельных почтовых и

телеграфных учреждений дается только в справочных изданиях, где частично затрагиваются вопросы о деятельности и структуре учреждений связи. Данный вопрос достаточно хорошо освещен в дореволюционной литературе, а также в губернских статистических изданиях и сборниках. Разнообразные сведения о деятельности почтово-телеграфных контор и отделений содержатся в фондах Национального исторического архива Беларуси. Исследование деятельности почтово-телеграфных учреждений на рубеже XIX – начала XX в. позволяет более полно охарактеризовать рост деловой активности населения на территории Беларуси на этапе становления буржуазных отношений.

Основная часть

Появление телеграфа во второй половине XIX в. вызвало прогресс в развитии почтово-телеграфного дела Российской империи. Его значение как средства связи к концу XIX в. расширилось, и телеграфные линии объединили большинство губернских и уездных городов. В свою очередь, хозяйственное развитие Беларуси требовало организации и четкого управления системы связи. Ввиду назревшей необходимости реформирования отрасли была проведена почтово-телеграфная реформа 1884–1885 гг. Благодаря росту значения телеграфа как средства связи было принято решение объединить почтовые и телеграфные учреждения с подчинением их Министерству внутренних дел. 22 мая 1884 г. Почтовый и Телеграфный департаменты были объединены в одну общую структуру с названием “Главное управление почт и телеграфов” [1, с. 193]. 28 мая 1885 г. вышел Указ императора Александра III “О преобразовании местных почтовых и телеграфных учреждений”, в соответствии с которым в основу организации управления связи была положена система округов. Вместо имевшихся в Российской империи 64 губернских почтовых управлений и 18 телеграфных округов было образовано 35 почтово-телеграфных округов [2, с. 8].

На территории Беларуси на основе положения от 28 мая 1885 г. были созданы Минский (Минская и Могилевская губернии), Гродненский (Гродненская,

Ломжинская, Холмская и Люблинская губернии), Виленский (Виленская, Ковенская, Сувальская губернии, Докшицкая почтово-телеграфная контора Минской губернии и Боровское почтовое отделение Курляндской губернии) и Смоленский (Смоленская и Витебская губернии, почтово-телеграфные конторы в Иллуксте и Грива-Семгаллен Курляндской губернии) почтово-телеграфные округа, а также объединены почтовые и телеграфные станции в населенных пунктах. Все учреждения почтового-телеграфного ведомства Российской империи были подчинены министру внутренних дел, а общее управление этими учреждениями доверили начальнику Главного управления почт и телеграфов. Местное управление почтовой и телеграфной частями было сосредоточено в губерниях – в управлениях почтово-телеграфных округов. К каждому округу относились губернские и уездные конторы вместе с подчиненными им отделениями. Данная система почтово-телеграфных округов просуществовала вплоть до 1917 г. [3, с. 194]

В соответствии с почтово-телеграфной реформой 1884–1885 гг. все учреждения связи были подразделены на 7 классов. Наименование “Почтово-телеграфная контора” было присвоено учреждениям первых шести классов, а остальные (низшие) учреждения были названы “отделениями” и причислены к VII классу. Доход почтово-телеграфных учреждений стал основным принципом деления их на классы. Прежнее название учреждений “телеграфная станция” было отменено, а название “почтовая станция” оставлено только за конными станциями на почтовых трактах, на которых никаких почтовых операций не производилось [4, с. 7]. Во время объединения почтовых и телеграфных учреждений также был объединен и личный состав, в результате чего служащие получили новое наименование – “почтово-телеграфный чиновник” [5, с. 8].

На рубеже XIX – начале XX в. основным направлением деятельности учреждений связи на территории Беларуси стало выполнение своих непосредственных должностных инструкций, к которым после реформы прибавились и новые обязанности. Следует отметить, что во

второй половине XIX в. появились новые виды почтовых услуг, такие как перевод денег и пересылка бандеролей и др. Почтово-телеграфные служащие, в свою очередь, также делились на 7 разрядов и 2 оклада – высший и низший [6, с. 95]. В зависимости от должности они отвечали за прием и выдачу почтовых отправлений и страховой корреспонденции, передачу телеграмм и заказной корреспонденции, проведение осмотра и исправления неполадок на телеграфных линиях, а также в их обязанности входила сортировка корреспонденции, продажа марок, конвертов и бланков, выполнение поручений начальника и многое другое [7, с. 12].

Корреспонденцию в почтово-телеграфных учреждениях получали и выдавали в строго определенное время. Например, в минской почтово-телеграфной конторе принимали почтовые отправления по четвергам и воскресеньям в 00 часов 33 минуты ночи, а выдавали с 8 утра до 14 часов дня [8]. Как следует из архивных источников, в связи с участвовавшими грабежами почтовых дилижансов, строго регламентировался провоз стражников вместе с почтой. Запрещалась перевозка с почтой посторонних лиц и частных вещей. В свою очередь, почтальоны, сопровождающие почту, отвечали за нее по всей строгости и были обязаны оказывать сопротивление грабителям, при необходимости воспользовавшись своим револьвером или шашкой [9, л. 89; 10, л. 46].

На начальника объединенных учреждений связи возлагались функции по надзору за правильным и своевременным исполнением своих обязанностей служащих контор и отделений, контроль над выполнением циркуляров вышестоящих органов. Регламентация была довольно жесткой, вплоть до того, что сами начальники контор округа не имели права отлучаться с рабочего места без уважительной причины, не имели права использовать труд своих подчиненных в личных целях, должны были следить за моральным обликом своих служащих и т. д. [11, л. 34–35].

В целом как негативную тенденцию следует обозначить недостаточный уровень профессиональной подготовки служащих ведомств, что сказывалось на развитии почтово-телеграфного дела.

Поэтому особое внимание руководства почтово-телеграфных учреждений было уделено подбору, расстановке и профессиональной подготовке кадров. В соответствии с почтово-телеграфными правилами на работу в учреждения связи принимали с 21 года, учитывался образовательный уровень и физическое состояние служащих, их характеристика и рекомендации. На указанную службу было разрешено принимать раненых отставных военных, женщин, а также совершеннолетних детей служащих учреждений связи, которых с самого рождения приписывали к почтовому ведомству [12, с. 6].

Однако, как следует из архивных источников, зачастую в почтово-телеграфные учреждения принимали работников, не достигших совершеннолетия или с физическими недостатками. Нередко большинство из кандидатов в должности не имели должного образования в учебных заведениях или уездных училищах. Частым явлением было то, что почтовые служащие не могли правильно оформлять документы и даже грамотно писать. По этой причине начальники почтово-телеграфных округов запретили принимать на должности начальников почтовых отделений лиц без соответствующего образования и прохождения необходимых экзаменов. Помимо всего вышеназванного при назначении на свободные вакансии в учреждения почтово-телеграфного ведомства учитывались моральные качества служащих, осуждалось пьянство, безнравственное поведение работников. Они приносили присягу и давали подписку о сохранении тайны [13].

Профессиональные знания служащие получали по месту работы, а затем при желании поступали в телеграфные или почтово-телеграфные школы, которые работали при почтово-телеграфных конторах в крупных городах. Однако, согласно архивным данным, только в 1910 г. в Минске была открыта школа надсмотрщиков и квалифицированных служащих связи при управлении Минского почтово-телеграфного округа. Поступить в школу можно было при наличии образования не ниже городского или уездного училища, а также 4-х классов гимназии, реального училища или прогимназии. Обучающимся в школе

надсмотрщиков жилье и материальная помощь не предоставлялись. Помимо усвоения теоретической части обучения, они привлекались и к практической работе в местной почтово-телеграфной конторе, зачастую без оплаты за работу [11, л. 226]. По окончании обучения в школе надсмотрщиков проходил выпускной экзамен по следующим предметам: 1) прием и выдача корреспонденции, практическое ведение специальных книг; 2) сортировка и составление сопроводительных документов; 3) пересылка корреспонденции и почтовая "гоньба"; 4) знание правил телеграфной корреспонденции; 5) умение работать с телеграфным аппаратом; 6) знание технической части. При некоторых школах также были открыты курсы иностранных языков: французского и немецкого [14].

В почтово-телеграфных округах также занимались финансовыми операциями, деятельность которых организовывалась специальными циркулярами руководства этих округов. При учреждениях белорусских губерний, начиная с 1 ноября 1889 г., стали открываться почтово-телеграфные сберегательные кассы, которые изначально служили для обслуживания сельского населения, не обладавшего значительными суммами свободных денежных средств. Во время регистрации вложения на книгу почтово-телеграфных сберегательных касс в нее клеивали марку, соответствующую сумме вклада. Чтобы снять необходимую сумму, вкладчику следовало подать заявление о снятии средств со своего счета, после которого почтово-телеграфная сберегательная касса выписывала соответствующую сумму с центральной кассы Министерства финансов, и только по прошествии определенного промежутка времени она выдавалась на руки вкладчику [2, с. 123; 15, с. 120]. Служащим почтово-телеграфных учреждений запрещалось рассказывать кому-либо о сумме дохода учреждения, в котором они работали [16, с. 35].

Почтово-телеграфные сберегательные кассы, несмотря на значительные ограничения и новизну, быстро получили популярность. В 1895 г. на территории Беларуси было создано 152 почтово-телеграфные сберегательные кассы, а в 1913 г. их уже действовало 325 (за 18 лет уве-

личившись в два раза) [17, с. 43]. Это достигалось активным открытием почтово-телеграфных касс при учреждениях связи, количество которых со временем тоже увеличивалось.

Новые операции при учреждениях связи требовали соответствующей подготовки персонала. Поэтому в конце XIX в. к курсу обучения почтово-телеграфных чиновников добавили дисциплину “Правила операций по сберегательным кассам”. Между тем это имело еще и практическую цель – противодействовать махинациям со сберегательными книжками, которые случались практически с момента организации почтово-телеграфных сберегательных касс. Одновременно начальники учреждений обязаны были пропагандировать выгоды почтово-телеграфных сберегательных касс среди населения и тем самым увеличивать количество вкладчиков [3, с. 56].

Стоит отметить, что почтово-телеграфные учреждения занимались вопросами рекламы. В начале XX в. открытки стали активно использоваться как непосредственный способ рекламы. Например, в 1907 г. между минчанином Г.М. Нейманом и начальником минского почтово-телеграфного округа был заключен договор, в соответствии с которым Нейман имел право размещать разного рода объявления и рекламу на лицевой стороне открытых писем и продавать их в учреждениях связи. Средства, полученные от продажи рекламных открыток, в соответствии с договором должны были расходоваться на содержание и благоустройство контор и отделений соответствующего почтово-телеграфного округа [18, л. 116–117].

Успешное развитие железнодорожного транспорта и почтового сообщения во второй половине XIX – начале XX в. повлияли на активное развитие новых операций на почте, таких как пересылка периодических изданий и книг. Первыми, кто стал производить подписку на газеты и журналы на территории Беларуси, стали Виленские почтовые конторы. На основании Почтового устава 1857 г. и положения 1869 г. “Об устройстве газетной почтовой операции с 1870 г.” была организована доставка книг по почте в белорусские города. В соответствии с положением 1869 г.

также устанавливались сроки подписки и тарифы за пересылку периодических изданий, выходящих в России и за рубежом [19, с. 2].

К важным направлениям деятельности почтово-телеграфных учреждений относилась цензура и надзор за печатными изданиями, пересылаемыми по почте. С развитием периодической печати на Западе в Российскую империю стали поступать не только те газеты, за которые принималась предоплата в почтовых учреждениях, но и те, которые отправлялись бандеролями. Сперва такие отправления без досмотра цензуры высылались обратно за границу. Но с 1883 г. была установлена повсеместная цензура всех иностранных периодических изданий, которые приходили с бандеролями. Разрешено было получать без цензурного досмотра только издания специальные и чисто научные, а также адресованные редакциям российских газет и журналов и те, которые печатались на малораспространенных языках [17, с. 61].

Главной целью почтовой цензуры был просмотр иностранных газет и журналов, которые находились в почтамтах и почтовых конторах. Одновременно цензоры уничтожали отдельные нежелательные для правительства статьи. Деятельность цензуры иноземных газет и журналов руководствовалась постановлениями общего Цензурного статута, указаниями Министерства иностранных дел и находились в подчинении Министерства внутренних дел [20, с. 78].

В почтово-телеграфных учреждениях неоднократно были арестованы отдельные номера газет, журналов, книг и брошюр с “противоуправительственным содержанием” [18, л. 291]. По всем почтово-телеграфным учреждениям была распространена ведомость для записи арестованных периодических изданий. В 1911 г. был представлен перечень газет, пропагандирующих антиправительственные идеи в среде крестьян, среди них были газеты “Копейка”, “Русское слово”, “Утро России” и др. Запрет распространялся также и на иностранные издания. К примеру, швейцарская газета “Zustande” попала в список запрещенных в связи с тем, что на страницах одного из выпусков

призывала местное население выпускать антиправительственные “народные листки” [13, л. 10, 12, 28].

Во многом для отслеживания революционных идей в Российской империи проводился тайный досмотр частной корреспонденции – перлюстрация. Правительство стремилось держать под контролем настроения в обществе, предугадывать возможность народных волнений, вести наблюдение за поведением в других сферах, и обычно перлюстрации подвергалась корреспонденция известных людей, политиков и общественных деятелей. Почтовые служащие должны были быть очень внимательными: обращать внимание на объем письма, почерк, адрес корреспондента и отправителя. Все подозрительные письма подвергались перлюстрации. Особенно тщательно служащие почтово-телеграфного ведомства проверяли письма, присылаемые местным жителям из-за границы. Ценные бандероли и письма вскрывали в присутствии только самих адресатов, в остальных случаях требовалось лишь присутствие начальника канторы или отделения. Циркулярным распоряжением предусматривался также осмотр корреспонденции жандармами.

В соответствии с предписанием Главного управления почт и телеграфов от 8 июня 1904 г. начальникам почтово-телеграфных округов были даны следующие указания: в случае нахождения в почтовой корреспонденции приветственных или пригласительных карточек с наклеенными на них марками с надписью на еврейском языке данную корреспонденцию не доставлять по назначению. На почтовых карточках того периода на обратной стороне ставился штамп: “Дозволено цензурою” [10].

Цензура также распространялась на корреспонденцию личного содержания. Из почтовых ящиков извлекались письма оскорбительного содержания или с “оскорбительными иллюстрациями”, письма антиправительственного содержания, а также телеграммы, содержащие жалобы и просьбы сотрудников ведомства по личным делам. До адресатов также не доходили письма и телеграммы с приглашениями к эмиграции в Америку, различного рода коммерческие предложения со-

мнительного характера из Вены и др. Обо всех этих задержаниях в обязательном порядке доносилось начальнику управления почтово-телеграфного округа [13, л. 1–36].

Заключение

Таким образом, почтово-телеграфное сообщение занимало важное место в социально-экономическом развитии региона. Деятельность почтово-телеграфных учреждений на территории Беларуси на рубеже XIX–XX вв. стала более многосторонней, выросло количество оказываемых услуг. Были проведены существенные изменения в системе управления учреждениями связи, которые привели к реформированию местных почтовых и телеграфных учреждений. В результате была создана окружная система, четко регламентировался порядок приема и своевременность доставления почтовых и телеграфных отправок. Важное место в деятельности почтово-телеграфных учреждений занимала цензура и надзор за периодическими изданиями, которые выписывало местное население. В связи с выросшим спросом на услуги связи на рубеже XIX–XX в., увеличился штат почтово-телеграфных кантор, к служащим стали предъявлять повышенные требования, большое значение придавалось их профессиональной подготовке и моральным качествам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Леонтьева, Т. Е.** Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения / Т. Е. Леонтьева. – Минск : БелНИИДАД, 2006. – 392 с.
2. Министерство внутренних дел. 1802–1902. Приложение 2. – СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1901. – 264 с.
3. Двадцатипятилетие почтово-сберегательных касс // Почтово-телеграфный журнал (отдел неофициальный). – 1915. – Январь–февраль. – С. 41–58
4. **Анчарова, М. С.** От ящика до самолета / М. С. Анчарова. – Москва : Изд-во тип-фия Связьиздательство, 1949. – 60 с.
5. Материалы по истории связи в России с XVIII по XX вв. Обзор документальных материалов / [Ф. И. Бунина, В. И. Вельбель, К. П. Генкина и др.] ; под ред. Н. А. Мальцевой. – Ленинград : Ленингр. типография № 5 Главполитграфпрома СССР, 1966. – 335 с.

6. **Соколов, Н. И.** Почта и телеграф в XIX столетии / Н. И. Соколов // Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802–1902. – [Приложение второе]. – СПб. : Типография министерства внутренних дел, 1902. – С. 1–123
7. Двадцатипятилетие почтово-телеграфного ведомства 1885–1910. – СПб. : Тип. МВД, 1910. – 19 с.
8. НИАБ. – Ф. 448. Оп. 2. Д. 1.
9. НИАБ. – Ф. 448. Оп. 2. Д. 3.
10. НИАБ. – Ф. 448. Оп. 1. Д. 3.
11. НИАБ. – Ф. 448. Оп. 1. Д. 6.
12. Связь в Белоруссии : ист. очерк / Бел. респ. правление ИТОРиЭ им. А. С. Попова, Ин-т науч.-техн. информ. и пропаганды при Госплане БССР. – Минск, 1967. – 69 с.
13. НИАБ. – Ф. 448. Оп. 1. Д. 4.
14. НИАБ. – Ф. 448. Оп. 1. Д. 2.
15. **Озеров, И.** Почта в России и за границей / И. Озеров. – СПб. : Тип. Кирмбаума, 1903. – 30 с.
16. Обзор Минской губернии за 1895 год. Минск, 1896. – Минск : Типография губернского правления, 1896. – С. 54.
17. **Базилевич, К. В.** Почта в России в XIX веке / К. В. Базилевич. – Москва : Издательство ШСПГ, 1927. – 196 с.
18. НИАБ. – Ф. 448. Оп. 1. Д. 7.
19. Полное собрание законов. Собр. 2. Т. 44. Отд. 1. – № 47361. – СПб., 1873. – С. 2–3.
20. **Псурцев, Н. Д.** Связь страны социализма / Н. Д. Псурцева. – Москва : Связьиздат, 1959. – 191 с.

Поступила в редакцию 09.02.2018 г.
Контакты: lana0415@mail.ru
(Сидорова Светлана Олеговна)

Sidorova S. ACTIVITIES OF THE POST AND TELEGRAPH INSTITUTIONS IN THE TERRITORY OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY – AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY.

The activities of the post and telegraph institutions in the territory of Belarus in the second half of the XIX century – early XX century are analyzed. The main directions of their activities, the features of their development in the territory of the Belarusian provinces are singled out, the structure of the post and telegraph institutions, their staff structure and working conditions are characterized. The evolution of the duties of the post and telegraph employees in the territory of Belarus after the reform of the department in 1884–1885 is viewed.

Keywords: post office, telegraph, post and telegraph district, post and telegraph employees.

УДК 284.57

СУЩНОСТЬ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИЕГОВИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

О. В. Дьяченко

кандидат философских наук, доцент
Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена исследованию сущности и тенденциям развития иеговизма, основным направлениям деятельности религиозного объединения Свидетелей Иеговы в современной Беларуси, перспективам государственно-конфессиональных отношений.

Ключевые слова: иеговизм, иеговисты, репрессии, Свидетели Иеговы, государственно-конфессиональные отношения, поздний протестантизм, религиозный экстремизм, миссионерство, теократия.

Введение

В 1994 г. в Республике Беларусь произошло историческое событие: в Минске, Гомеле и Калинковичах были зарегистрированы первые религиозные общины Свидетелей Иеговы, отношение к которым на протяжении всей их истории было неоднозначное и вызывало острые споры среди религиоведов, политиков, теологов, религиозных деятелей. Исходным пунктом расхождений между исследователями оказывались вопросы о конфессиональном происхождении и идентичности иеговистов, их отношении к другим религиям, традиционным духовным ценностям, политическим и военным институтам государства, институту брака и семьи, получению медицинской помощи и т. д. В последние годы в экспертном религиоведческом сообществе активно обсуждается вопрос, содержатся ли в иеговизме идеи, которые могут рассматриваться как провоцирующие экстремистские настроения, возбуждающие ненависть в отношении других религий, в связи с чем экспертным советом при Уполномоченном по делам религий и национальностей Совета Министров Республики Беларусь осуществляется государственная религиоведче-

ская экспертиза всей ввозимой из-за рубежа иеговистской литературы.

Научной литературы, посвященной иеговизму в Беларуси, явно недостаточно. Из изданий советского периода следует отметить опубликованную в 1981 г. коллективную монографию «Иеговизм», авторы которой с марксистских позиций проанализировали отдельные аспекты религиозной идеологии, уделив особое внимание критике иеговистской антропологии и социальной философии [1]. Вместе с тем специальных религиоведческих исследований иеговизма в Республике Беларусь проведено не было. В работах О.В. Дьяченко, Л.Г. Новиковой, А.И. Осипова, В.В. Мартиновича, В.В. Старостенко эта тема затрагивалась в контексте анализа других конфессиональных проблем и не имела самостоятельного значения [2; 3; 4; 5; 6; 7].

В то же время в Российской Федерации учеными Н.С. Гордиенко, С.И. Иваненко, М.И. Одинцовым опубликованы труды, посвященные истории развития иеговизма в СССР и Российской Федерации, особенностям вероучения и религиозной деятельности, организационному устройству, межконфессиональным и государственно-конфессиональным отношениям [8; 9; 10; 11].

В Казахстане в 2002 г. вышла из печати монография А.И. Артемьева, в которой автором исследованы вопросы возникновения и эволюции иеговизма в этом регионе мира, проанализированы семейно-брачные отношения иеговистов, их трактовка принципов свободы совести и др. [12]

Различные аспекты деятельности Свидетелей Иеговы активно обсуждаются на научных конференциях, правозащитных семинарах и круглых столах, миссионерских съездах в России и Украине, находят отражение в многочисленных публикациях церковно-пропагандистского характера.

Проблема иеговизма в Беларуси привлекает к себе внимание религиоведов и социологов, однако достигнутые результаты, особенно в области изучения эволюции этого религиозного направления, далеко еще не достаточны. Более того, недостаточно изученной остается вся со-

вокупность проблем религиозной жизни иеговистов. Известно, что религиозные нарративные источники отрывочны, имеют статистический характер и дают очень мало сведений о реальной жизни иеговистов. Поэтому актуализируется задача выявления потенциальных возможностей иеговизма как религиозного движения, оказания влияния на конфессиональное развитие белорусского общества.

Учитывая возрастающий интерес к иеговистской проблематике и в Республике Беларусь, особенно после вынесения в Российской Федерации в 2017 г. судебного решения о запрете деятельности «Управленческого центра «Свидетелей Иеговы»» и конфискации собственности в доход государства, а также принимая во внимание приоритеты общественного и государственного строительства, среди которых первостепенное значение уделяется вопросам укрепления гражданского мира и согласия, конструктивного развития государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений, предупреждения распространения в обществе экстремизма, в том числе и религиозного, актуализируется задача проведения религиоведческих исследований наиболее значимых компонентов иеговистской идеологии, связанных с теократическими и эсхатологическими представлениями, нравственными убеждениями, миссионерской стратегией, пониманием иеговистами государственно-конфессиональных проблем.

Основная часть

Государственная регистрация первых общин иеговистов в 1994 г. и республиканского религиозного объединения в 1997 г. знаменовала собой поворот в религиозной жизни Беларуси, поскольку на практике были подтверждены важнейшие принципы свободы совести в отношении конфессии, оценка деятельности которой на протяжении всей истории ее существования была неоднозначной и вызывала ожесточенные споры среди ученых, церковных и государственных деятелей [13].

В советский период десятилетиями поддерживался тезис об антигосударственном характере иеговизма, деятельность религиозных общин была

официально запрещена, а приверженцы этого направления подвергались ограничениям в гражданских и политических правах и свободах. К концу 1970-х гг. в западных и центральных регионах Беларуси оставалось не более 70 иеговистов, находившихся под пристальным контролем властей [1, с. 17]. Однако на рубеже 1980–1990-х гг. наступили кардинальные изменения в социально-экономической и общественно-политической жизни страны. С исчезновением цензуры критика советского строя приняла широкие, до тех пор небывалые формы. Внешнеполитический процесс установления конструктивных дипломатических отношений с США способствовал изменению государственной позиции по отношению к иеговистам, их реабилитации и признанию жертвами политических репрессий.

В обстановке усиления религиозного возбуждения части населения оживилась и расширилась работа религиозных организаций иеговистов. На фоне подъема религиозного движения организовывались миссионерские собрания, возникали группы для совместного чтения и изучения Библии, развернулась уличная пропаганда религиозных идей.

В результате внекультовой религиозной деятельности в период с 1997 по 2016 г. произошел количественный и качественный рост иеговизма. Если в 1997 г. действовало 17 организаций со средней численностью 1806 человек, то в 2016 г. их насчитывалось уже 78, а количество членов в них выросло до 5854 человек. За этот период времени иеговистами было крещено 4716 человек, что составляет 80,5% от всей их численности. Сводные данные представлены в таблице, составленной на основе статистических сведений, опубликованных в «Ежегодниках Свидетелей Иеговы» за 1998–2017 гг.

	Высшее число членов ор- ганизации	Среднее число членов ор- ганизации	Процент к про- шлomu году	Коли- чество крещений	Среднее число подсобных миссионеров	Среднее число мис- сионеров	Коли- чество религи- озных организа- ций	Всего часов на изучение Библии	При- сутство- вало на "вечере"
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1997	1961	1806	+29	228	-	234	17	455988	5667
1998	2448	2187	+21	193	-	275	19	546666	6272
1999	2550	2412	+10	283	-	332	26	568029	6413
2000	2852	2651	+10	252	-	412	27	645307	6950
2001	3004	2902	+9	140	-	447	33	692324	7550
2002	3381	3121	+8	448	-	524	35	778272	7863
2003	3613	3449	+11	283	-	563	38	917328	8401
2004	3756	3637	+5	186	-	774	38	1011121	8323
2005	3872	3787	+4	361	-	525	45	994282	8126
2006	4115	3897	+3	222	-	496	46	1018980	8202
2007	4283	4145	+6	262	-	549	46	1162809	8937
2008	4435	4329	+4	237	-	618	53	1255708	8684
2009	4669	4507	+4	236	390	670	56	1325860	8688
2010	4779	4652	+3	219	382	720	57	1381603	8900
2011	4892	4769	+3	180	473	774	65	1455658	9038
2012	5145	4965	+4	215	463	854	67	1545424	8985
2013	5481	5300	+7	228	546	1077	69	1772486	9315
2014	5767	5579	+5	212	651	1245	72	1964128	10247
2015	5918	5828	+4	173	506	1290	76	1915608	10212
2016	5903	5854	-	158	496	1239	78	1880259	10231

Как видно из столбца № 10 таблицы, религиозное объединение Свидетелей Иеговы сохраняет потенциал для дальнейшего количественного роста. Численность присутствовавших на "Вечере" в 2016 г., составила 10231 человек, из них собственно иеговистов было 5854, или 57,21%. Остальные участники религиозного собрания являются приглашенными и, следовательно, потенциальными субъектами религиозных организаций.

Вместе с тем нельзя не заметить снижения процента прироста членов в организациях (столбец № 4 таблицы). Наивысшая точка процентного роста численности (29%) в сравнении с предшествующим годом пришлось на 1997 г., когда было зарегистрировано республиканское религиозное объединение. Низшие точки (3%) пройдены в 2006 и 2011 гг. В целом процент прироста существенно снизился и составляет в среднем 4%, что означает падение общественного интереса к иеговистам и замедление темпов роста организации в сравнении с периодом 1990-х гг.

Следует обратить внимание на то, что из 78 религиозных организаций только 27, или 34,6%, зарегистрировали свои уставы. Объясняется это рядом объективных причин.

Во-первых, в отношении иеговистов в обществе сохраняются идеологические предубеждения, которые разделяются также отдельными чиновниками, представителями правоохранительных органов и

существенно влияют на принятие решений по вопросу регистрации религиозных организаций на местах. При этом коллизии в законодательстве используются чиновниками для юридически обоснованного отказа учредителям общин в регистрации уставов, что фактически превращает иеговистов в нелегалов, создает риски привлечения их к административной и уголовной ответственности [14, с. 36, 37]. Проблемы с регистрацией уставов религиозных организаций в конце 1990–2000-х гг. возникли в Борисове, Вилейке, Жабинке, Костюковичах, Лиде, Микашевичах, Пинске и Слониме [15]. В г. Костюковичи Могилевской области община не регистрировалась в течение 10 лет – с 2000 по 2010 г.

Во-вторых, изменение законодательства о свободе совести и религиозных организаций в 2002 г. существенно усложнило процедуру регистрации, поскольку потребовало увеличение с 10 до 20 человек количества учредителей религиозной организации. Следовательно, не все религиозные общины иеговистов отвечают требованиям закона в части необходимого количества учредителей, насчитывают порой 15-18 человек, что делает невозможной в принципе их регистрацию. По факту общины функционируют, учитываются статистикой Всемирной организации Свидетелей Иеговы, находят отражение в ее официальных отчетах, а де-юре не могут быть подучетными для органов государственного управления в Республике Беларусь.

Несмотря на лояльное отношение государства к деятельности иеговистов в целом, в обществе под влиянием антикультовых центров и проводимой религиозной пропаганды сохраняются отрицательные оценки религиозных программ Свидетелей Иеговы [5, с. 118–138; 16]. Как показывает практика, негативные суждения относительно идеологии и деятельности иеговистов некритично заимствуются из российского клерикального контента и ретранслируются через средства массовой информации. Общие выводы православных миссионеров сводятся к следующим положениям. Иеговисты не являются христианами, поскольку не разделяют учение о триединстве Бога, не признают решений, постановлений и правил Вселенских соборов, и, следовательно, их организация не может рассматриваться как христианская церковь, а только как секта, причем в литературе она позиционируется с эпитетами “тоталитарная”, “деструктивная”.

Вместе с тем необходимо отметить, что и среди православных миссионеров нет единодушия в оценке иеговизма. В Беларуси, например, иеговизм рассматривается как новое религиозное движение. Согласно конфессиональной классификации нетрадиционной религиозности, разработанной ведущим сектоведом Белорусского Экзархата Московского Патриархата В.А. Мартиновичем, по содержанию своей деятельности Свидетели Иеговы отнесены к “псевдохристианским новым религиозным движениям” [6, с. 112–113].

Сопоставляя иеговизм с религиозными теориями других христианских церквей, можно найти у них нечто общее, преимущественно касательно трактовки ранних периодов развития христианства, религиозной антропологии и эсхатологии. В частности, иеговистские эсхатологические мотивы звучали в проповедях средневековых католических богословов, европейских еретиков, позднее – в учениях адвентистов, пятидесятников, старообрядцев, православных мистиков XX в. Диапазон представлений чрезвычайно широк: от общих библейски завуалированных пророчеств наступления судного дня до назначения конкретных и самых точных дат апокалипсиса. Эти мировоззренческие установки уходят своими истоками не

столько в эпоху иудеохристианства, сколько основываются на эсхатологических чаяниях и фантазиях ветхозаветных пророков. В этой связи эсхатология иеговизма не является принципиально новой для европейцев, а идея присутствия Христа на земле с 1914 г. в чем-то даже напоминает хасидские представления о живом Машиахе, который явился еврейскому народу во второй половине XX в. Поскольку христианские богословы по-разному отражают библейские идеи и выражают интересы не только религиозных институтов, к которым они принадлежат, но и потребности конкретных государственных интересов, то и иеговистская идеология не является исключением.

Однако в иеговизме существуют и отличия от средневековых форм христианства. В современной полемической литературе, издаваемой православными миссионерскими центрами, содержится намек на антигосударственный характер идеологии иеговизма, обыгрываются идеи возвращения к епископальному христианству, теократии. И отчасти эти утверждения соответствуют истине. По мнению иеговистов, основанная на ветхозаветных представлениях о природе политической власти, теократическая власть проводит на практике те принципиальные указания, которые она получает от Бога. В отличие от католиков, православных и основной части протестантов иеговисты полагают невозможной идею симфонии церкви и государства. Истинное христианство должно быть удалено от каких бы то ни было принципов государственного управления. В этой связи иеговисты провозглашают себя свободными от вопросов практической политики и занимают позицию религиозного пацифизма, который, все же имеет свои границы.

Иеговисты, как впрочем, и представители всех авраамических религий, убеждены в истинности своего вероучения, базирующего на библейских текстах. Поэтому они преследуют цель максимального распространения религиозной идеологии любыми доступными средствами. Прямолинейность иеговистов в вопросах миссионерской деятельности, безусловно, создает конфликтные ситуации в обществе и формирует негативный образ рели-

гиозного объединения Свидетелей Иеговы как религиозного института. Этим широко пользуются оппоненты иеговистов из числа представителей других христианских конфессий. В издаваемой полемической литературе главные современные критики иеговизма – православные миссионеры обращают внимание на стремление иеговистов навязать религиозные представления окружающим посредством агрессивной пропаганды.

Поставив перед собой задачу показать “социальную опасность” иеговизма и обратившись к отдельным негативным фактам обыденной жизни иеговистов, случаям распада семей по причинам различной вероисповедной ориентации супругов, православные полемисты готовы преувеличить значимость иеговистских идеологических постулатов, приписать проповедникам способность к суггестивному влиянию на индивидов, в том числе к манипулированию их сознанием. Критика иеговистской идеологии исходит из представлений о том, что ее источником является не Священное Писание, а созданный идеологами организации собственный вариант библейского текста, названный “Переводом Нового Мира Священного Писания”.

В последнее десятилетие в Российской Федерации изменилось отношение к Свидетелям Иеговы [17]. Первоначально по обвинению в экстремизме были запрещены местные организации, а в 2017 г. запрет коснулся централизованного религиозного объединения.

Опираясь на российский опыт, в Беларуси в средства массовой информации, в адрес Уполномоченного по делам религий и национальностей и других органов государственного управления стали поступать письма и обращения отдельных граждан с просьбами законодательно запретить деятельность иеговистов, в том числе миссионерство, связанное с распространением религиозной литературы.

В то же время объективных доказательств противоправной деятельности иеговистов явно недостаточно для принятия судебного решения, тем более что в Беларуси в течение почти 10 лет проводится процедура государственной религиозно-экспертной экспертизы изданий, ввозимых в страну религиозным объединением

Свидетелей Иеговы. За все время только два наименования религиозной литературы были не допущены к ввозу и распространению в иеговистских общинах. В остальном же журналы “Сторожевая Башня”, “Пробудитесь”, буклеты и брошюры на различные темы, книги религиозного содержания распространяются среди населения в ходе так называемой “пионерской” работы, поскольку не содержат признаков проявления экстремизма.

Таким образом, обвинения иеговистов в экстремизме являются беспочвенными и отражают российский сценарий противодействия распространению иеговизма в обществе.

Заключение

Несмотря на быстрые темпы роста в 1990-х гг., религиозное объединение Свидетелей Иеговы в Беларуси так и не стало значимым фактором конфессиональной жизни. В настоящее время иеговизм локализован на уровне маргинальных социальных кругов, не имеющих существенного влияния на развитие конфессиональных процессов. Ввиду специфики религиозной идеологии, культа, внекультовой деятельности иеговисты не пользуются популярностью у населения, доказательством чему является невысокий процент ежегодного прироста членов этой организации.

Очевидно, иеговизм как религиозное явление сохранит свое присутствие в конфессиональном пространстве белорусского общества, однако не стоит преувеличивать его значение в религиозной, а тем более в общественно-политической жизни страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Иеговизм [Т. П. Короткая, Е. С. Прокошина, А. А. Чудникова, В. Р. Языкович] ; ред. М. Я. Ленсу. – Минск : Наука и Техника, 1981. – 134 с.
2. **Дьяченко, О. В.** Новые религиозные объединения / О. В. Дьяченко. – Мозырь : Белый ветер, 1998. – 152 с.
3. **Дьяченко, О. В.** Иеговизм в контексте идеологической трансформации современного общества / О. В. Дьяченко // Материалы регионального семинара преподавателей гуманитарных дисциплин вузов Могилевской области : науч. изд. – Могилев : УПКП “Могилевская

- областная укрупненная типография", 2001. – С. 50–58.
4. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления : социологический аспект / Л.Г. Новикова. – Минск: БТН-информ, 2001. – 132 с.
 5. **Осипов, А. И.** Тоталитарные секты: технология обмана / А. И. Осипов. – 2-е изд., доп. – Минск : Белорусский Экзархат – Белорусская Православная Церковь, 2007. – 224 с.
 6. **Мартинювич, В. А.** Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция: материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Т. 1 / В. А. Мартинювич ; предисл. Л. И. Григорьевой. – Минск : Минская духовная академия, 2015. – 558 с.
 7. **Старостенко, В. В.** Конфессиональная ситуация в Могилевской области: региональные особенности и тенденции развития : монография / В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2014. – 172 с.
 8. **Гордиенко, Н. С.** Российские Свидетели Иеговы: история и современность / Н. С. Гордиенко. – Санкт-Петербург : Типография "Правда", 2002. – 240 с.
 9. **Иваненко, С. И.** Свидетели Иеговы – традиционная для России религиозная организация / С. И. Иваненко. – Москва: Арт-Бизнес-Центр, 2002. – 208 с.
 10. **Иваненко, С. И.** Обыкновенный антикультизм / С. И. Иваненко. – СПб : Издательство "Древо жизни", 2012. – 104 с.
 11. **Одинцов, М. И.** Совет Министров СССР постановляет: "Выселить навечно!" : сборник документов и материалов о Свидетелях Иеговы в Советском Союзе (1951–1985 гг.) / М. И. Одинцов. – Москва : Объединение исследователей религии, Арт-Бизнес-Центр, 2002. – 240 с.
 12. **Артемов, А. И.** Свидетели Иеговы Казахстана и Средней Азии: историко-религиоведческий анализ / А. И. Артемов. – Алматы : ТОО "ИД Кочевники", 2010. – 352 с.
 13. История Свидетелей Иеговы в Беларуси: буклет. – Б.м: Б.и., Б.г.
 14. **Слупина, Вольфрам.** Проблемы, связанные со свободой религии в Содружестве Независимых Государств – на примере Свидетелей Иеговы / Вольфрам Слупина // Религиозная свобода в демократическом обществе: правовые, религиозные и философские аспекты в конституционной теории и в реальности. – Ривне : ПП Барышев К.В., 2010. – С. 28–65.
 15. Справка о фактах, связанных с государственной регистрацией религиозных общин свидетелей Иеговы в Республике Беларусь. – Минск : Б. и., 2011. – 15 с.
 16. **Дубинин, Николай.** Опасность с Библией в руках: о секте "Свидетелей Иеговы" / Николай Дубинин. – Старый Оскол : Издание кафедрального собора Александра Невского, 2008. – 352 с.
 17. **Алябьев, Антон.** Особенности кампании против "Свидетелей" / Антон Алябьев // Религия и право. – 2010. – № 4 (55). – С. 31–33.

Поступила в редакцию 30.05.2018 г.
Контакты: Oleg.djachenko@gmail.com
(Дьяченко Олег Викторович)

**Diachenko O. JEHOVAH'S WITNESSES
DENOMINATION IN MODERN BELARUS: IDEAS
AND TENDENCIES.**

The article deals with the study of Jehovah's Witnesses, the significance and tendencies of the denomination in modern Belarus and the perspectives of the state and confession relations.

Keywords: Jehovah's Witnesses, punitive measures, state and confession relations, late Protestantism, religious extremism, missionary work, theocracy.

УДК 821.161.1

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА ПОСЛЕДНИХ РОМАНОВ АЛЕКСАНДРА ГРИНА

Л. В. Белогорская

аспирант

Национальный педагогический
университет имени М. П. Драгоманова
(Киев, Украина)

В статье рассматриваются особенности образности последних романов Александра Грина и кардинальное отличие их художественного мира от предыдущих трех романов и феерии "Алые паруса". Исследование черновиков писателя показывает, что, по изначальному замыслу, в последних романах А. Грина так же, как и в ранних, должны были присутствовать как категория чудесного, так и двоемирие – деление пространства произведения на сакральный и профанный топосы. Но социально-политическая обстановка в стране не позволила писателю ввести эти категории в окончательные варианты романов, и они со знанием были скрыты автором в подтексте произведений.

Ключевые слова: художественный мир, роман, двоемирие, профанный/сакральный топос, зазеркалье.

Введение

Александр Грин – один из самых оригинальных, самобытных и загадочных писателей начала двадцатого века, творчество которого еще не изучено во всей глубине. Он творил в тяжелое время революции и становления соцреализма, но его произведения говорят о вечных духовных ценностях: о внутреннем мире, душе, духовном пути человека.

Разные аспекты в изучении творческого наследия А. Грина были представлены в работах таких ученых, как В.С. Вихров, И.К. Дунаевская, Т.Е. Загвоздкина, Н.А. Кобзев, В.Е. Ковский, Л.М. Михайлова, В.В. Харчев, В.И. Хрулев и др. И если раньше Александр Грин рассматривался лишь как автор приключенческого или фантастического жанра, то сейчас все более уделяется внимание символической и мифологической со-

ставляющим его поэтики. В диссертациях В.А. Романенко, Е.А. Козловой, А.Н. Мазина, Г.И. Шевцовой анализируются своеобразие символики и авторский миф Александра Грина.

Особый интерес представляют романы писателя.

При исследовании особенностей романов А. Грина обращает на себя внимание тот факт, что художественный мир его произведений кардинально меняется от первых романов к поздним.

"Писатель отказывается от идеи феерической жизни, – пишет Е.А. Козлова. – <...> Таким образом, от опытов создания романа-мифа в творчестве А. Грина намечается движение к социально-бытовому психологическому роману. В определенном смысле типологию генезиса гриновского романа можно соотносить с типологией развития русской литературы в начале XX в. и советского романа в 20-е гг.: тенденция снижения романтико-символистских принципов повествования и роли поэтической изобразительности характерна для постсимволистской поэтики и советского романа конца 20-х годов в целом" [1, с. 174–176]. Исследовательница замечает: "Фантастическое начало больше не участвует в построении символа: оно уходит сначала в круг метафорических образов <...> и затем вовсе исчезает из структуры центральных символов" [1, с. 156].

Цель данной работы – рассмотреть, было ли снижение "романтико-символистских принципов повествования", отказ от двоемирия и от категории чудесного в последних романах естественным этапом творческой эволюции метода писателя в соответствии с тенденциями в современной ему советской литературе, или это произошло против воли самого автора.

Основная часть

Особенность первых романов А. Грина – это деление пространственной структуры произведения на сакральное и профанное, где море или небо символизируют мир духовный, противопоставленный жизненно-бытовому миру – пространству людей. В первых трех романах А. Грина обязательно присутствует герой-чудотворец, образ которого был намечен еще в

“Алых парусах”. Главной отличительной чертой этого персонажа является совершение чуда: переход в мир сакральный и открытие этого мира для других людей, в частности, для своей возлюбленной. Герой-чудотворец в первых трех романах путешествует в основном по морю или летает в небе (сакральное пространство). Но в двух последних романах А. Грина ситуация резко меняется. Из романов практически исчезает пространство моря и вместе с этим до минимума сводится сакральный план произведения. Герой больше не совершает чуда, он теперь путешествует по сухопутной дороге, символизирующей трудный и опасный путь по профанному пространству. А соприкосновения героев с топосом моря подвергает их смертельной опасности. Так, Джесси из романа “Джесси и Моргиана” чуть не срывается с обрыва в море (“смерть пошутила” [2, с. 199]). В сражении на море был смертельно ранен Давенант, герой последнего романа. Море, символизирующее у Грина мир духовный, свободу духа, теперь несет для героев смертельную угрозу.

Рассмотрим, с чем же связано такое изменение творческого мировосприятия писателя.

В книге Юлии Первой “Две судьбы” подробно рассказывается о том, сколько испытаний прошел А. Грин еще в 1926 г., прежде чем одно из издательств, наконец-то, согласилось напечатать его роман “Бегущая по волнам”. Глава в книге так и называется «Мытарства “Бегущей”» [3, с. 207]. Вначале в редакции издательства “Новый мир” долго держали роман, а потом вернули: “Полонский и разговаривать не стал, передал через секретаря. Роман не подходит, фантастичен, далек от современности” [3, с. 207]. То же происходило и в других издательствах. От Грина требовали писать что-то в духе социалистического реализма, но автор не мог сломать себя. “Эпоха мчится мимо. Такой, как я есть, я ей не нужен. А другим быть не могу и не хочу. Мне горько и гордо”, – говорил Александр Степанович своей жене. “Третье издательство и два журнала отвергло книгу, которую Грин считал лучшим из всего, что он создал” [3, с. 222–223].

Но все-таки, если исходить из черновиков А. Грина, приведенных в книге

Ю.А. Первой, ему уже при написании следующего романа “Джесси и Моргиана” пришлось поступиться некоторыми своими творческими принципами.

По изначальному замыслу “Джесси и Моргиана” должен был быть романом о зазеркалье. “Впервые зазеркалье, четвертое измерение появляется у Грина в “Фанданго”, – пишет Юлия Первой. – <...> В новом романе Грина жили сестры Клермон – юная, добрая, прелестная Джесси и немолодая безобразная Моргиана, которая ненавидела младшую сестру за все, чем была обделена сама: красоту, непосредственность, свежесть, очарование юности. В преступлениях Моргианы ей помогает Речидал – человек, владеющей тайной проникновения в зазеркалье” [3, с. 217]. Одним из главных героев нового романа должен был стать писатель Тренган. Он “снимает на берегу моря обособленно стоящий дом” [3, с. 217]. В этом доме герой обнаруживает запертую комнату. Прежний жилец ее Речидал таинственным образом исчез. Что-то заставляет Тренгана проникнуть в закрытую комнату, где он обнаруживает “большое зеркало в рост с человека, шириной с дверь. <...> Зеркало было освещено. Но освещению его в несоразмерной степени лишь десять свечей могли дать такой эффект. Тренган удивился еще больше, когда, бросив на зеркало пораженный взгляд, увидел, что в нем отражена – поскольку он уже разобрался в обстановке – совершенно другая комната”.

«Комната, отраженная в зеркале, – пишет Юлия Первой, – принадлежала Джесси Клермонт. Потрясенный Тренган видит, как входит девушка, смотрит на него из зеркала, не видя; она чем-то подавлена: “Она <...>, вздохнув, села на небольшой диван, задумчиво опустив на колени сложенные нервные руки”. Так начинался роман “Джесси и Моргиана”, который мог бы стать одним из лучших романов Грина» [3, с. 217–218].

Можно предположить, что далее по логике сюжета писатель Тренган должен был через зеркало, как и герой “Фанданго” через картину, попасть в иной мир. При этом персонаж, наверное, сохранил бы все черты героя-чудотворца: переход в сакральный (скрытый) мир, совершение чуда, помощь другим, в частности, своей возлюбленной обрести это чудо.

Но роман в таком виде, по вышеописанным причинам, так и не был осуществлен. Александр Грин понимал, что произведение, рисующее иную “чудесную” реальность не будет напечатано. Поэтому вместо писателя Тренгана (творческой личности, способной проникать в иную действительность), появляется герой-военный Детрей. Хотя это герой и рыцарского типа, но он не умеет видеть “сверхвидимого”. “Он представляет собой редкое ископаемое, – отпечаток раковины в куске фосфорита, – чистый, твердый человек. Он человек деятельный” [2, с. 297]. А вместо таинственного дома на берегу моря автор рисует просто большой дом с садом. Момент спасения возлюбленной переносится не в зазеркалье, а в ночной лес, что также напоминает о старинных волшебных сказках. Но сюжет строится на вполне реалистических детективных событиях. Действие развивается вокруг совершенно земного преступления, противостояния добра и зла, красоты и уродства. Но за этими событиями уже намного труднее уловить, в отличие от предыдущих произведений, вложенный автором духовный подтекст.

Когда писатель работал над своим последним романом “Дорога никуда”, ситуация в стране еще больше усложнилась. Это отразила рецензия, напечатанная 2 ноября 1928 г. в газете “Известия” – отклик на выход в свет с таким трудом опубликованного гриновского романа. «“Бегущая по волнам” базируется на идеалистической теории, что в каждом человеке скрыто какое-то бессознательное, таинственное начало, не поддающееся ни объяснению, ни проверке, – пишется в статье. – Таинственные зовы, галлюцинации получают у автора право на фактическое существование. <...> В нашу революционную эпоху, эпоху борьбы за нового человека – здорового, трезвого носителя жизни, – борьбы за научное марксистское миропонимание, мы должны быть особенно беспощадны ко всем мистико-идеалистическим тенденциям, которые грозят проникнуть в нашу литературу. Ошибка приводит Грина в идеологический тупик. Чтобы выйти из него, автору надо целиком отречься от своей идеалистической философии» [3, с. 282–283]. Еще одна рецензия была напи-

сана двоюродным братом Александра Блока – Георгием Блоком: “Творчество Грина чуждо нашей современности. От нее Грин уходит в дебри приключений, в мир каких-то потусторонних теней. <...> Созданный воображением Грина мир иных людей и иных отношений не нужен советскому читателю своей отвлеченностью. Рабочему читателю эту книгу не рекомендуем” [3, с. 283].

Видимо поэтому Грин попытался убрать из своей последней книги, так же, как и из предыдущей, все мистическое и сверхъестественное. В романе “Дорога никуда”, как и в предшествующем ему романе “Джесси и Моргиана”, практически скрыт сакральный план произведения. Морское пространство, символизирующее мир духовный, так же не занимает в произведении существенного места. Но главный герой Тиррей Давенант, хоть и не является героем-чудотворцем, не теряет, в отличие от Детрея, способности к соприкосновению с миром сакральным. Герой последнего романа Грина подобен героям раннего периода творчества писателя, где присутствовала мысль о несоединимости профанного и сакрального, мечты и действительности. “В последнем романе Грина “Дорога никуда” и набросках к незавершенному роману “Недотрога” писатель вновь обращается к созданию романтически-типологических образов, – пишет А.Н. Мазин. – <...> Как и в прежних романах Грина, герои вступают в конфликт с действительностью, но если раньше гриновские персонажи сами могли творить иную действительность согласно своим представлениям о “красивом, чистом и справедливом” (небо, текст, Несбывшееся), то здесь их фантазии и мечты не обретают реального воплощения. Таким образом, от идеальных героев, творящих чудо своими руками, близких символистским теургам, Грин вновь обращается к классическому романтическому типу идеалистического искателя, вечного странника-скитальца, не обретающего приюта” [4, с. 147–148].

Но если обратиться к черновикам писателя, то мы увидим, что герой-чудотворец, который способен проникать в “иную действительность”, исчезает только из напечатанного варианта, но вовсе не из черновиков к роману “Дорога никуда”.

В первом черновом варианте действует писатель Георг Граммон, произведения которого говорят о даре Граммона видеть мир иной.

К нему приходит человек Фергюс Фергюсон, который рассказывает, что шесть лет назад бесследно исчезла его молодая жена. «Ищейки, пущенные по следу пропавшей», дошли до таинственного зеркала, которое преграждает горную тропу. «Подойдя к стене, вы видите обломки зеркала правильной круглой формы диаметром в два с небольшим метра. Он вделан в камень так искусно и точно, что невозможно заметить линию сцепления края стекла с породой. Естественно, что часть тропы, на которой вы находитесь, полностью отражена зеркалом – с той разницей, что на вашей стороне – солнечный блеск, а там... всегда тень» [3, с. 264]. Фергюсон говорит Граммону: «Я стал думать о вас с тех пор, как прочел ваш «Лесной хор». Затем – «Тень и удар». И самое замечательное, самое намекающее – это «Невидимый мир». Я убедился, что вы тот самый человек, который может **увидеть** мою жену» [3, с. 264] (выделено мной. – Л.Б.).

Видимо, по замыслу автора, жена Фергюсона через это зеркало на горной тропе попала в иной мир, а писатель Георг Граммон являлся именно тем человеком, который способен этот иной мир увидеть.

«Последующие названия романа «На теневой стороне» и «Дорога никуда» – относились к теме зазеркалья», – пишет Ю. Первова [3, с. 264].

В другом черновом варианте, по словам Ю. Первой, «снова возникла тема четвертого измерения, теневой стороны. В записной книжке Грина появляется писатель Тиррей Давенат» [3, с. 279]. Он, путешествуя, попадает в незнакомую местность и встречает «подобие ворот <...> два каменных высоких столба, стоящих на пустынном участке, среди цветущих кустов. <...> Но на одном из них написано «Путь никуда». А сзади кусты да овраг» [3, с. 280]. Далее за ними никакой дороги нет. Видимо, по замыслу автора, писатель Давенат должен был проникнуть через ворота «Путь никуда» в мир иной, скрытый от обыденного взгляда. Что дальше должно было произойти, осталось неизвестным,

так как «путь никуда», который должен был, по изначальному плану, привести писателя Тиррея Давенанта в сакральный мир, превратился в окончательном опубликованном варианте в «дорогу никуда», которая привела служащего в трактире юношу Тиррея Давенанта к разбитым мечтам, тюрьме и смерти. Можно предположить, что настолько сильно было давление на Александра Грина социально-политической обстановки в стране – его книги негласно изымались из библиотек, его произведения отказывались печатать, что задуманная дорога в волшебный невидимый мир («никуда», потому что этот мир скрыт от взгляда обывателя) превратилась в его последнем произведении в дорогу «никуда» в буквальном смысле. Эта дорога стала символическим отражением того, к чему двигалось советское общество того времени.

Но последний герой Грина Тиррей Давенат все же оказался генетически связан практически со всеми предшествующими ему героями-чудотворцами, и в то же время противопоставлен им своей трагической судьбой и невозможностью обрести свое «несбывшееся».

Как ни удивительно, но автору удалось закодировать категорию «несбывшегося» и в своем последнем романе. Она скрыта за символом статуэтки серебряного оленя, которую герой получил в награду в гостиную Розны и Эллы как лучший стрелок. Через этот образ Грину удалось незаметно для советской цензуры ввести в роман «Дорога никуда» символический духовный план. Как показывает в своей статье «Роман Александра Грина «Дорога никуда». Поиски и находки» В.П. Пантелькин, олень в Европе часто является символическим изображением Иисуса Христа. Это связано с образом святого Евстафия, гравюра с изображением которого, по воспоминаниям Нины Николаевны Грин, была особенно любима автором. На знамени, которое святой держал в руках, «изображена была голова оленя с крестом меж рогов» [5, с. 42]. А. Грин еще в романе «Бегущая по волнам» определил категорию «несбывшегося» как «таинственный и чудный олень вечной охоты» [6, с. 7]. Таким образом, концепт «несбывшегося», выраженный в романе «Дорога ни-

куда”, через статуэтку серебряного оленя, свято хранимую юношей, олицетворяет не только недостижимые для Тиррея образы любви, дома и семейного счастья, но этот символ оказывается напрямую связан с духовным миром – с Божественным образом Иисуса Христа, к которому, как к источнику высшего счастья, стремится человеческая душа, часто сама не осознавая этого. Недаром олень в Европе стал еще и символом Рождества. По легенде, в Рождественскую ночь летающие олени несут по небу сани Святого Николая, чтобы каждый мог получить долгожданный подарок от Санта-Клауса.

Присутствует в последнем романе “Дорога никуда” и скрытая связь с символистским образом Вечной Женственности, которую в предыдущем произведении “Бегущая по волнам” олицетворял мистический образ Фрези Грант. В образе Консуэло из последнего романа, которая пытается восстановить справедливость и спасти героя из тюрьмы, как будто нет ничего чудесного. Но в смертный час Тиррея она становится для героя воплощением сакральной Женственности, несущей утешение умирающему. О мистическом восприятии героем Консуэло говорят последние слова Давенанта: “Сверкающая... неясная...” [2, с. 491]. Сравним с тем, как описывает Владимир Соловьев образ Вечной Женственности в поэме “Три свидания”. Поэт называет ее “лучезарной”. София “пронизана лазурью золотистой”, она явилась поэту “в пурпуре небесного блистанья / Очами, полными лазурного огня”, она “сияет” [7]. Сияние сопровождает и образ Фрези Грант: “Вокруг нее стоял отсвет, теряясь среди перекатов волн” [6, с. 66].

Лазурное (голубое) свечение появляется и в неоконченном романе “Недотрога”, который Грин писал перед самой смертью. Оно связано с образом чудесных цветов, которые вырастила главная героиня Харита. “Это цветы необычной, красивой формы, имеющие аромат и нежность цветка, прозрачность и блеск хрусталя, окраску и сочетание цветов, мыслимых только в сказках”, – вспоминает Нина Николаевна [8, с.124]. Цветы “сияют ночью, но гаснут от чуждого прикосновения” [3, с. 418].

Мотив сияющего (сверкающего) голубого цвета появляется еще в “Алых парусах”: “синее сияние океана” [8, с. 40], “золотые ворота моря” [8, с. 41], которые, стали для Грея путем в духовный мир. Далее в первом романе Грина возникает “блистающий” небесный мир Друда. Этот цвет является отражением духовного нездешнего мира.

“Синий и голубой цвета в иконописи означают бесконечность неба, символ иного, вечного мира. Голубой считался цветом Пресвятой Богородицы – чистый, небесный, непорочный” [9].

Харита тщательно оберегает свои цветы и свой дом, но местные жители решают силой прорваться в сад. А так как в христианстве “огороженный сад – символ Девы Марии” [10], то в недописанном романе “Недотрога” сад Хариты становится символом не только Райского сада, но и Богородицы, которая, как и главная героиня, оберегает сад человеческой души от всего злого.

Следовательно, чудесные цветы Хариты, которые “ночью светятся” [3, с. 426], являются отражением духовного света, который, как сказано в Евангелии, “во тьме светит, и тьма не объяла его” [Ин.1:5]. Это свет Господа, который он зажигает в саду человеческой души.

Заключение

Таким образом, мы видим, что Александр Грин не только не изменил своего творческого мировосприятия, но и старался в свои последние романы внести скрытый сакральный смысл. И хотя ему, в силу жесткости советской цензуры, пришлось отказаться от категории чудесного, его последние романы полны скрытой символики, отражающей тайны мира духовного. Появление же в последнем романе образа тюрьмы, из которой герой так и не смог выбраться, и сведение до минимума топоса моря (духовного пространства), которое теперь несет для героев смертельную опасность, символически отразило состояние общества того времени, когда творил автор. “Быть таким, как мне усердно предлагают, не могу, не быть – умирай с голоду, – говорил Александр Степанович своей жене в голодном 1931 г. – <...> Писать, как я пишу, пусть говорят “узкая”, но моя

дорога. <...> До конца дней своих хотел бы я бродить по светлым странам своего воображения" [11, с. 128]. "Верю, что мое настоящее будет звучать в душах людей, обращенных внутрь себя" [3, с. 428].

Все вышесказанное дает предпосылки к дальнейшему исследованию черновики писателя, особенно записей неоконченного романа "Недотрога", которые могут раскрыть творческий мир Александра Грина с еще неизвестной гриноведению стороны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Козлова, Е. А.** Принципы художественного обобщения в прозе А. Грина: развитие символической образности : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Е. А. Козлова. – Псков, 2004. – 204 с.
2. **Грин, А. С.** Избранное / А. С. Грин. – Москва : Правда, 1989. – 496 с.
3. **Первова Ю. А.** Две судьбы: Александр и Нина Грин. Биографические очерки / Ю. А. Первова. – Феодосия. – Москва : Издат. дом Коктебель, 2015. – 624 с.
4. **Мазин, А. Н.** Поэтика романтической прозы Александра Грина : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / А. Н. Мазин. – Симферополь, 2002. – 228 с.
5. **Пантелькин, В. П.** Роман Александра Грина "Дорога никуда". Поиски и находки / В. П. Пантелькин // А. С. Грин и судьбы романтики в мировой литературе. – Киров : ООО "Радуга ПРЕСС", 2016. – 255 с.
6. **Грин, А. С.** Бегущая по волнам: Роман; Рассказы / А. С. Грин. – Москва : Худож. лит., 1988. – 287 с.
7. **Владимир Соловьев.** Три свидания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scanpoetry.ru/poetry/10976> (проверено 10.02.2018)
8. **Грин, А. С.** Дикая роза. Алые паруса. Недотрога // А. С. Грин. – Феодосия ; М. : Издат. Дом Коктебель, 2010. – 128 с.
9. Что означают разные цвета на иконах? Миссионерский православный портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dishupravoroslaviem.ru/chto-oznachayut-raznye-cveta-na-ikonax/> (проверено 10.02.2018)
10. Словарь символов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/751> (проверено 10.02.2018)
11. **Грин, Н. Н.** Воспоминания об Александре Грине, Феодосия / Н. Н. Грин. – Москва : Издат. дом Коктебель, 2005. – 400 с.

Поступила в редакцию 21.03.2018 г.
Контакты: belogorskie@ukr.net
(Белогорская Людмила Вячеславовна)

Belogorskaya L. ARTISTIC WORLD OF THE LAST NOVELS BY ALEXANDER GRIN.

In the article the imagery of Alexander Grin's last novels and their difference from the previous three novels and extravaganza "Scarlet Sails" are considered. The study of the writer's drafts shows that according to the original plan in the last novels by A. Grin, as well as in the early novels, there exist both the category of the miraculous and the category of the dual reality – the division of the work space into sacral and secular topos. But the socio-political situation in the country did not allow the writer to introduce these categories into the final versions of the novels, and they were deliberately hidden by the author in the subtext of the works.

Keywords: artistic world, novel, two worlds, secular/sacred topos, the world behind the looking glass.

УДК: 821.161.3

ФІЛАСОФСКАЯ ПАРАДЫГМА ТВОРЧАСЦІ ЯНКІ ЛУЧЫНЫ

В. В. Круглова

аспірант

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

У артыкуле разглядаецца станаўленне філасафізму ў беларускай лірыцы ад вытокаў да XIX ст. Адзначаецца інтэнсіўнае развіццё філасофскай пазытыўнай думкі ў эпохі рамантызму і пазітывізму. Падкрэсліваецца ўвага Янкі Лучыны да філасофскай праблематыкі: жыццё і смерць, шчасце і няшчасце, месца і прызначэнне асобы ў свеце, сэнс жыцця, неабходнасць ажыццяўлення пастаўленых мэт і задач. Праводзяцца тыпалагічныя паралелі паміж медытатыўнай лірыкай Янкі Лучыны і Адама Міцкевіча. У філасофскіх вершах аўтар зборніка "Вязанка" ўвасобіў уласнае творчае крэда – удумлівае сузіранне і асэнсаванне навакольнай рэчаіснасці. Вызначаецца роля Янкі Лучыны ў станаўленні і развіцці філасофскай лірыкі ў літаратуры Беларусі XIX ст.

Ключавыя словы: інтэлектуалізм, вобраз, самапазнанне, падсвядомае, рацыянальны і эмацыйны пачатак, лірыка, філасофская думка.

Уводзіны

Вытокі філасофскай лірыкі ў літаратуры Беларусі сягаюць да старажытнай літаратурнай традыцыі. Філасофскія асновы ў літаратуры сваімі творамі закладвалі Кірыла Тураўскі, Мікола Гусоўскі, Францыск Скарына, Мялецый Смятрыцкі, Сімяон Полацкі, Францішак Карпінскі, Ян Аношка і інш. Найбольш інтэнсіўнае развіццё філасофскай лірыкі адбывалася ў XIX ст. У эпоху рамантызму філасофская думка ў паззіі ўзнялася на новую ідэйна-эстэтычную вышыню. Письменнікаў-рамантыкаў пачалі цікавіць пытанні суадносін чалавека і грамадства, месца асобы ў свеце, сэнсу жыцця, падсвядомага і г. д. Я. Маймін так ахарактарызаваў фарміраванне філасофскай плыні ў эпоху рамантызму: "Філасофская паззія для рамантыкаў – гэта ўніверсальная паззія і цэласнае веданне. Паззія закліканая выконваць не прыватныя, не асаблівыя, а сусветныя і ўсясветныя задачы" [1, с. 20].

Адам Міцкевіч вуснамі героя драмы "Dziady" Конрада паказаў працэс самапазнання, унутранага паглыбленага маналогу, аналізу сваёй ролі і месца ў свеце. Конрад адчувае сябе самотна ў свеце, яго не разумеюць людзі. Пазытыўны талент дае яму перавагу над супольнасцю людзей, права валодаць іх сэрцамі і душами. Герой Міцкевіча сцвярджае, што яго творы прынясуць яму бессмяротнасць. У драме закранаецца праблема справядлівасці і несправядлівасці: Конрад папракае Бога за тое, што ён не дапамагае польскаму народу, а толькі сузірае яго пакуты.

У эпоху пазітывізму змяніліся погляды на філасофскую праблематыку, што адзначае У. Гніламёдаў: «Пазітывізм, як вядома, – адзін з напрамкаў у філасофіі, які зыходзіць з таго, што крыніцай сапраўдных (пазітывных) ведаў могуць быць толькі спецыяльныя (дакладныя) навукі, здольныя апісваць і сістэматызаваць факты. Пазітывізм ігнаруе філасофска-метафізічную праблематыку, так званыя "вечныя пытанні"» [2, с. 20]. Аднак прадстаўнікі эпохі пазітывізму працягвалі ўздымаць пытанні чалавека і грамадства, прызначэння асобы, жыцця і смерці і г. д. Герой верша Францішка Багушэвіча "Думка" шукае прычыну смутку, у стане самааналізу ён знаходзіць гэтую прычыну ў жыццёвых абставінах. У творы "Жыццё – вандроўка на чоўне па моры..." пазт супастаўляе жыццё і смерць: жыццё яму ўяўляецца морам, смерць – прыстанню. Тадэвуш Лада-Заблоцкі ў вершы "Dumka (Księżyc wschodzi...)" паказаў лірычнага героя, які адчувае сябе самотна сярод грамадства і прычыну адзіноты бачыць у іх пустых душах, халодных сэрцах і злых, ядавітых вуснах.

Увага літаратуры да філасофскай праблематыкі, павелічэнне ролі рацыянальнага пачатку, перавага думкі над пачуццямі, наяўнасць праўдзівых жыццёвых рэалій сведчаць пра інтэлектуалізм мастацкай творчасці. М. Бораў дае наступнае азначэнне інтэлектуалізму: "Гэта такі спосаб мастацкага мыслення, які мае адмысловыя мэты (філасофска-канцэптуальны аналіз "метафізічных" праблем быцця, аналіз стану свету), асаблівую актыўнасць мастацкай думкі ў адносінах да жыццёвага матэрыялу

(павышэнне ролі суб'ектыўнага пачатку, прымат думкі над фактам), адмысловую форму і стылістыку (схільнасць да ўмоўнасці, парабалічнасць мыслення, эксперыментальнасць абставін, лагізаваныя характары, якія разыгрываюць у асобах думкі аўтара, і г. д.) і, нарэшце, адмысловы характар уздзеяння на чытача і гледача (мастацкі доказ ідэі, зварот не столькі да пачуццяў, колькі да розуму, “выпрамленне” і інтэнсіфікацыя дзейнасці твора)” [3, с. 107].

Інтэлектуальны пачатак у мастацкай літаратуры з'яўляецца вынікам арганічнага спалучэння думкі і вобраза. Вобраз дапамагае думцы разгарнуцца шырэй, а думка ў сваю чаргу спрыяе інтэлектуальнай напоўненасці вобраза. Узаемаадносінны думкі і вобраза, рацыянальнага і эмацыянальнага пачаткаў акрэсліў Я. Гарадніцкі: “Інтэлектуальнасць сучаснай паэзіі яскрава выяўляецца ва ўзаемаадносінах думкі і вобраза. <...>

Вобразнасць – гэта спосаб уваходжання ў паэзію непасрэднай рэальнасці, жыцця; у ёй непарыўна зліты ў адзінае цэлае светабачанне і светаразуменне, успрыняццё і асэнсаванне.

Збліжэнне думкі і вобраза прыводзіць да таго, што не толькі вобразнасць становіцца ўсё больш інтэлектуальна насычанай, але і думка, развага, ідэя ўспрымаюцца як элементы паэтычнай сістэмы” [4, с. 5].

Характар узаемадзеяння думкі і пачуцця добра раскрыў таксама А. Міхайлаў: “Думка і пачуццё існуюць у паэзіі непадзельна. Колькі б ні былі эмацыйныя вершы, яны могуць аказаць моцнае ўздзеянне на чытача толькі ў тым выпадку, калі іх асвятляе значная паэтычная думка. І думка ў вершы тады становіцца сапраўды паэтычнай, калі яна прасякнута пачуццём. Пачуццё нараджае думка, і, асветленае думкай, гэта пачуццё ўвасабляецца ў змястоўным паэтычным вобразе” [5, с. 190]. Філасофскі верш заключае ў сабе рацыянальны і эмацыянальны пачаткі, што падкрэсліў А. Міхайлаў: “...сэнс тэрміна “філасофская лірыка” пры ўсёй яго ўмоўнасці ў тым і заключаецца, што ён як бы злучае ў сабе глыбіню думкі, значнасць ідэі з іх эмацыянальным успрыманням, гэта

значыць як бы сінтэзуе рацыянальны і эмацыянальны элементы” [5, с. 195]. Гэтыя тэарэтычныя выкладкі і назіранні важна мець на ўвазе пры даследаванні філасофскіх асноў беларускай лірыкі XIX ст.

Асноўная частка

Філасофская лірыка займае значнае месца ў літаратурнай спадчыне Янкі Лучыны (псеўданім Івана Люцыянавіча Неслухоўскага, 1851–1897). Уласна філасофскі дыскурс у творчасці паэта вымагае асобнай парадигмы даследавання.

Многія вершы Янкі Лучыны маюць медытатывна-апавядальны і роздумна-аналітычны характар. Яны прасякнуты сумам па мінулым з прычыны страты былых каштоўнасцей. Аднак у творчасці Янкі Лучыны не сустракаецца ідэалізацыі даўніх часоў. Матыў суму па мінулым набліжае паэзію Янкі Лучыны да рамантычнай творчасці. У яго тэкставай прасторы не сустракаецца супрацьпастаўлення “мінулае – будучыня”. Гэты сум аднявядання таго, што будзе, выкліканы няўпэўненасцю ў будучыні, яе невядомасцю.

У вершы “Kurs literatury powszechnej końca XIX wieku” паэт здолеў глыбока выказаць свае думкі пра лёс народа. Каб паказаць паступовае ўскладненне становішча беларусаў, Янка Лучына праводзіць паралель паміж народным жыццём і літаратурнымі творамі, скарыстоўваючы прыём градацыі. Кожны з ужытых літаратурных тэрмінаў – песня, паэма, апавесць, драма – адлюстроўвае пэўны жыццёвы этап ці круг. Жанр твора ў залежнасці ад зместу, праблематыкі і мастацкай формы звязваецца з рэальнымі падзеямі ў грамадстве. Жыццё, паводле Янкі Лучыны, пачынаецца з вясёлай песні, якая заканчваецца са сталеннем чалавека. У вершы гэта момант стварэння новай сям’і, узнікнення новых абавязкаў і новых сацыяльных роляў:

Koniec końców ręce w ręce,
Książdź na zawsze związał stulą.
Na tem koniec był *piosence*,
Którą życie pięknie snuła! [6, s. 93]

Пасля ўзнікаюць паэма і апавесць, больш сур’ёзныя жанры і нават

метажанры, пашыраюцца і павялічваюцца жыццёвыя абсягі і праблемы, аптымізм саступае месца штодзённаму рэалізму, які ўключае ў сябе цяжкую працу, беднасць, нястачы, турботы, клопат пра сям'ю, а гэта забірае шмат часу, цяжка выкраіць момант для адпачынку:

Po piosence szedł *poemat*
Mniej uroczy, nie tak tkiwy <...>
Troski, nudy, niedostatek,
Rój zawodów, trud na siły,
Mało chleba, wiele dziełek
Treść *powieści* stanowiły [6, s. 93].

І, нарэшце, усё заканчваецца драмай, бо знікае надзея на шчаслівы лёс, на грамадскія пераўтварэнні. Як для драмы ўласцівы невырашальны канфлікт, так і для жыцця чалавека другой паловы XIX ст. характэрны канфлікт з лёсам, што не мае спосабаў і шляхоў для вырашэння. Матыў канфлікту з асяроддзем і лёсам збліжае твор Янкі Лучыны з паэзіяй рамантызму:

Znikły wszelkie życia ciernie.
Rozwiązując się – *dramatem* [6, s. 93].

Прыём паралелізму прысутнічае таксама ў вершы “Ja umierać nie chcę...”. У творы праводзіцца паралель паміж лёсам чалавека і лёсам прыроды. Паэт атаясамлівае свайго сучасніка-беларуса з ссечанай бярозкай, загнаным аленем, а лёс – са змрочным небам. Паэт прадчувае і сваю смерць, але не губляе цікавасці да жыцця, імкнецца супрацьстаяць лёсу. Асэнсоўваючы ідэю змагання чалавека з лёсам, Янка Лучына працягвае развіццё матыў еўрапейскай рамантычнай паэзіі:

Jeszcze ja-m nie całkiem niedołężny, stary,
Chciałbym w pracy ciężkiej iść postępu torem,
Gotów jestem siły mierzyć na zamiary,
Ja umierać nie chcę jeszcze przed wieczorem...
[6, s. 84]

Рэфрэн “Ja umierać nie chcę...” гучыць як сцвярджанне ўласнай годнасці, непрыняцце складанага лёсу і жаданне змяніць жыццё ў лепшы бок. Прыведзены выраз сведчыць пра тое, што лірычны герой праз усё жыццё працягвае барацьбу з лёсам.

Твор “W pogoni za szczęściem” напісаны паэтам у сталым узросце, уяўляе сабой медытатыву роздум. Чалавек пераасэнсоўвае падзеі свайго жыцця і

разумее, што шчасце даецца нялёгка, таму трэба імкнуцца знайсці новы спосаб яго дасягнення. Паэт лічыць, што хуткі пошук шчасця, наадварот, прыводзіць да неспакою і залішняга жыццёвага клопату. У пагоні за бляскам і прывіднай марай чалавек часам не звяртае ўвагі на штодзённую рэчаіснасць і дарэмна пражывае свой век. І тады ўсе няўдачы і пакуты толькі мацнеюць, ускладняюцца. Праз нездзяйсняльныя мары людзі амаль не робяць нічога для вырашэння існуючых рэальных праблем. Янка Лучына прытрымліваецца думкі, што варта радавацца кожнаму пражытаму імгненню, атрымоўваць задавальненне ад нязначнага і невялікага, але чагосьці пэўнага, трывалага і надзейнага. У творы ўвасоблена ідэя пра тое, што поспех прыносіць чалавеку найбольшую радасць, але менавіта тады, калі ён не меў надзею на яго дасягненне:

Tem blask jest piękniejszym, im mniej
jest nadziei,
Że pątnik już celu doścignie... [6, s. 103]

У вершы “Co lubię?” Янка Лучына стварае вобраз эпікурэйскага ладу жыцця. Лірычны герой займаецца любімымі справамі, палюе, ён цалкам адданы думкам і летуценням, рэфлексуе, сузірае прыгажосць наваколля, слухае спеў птушак. Страла з'яўляецца вобразным аналагам, сімвалам свабоды. Як яна імкліва ляціць уперад, так і думкі, парыванні лірычнага героя несупынна сягаюць у прасторы і часе. Такое стаўленне да жыцця і самога сябе дапамагае забыцца пра душэўны боль:

... w takiej chwili namiętności wrzące,
Nawet serce uśpione o ból się nie pyta...
[6, s. 105]

Янка Лучына любіць і праслаўляе жыццё, эстэтычна сузірае прыгажосць навакольнай прыроды. Але разам з тым яго хвалюе хуткаплыннасць быцця, ён па-філасофску задумваецца над гэтай праблемай. На думку паэта, сапраўды цаніць жыццё чалавек пачынае, як ні дзіўна, на яго схіле, але нават тады, калі яно ўжо падыходзіць да канца, на гэта здольны не кожны, а толькі той, хто мудры:

I mędrzec, gdy przed nim grób czeluść
otworzy,
Pomyśli: "z tak piękną pobudką,
Jest pełen uroków szlachetnych świat boży,
Lecz na nim żyjemy za krótko [6, s. 103].

У паэзіі Янкі Лучыны знайшло ўвасабленне вобразна-сэнсавае супрацьпастаўленне прыгажосці прыроды і сумнага душэўнага стану лірычнага героя. Сузіраючы маляўнічыя краявіды, лірычны герой паэта непакоіцца, у трывожных прадчуваннях:

Pięknie w koło. – Czar uroczy
Przypomina stare baśnie.
Czemjuż jednak ból mię tłoczy?
Czemjuż smutek wnet nie zaśnie?
[6, s. 103]

Верш "Maj", наадварот, гучыць аптымістычна. Янка Лучына перадае светлыя, віталістычныя настрой і пачуцці, выкліканыя цёплымі майскімі дзянькамі. Паэт умеє сузіраць і радавацца харакству нават тады, калі для шчасця, здавалася б, асаблівых падстаў няма. Прыгожы вясновы пейзаж на нейкі кароткі час, нават хвіліну-другую, прымушае забыцца пра штодзённыя клопаты:

Jak śpiewa gaj, uroczy gaj,
Że przeszła zima.
I w duszy mej na chwilę maj
Choć szczęścia nie ma [7].

У лірычным творы "I szumią i z wiatrem falują jak morze..." па-філасофску роздумна выказваюцца думкі ўжо сталага чалавека, які прызвычаіўся да свайго становішча, задаволены тым, што мае і не прагне большага, хаця і сумуе па нязбытным шчасці. Радасць героя прыносіць хаця б тое, што ён знаходзіцца ў родным і знаёмым асяродку, які крыху прыглушае боль:

Niech niwa ojczysta swą pieśnią ukoi,
Niech szmerem znajomym zagłuszy
Po szczęściu straconem u życia podwoi
Żal gorzki i smutek mej duszy! [7]

Твор "Czarne myśli" Янкі Лучыны таксама вызначаецца філасафічнасцю. Аўтар выказвае свае жыццёвыя погляды на рэчаіснасць. Лірычны герой жадае

спакою, магчымасці вывучаць-даследаваць чалавечыя думкі і памкненні, што з'яўляецца найважнейшым для кожнага творцы. Паэт падкрэслівае імкненне героя да праўды, аднак яе дасягненне можа каштаваць яму жыцця. Праўда ўяўляецца герою вялікай таямніцай:

Ten w prawdy wstąpi kraj tajemniczy,
Kto gotów legnąć w walce dla braci
[6, s. 145].

Янка Лучына ўсведамляе, што жаданні могуць і не спраўдзіцца, урэчаісніцца. Але важна, каб побач заўсёды была песня. Без яе паэт самотны. Ён расчараваўся ў жыцці і сваіх магчымасцях, шкадуе, што не створаны для таго, каб спяваць людзям. Але песня жыве ў яго сэрцы і заўсёды будзе суцяшэннем:

I piosenka moja słabe bierze tony,
Serc bratnich swoim odgłosem nie
zbudzi;
Widzę, niestety, że nie przeznaczony
Śpiewać dla ludzi [6, s. 145].

Паэта хвалявала філасофскае пытанне сэнсу жыцця. Адказ яму на гэтае пытанне дае яго муза, якую ён называе ўслед за Аліг'еры Дантэ, выкарыстоўваючы прыём літаратурнай рэмінісцэнцыі, – Беатрычэ. Сэнсам жыцця для Янкі Лучыны з'яўляецца песня (творчасць), якая ўсведамляецца як крыніца радасці і суму, з'яўляецца натхненнем, самым верным сябрам-таварышам. У творы "Z dziejów życia i pieśni" песня суправаджае лірычнага героя праз усё жыццё, становіцца сведкам яго сталення. З песняй спалучаны вобраз Беатрычэ – Музы, якая прыходзіць у цяжкія хвіліны і дапамагае знайсці выхад са складанай жыццёвай сітуацыі, спазнаць самога сябе і таямніцы свету, выбраць правільны шлях:

"Spójrz! – rzecze pani
W duszę twą z bliska:
W czarnej otchłani
Tam skierka błyska,
Ona przewodnią
W życiu twem całem,
Była pochodnią,
Twym ideałem" [6, s. 96].

Напэўна, пасля таго, як Янка Лучына канчаткова пераканаўся ў немагчымасці надыходу змен, ён стварыў элегію “Na smentarzu”. Лірычны герой знаходзіцца ў ціхім прытулку, далёка ад людскіх турбот. Ён не адчувае сябе тут самотна, а наадварот – прыемна і ўтульна, значна лепш, чым сярод людзей. Адыход у вечнасць уяўляецца паэту канцом усяго, як станючага, так і адмоўнага. Герой па-філасофску ўспрымае хуткаплыннасць жыцця, развітаецца са светам і сваёй надзеяй:

Żegnaj nadzieje! – pomnij, żeś człowiek!
U stopni krzyża tve szczęście złóż!

[6, s. 86]

Верш “Pożegnanie” таксама медытатыўна-роздумны, ён з’яўляецца своеасаблівым падсумаваннем жыцця і нагадвае верш А. Міцкевіча “Połą się łący...”. Абодва паэты на схіле жыцця падводзілі яго вынікі, думалі пра зведанае і перажытае. Найлепшым перыядам для іх з’яўляецца маладосць, якую з сумам аплаквае герой А. Міцкевіча. Герой Янкі Лучыны менш эмацыйны, ён толькі згадвае час сваёй маладосці, развітаецца з ёй і з Радзімай:

Zmuszony was pożegnać, pola, łąki, knieje,
Gdzie wiatr znany z nad Niemna aromaten wieje,
Gdzie tęskne dumki gwarzy sośnina przy jodle,
Ja się o jedną łaskę do Ciebie, Boże, modłę:
Żeby, gdy duch opuści skołatane ciało,
Gdy zastygnie to serce, co Litwę kochało,
Żeby – zwłoki me przyjął cichy na wsi cmentarz,
Gdzie każdy wzgórek mówi: “czy ty mnie pamiętasz,
Gdy młody, pełen siły, z strzelbą na ramieniu,
Przebiegałeś ochoczo z dziesięć mil w promieniu” [6, s. 142].

.....
Połą się łący me czyste, rześiste
Na me dzieciństwo sielskie, anielskie,
Na moją młodość górną i durną,
Na mój wiek męski, wiek kłęski:
Połą się łący me czyste, rześiste...

[8, s. 202]

У гэтых вершах тонка спалучаецца лірычнае і філасофскае. Думкі-развагі паэтаў пра энс жыцця перад сустрэчай з вечнасцю

маюць спавядальна-аўтабіяграфічны характар, з’яўляюцца яскравым адбіткам быцця-змянога і духоўнага вопыту арыгінальных творчых людзей.

Заклучэнне

Янка Лучына – адзін з пачынальнікаў філасофскай лірыкі ў літаратуры Беларусі XIX ст. Ён псіхалагічна і інтэлектуальна заглыбляў верш, прадумана-разважліва выказваў уласныя думкі, назіранні, погляды. Прыкметамі філасафічнасці ў творах паэта з’яўляюцца паглыбленая лірычная самааб’ектывацыя, філасофская медытацыя і рэфлексія, мастацка-вобразныя мадэлі жыцця і свету. Жыццё і свет Янка Лучына бачыў, разумее у дыялектычнай спалучанасці з’яў, ва ўсёй складанасці і супярэчлівасці. Ён па-філасофску асэнсоўваў адвечныя пытанні чалавечага быцця. Як лічыў Янка Лучына, задача паэта заключаецца ў тым, каб сузіраць навакольны свет і яго прыгажосць, даследаваць кожны рух чалавечай душы, спачуваць лёсу грамадства, шукаць шляхі вырашэння складаных жыццёвых праблем, паскараючы іх развязку, – усе гэтыя рысы ўласцівы яго ўласным творам філасофскай скіраванасці. У паэзіі Янкі Лучыны знайшлі ўвасабленне глыбокія сацыяльна-філасофскія думкі, гнасеалагічныя і анталагічныя матывы. Сваёй творчасцю ён стварыў вобраз асобы паэта інтэлектуальнага складу.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Маймин, Е. А.** Русская философская поэзия: поэты-любимудры, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев / Е. А. Маймин. – Москва : Наука, 1976. – 190 с.
2. **Гніпамёдаў, У.** Ад даўніны да сучаснасці: нарыс пра беларускую паэзію / У. Гніпамёдаў. – Мінск : Маст. літ., 2001. – 246 с.
3. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – Москва : Просвещение, 1974. – 509 с.
4. **Гарадніцкі, Я. А.** Думка і вобраз: Праблемы інтэлектуалізму ў сучаснай беларускай лірыцы / Я. А. Гарадніцкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1986. – 120 с.
5. **Михайлов, А. А.** Лирика сердца и разума: О творческой индивидуальности поэта / А. А. Михайлов. – Москва : Сов. писатель, 1965. – 396 с.

6. Poezje Jana Nieśluchowskiego. – Warszawa, 1898. – 156 s.
7. Biblioteka Narodowa (Warszawa). – Zakład rękopisów. – Rękopis 2981 – Korespondencja do A. Walickiego.
8. **Mickiewicz, A.** Poezje. T. 2 : Wiersze z lat 1825–1855. – Kraków, 1927. – 272 s.

Паступіў у рэдакцыю 09.02.2018 г.
Контакты: kruglova_olga92@mail.ru
(Круглова Вольга Валянцінаўна)

Kruglova O. PHILOSOPHICAL PARADIGM OF YANKA LUCHINA'S WORKS.

The article deals with the formation of philosophical poetry from the period of its foundation to the XIX century. The most intensive development of philosophical ideas during

romanticism and positivism periods is traced. The article focuses on Yanka Luchina's attention to philosophical issues: life and death, happiness and unhappiness, place and purpose of man, the meaning of life, the need to implement goals and objectives. A typological parallel between the worlds of imaginative lyrics by Yanka Luchina and Adam Mickiewicz is drawn. In the philosophical poems the author of "Viazanka" collection embodied his own creative credo – thoughtful contemplation and understanding of reality. The article defines the role of Yanka Luchina in the formation and development of philosophical poetry in the literature of the XIX century Belarus.

Keywords: intellectualism, idea, image, self-knowledge, the subconscious, rational and emotional source, lyrics.

УДК 82.02:821.161.1:821.161.3–310“19”

**СПОСОБЫ СУБЪЕКТНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ
И БЕЛОРУССКОЙ МОДЕРНИСТСКОЙ
ПОВЕСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XX ВЕКА**

Е. В. Крикливец

кандидат филологических наук, доцент
Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова

В статье раскрываются основные способы субъектной организации русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в. Проблемы сложных взаимоотношений человека и времени, человека и социальных обстоятельств, человека и государственной системы писатели решают “изнутри” посредством эксплицитного изображения повествователя. В антиутопии происходит расширение границ художественной субъективности нарратора: от констатации фактов до участия в изображаемых событиях и их морально-этической оценки.

Ключевые слова: русская литература, белорусская литература, сравнительно-типологический анализ, модернизм, субъектная организация, повесть.

Введение

Обращение как русских, так и белорусских писателей последней трети XX в. к аллегорическим, метафорическим повествовательным формам, использование неклассических (фантастических, гротескных, неомифологических) способов моделирования реальности, предельная “концентрированность” письма во многом были обусловлены стремлением авторов найти баланс между объективным и субъективным, через частное выразить общее, через иносказание выявить ключевые тенденции эпохи. “Пры гэтым уласна асобасны пачатак (его-самасць творцы), аб’ектыўна захоўваючы сваю аўтаномнасць і першаснасць, на этапе ўключанасці ў сістэму грамадскай камунікацыі ўдала праецыруецца на “матрыцу” апохі і набывае як бы двойны модус свайго функцыянавання. Гэта асабліва заўважна ў фазе рэцэптыўнага зліцця аб’ектыўнага і суб’ектыўнага, асо-

баснага і агульнага, унутранага і знешняга” [1, с. 257].

Опираясь на классификацию, предложенную В. Шмидом [2], рассмотрим приемы субъективации, характерные для русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в. Наиболее репрезентативными здесь представляются произведения с рефлексивной субъективностью.

Основная часть

Эксплицитное изображение диегетического нарратора в повестях 50–70-х гг. XX в. связано с усилением автобиографического начала (прежде всего в лирико-психологической военной повести). Проследив эволюцию модернистской повести в последней трети XX в., можем отметить, что происходит последовательная замена автобиографического диегетического нарратора автодиегетическим.

Герой модернистской повести далеко не всегда тождествен автору или наделен признаками авторской биографии. При этом автор как бы “самоустраняется” из повествования, делегируя свои полномочия рассказчику (очевидцу или участнику событий). С одной стороны, это позволяет сбалансировать субъективное и объективное начала в произведении, с другой – нередко затрудняет выявление авторской позиции, поскольку ракурс изображения – это точка зрения нарратора (одного из персонажей), но не самого автора.

В повестях В. Катаева “Алмазный мой венец” и “Трава забвения” наблюдается своего рода “раздвоение” нарратора – увеличение пространственно-временной дистанции между повествующим и повествуемым “я”. Форма ретроспективного изображения людей и событий, выработанная В. Катаевым, дала возможность “реконструировать” воспоминания, воссоздать их в новом ракурсе, изменить соотношения лиц и предметов, как бы заново смоделировать ситуацию, а не воспроизвести ее такой, какой она запомнилась рассказчику. Это лишает мемуарные в своей основе повести документальной достоверности, разводит во времени две ипостаси диегетического нарратора.

В повести “Святой колодец” способом субъективации (а точнее, десубъективации) нарратора выступает фантасти-

ческая условность сна. Повествователь, путешествующий во сне по Америке и размышляющий о различных вещах, в конечном счете сам начинает представляться условным – проекцией бессознательного.

Использование названных и им подобных приемов субъектной организации модернистской повести привело к упразднению автобиографического нарратора, к замене его героем-рассказчиком, наделенным индивидуальными (отличными от автора) чертами характера, биографией и собственным мировосприятием.

Прием ретроспекции и помещения повествующего и повествуемого “я” в разные временные планы повествования использует и М. Кураев в повести “Ночной дозор”. Герой повести Полуболотов, рассказывая напарнику о своем участии в массовых арестах во время сталинских репрессий, видит себя как бы со стороны. Ожидаемым сюжетным ходом в этом случае была бы моральная переоценка героем своих действий в прошлом, что свидетельствовало бы о его духовной эволюции. Однако, будучи абсолютным продуктом своей эпохи, Полуболотов и в настоящем не усомнился в правильности и справедливости своих поступков. “Зачистки” и смертные казни он по-прежнему рассматривает как целесообразные способы борьбы с врагами народа. Несмотря на временную рассредоточенность, ракурс видения событий героем-рассказчиком не меняется, эксплицитный нарратор представляется целостной личностью.

Наличие в повести двух временных планов повествования (прошлое и настоящее) приводит (так же, как и в повестях В. Катаева) к смене внешней и внутренней фокализации, когда герой-рассказчик выступает в двух ипостасях: то как субъект повествования, то как его объект.

Любопытное сочетание автобиографического и автодиегетического нарратора наблюдается в повести В. Маканина “Голоса”. В повести нет значительных временных лакун, разделяющих повествующее и повествуемое “я”: обе составляющие эволюционируют и трансформируются одновременно. Герой-рассказчик представлен в нескольких ипостасях: происходит переход от рассказчика-ребенка к рассказчику-начинающему литератору и, наконец, к рассказчику-опытному писате-

лю. Герой-ребенок повествует о детских годах; писатель-взрослый вспоминает о своих предыдущих литературных опытах. Но при этом нельзя не отметить, что субъективизация рассказчика как сформировавшегося писателя доминирует над двумя другими ипостасями. Именно этого, взрослого, рассказчика можно сопоставить с фигурой автора-создателя повести, чему способствует совпадение некоторых биографических факторов и мировоззренческих позиций.

Смена приемов фокализации со внутренней (характерной для воспоминаний) на внешнюю обусловлена тем, что повествующее “я” (профессиональный писатель) описывает процесс формирования и становления повествуемого, процесс поиска молодым человеком своего голоса в многоголосии окружающего мира, в коллективном бессознательном, которое, тем не менее, не поглощает героя. В повести прослеживается путь развития нарратора, присутствует попытка зафиксировать момент слияния повествуемого “я” с повествующим.

С точки зрения субъектной организации произведения большой интерес представляет повесть Л. Петрушевской “Время ночь”. В повести словно бы материализована концепция “смерти автора”, выдвинутая исследователями неклассической художественности: о смерти героини-повествовательницы Анны Андриановны мы узнаем уже из эпиграфа. На первый взгляд, нарратором в произведении выступает бабушка, а дочь и внучка Анны являются объектами ее повествования и ее же чудовищной, удушающей любви. Это обусловлено и постоянным стремлением Анны к доминированию, к желанию контролировать всех и вся (вариант домашнего «тоталитаризма»). Анна ревнует дочь и сына к их возлюбленным, поскольку, вступая в личные отношения, часть своего времени, любви и внимания дети отдают ей.

Но, внимательно вчитавшись в текст повести, можно заметить, что бабушка, мать и дочь представляют собой точные копии друг друга, их модель семейного поведения повторяется из поколения в поколение: Анна точно так же терзает свою дочь Алену, как прежде тиранила ее мать Сима. Даже тесная эмоциональная связь внуков с бабушкой, а не детей с матерью

повторяет предшествующий опыт Анны: Алена всегда была ближе и откровеннее с бабушкой Симой, а не с матерью. Семейная тирания нескольких поколений будто идет по кругу, и никто не пытается сделать выводов из совершенных ошибок, разорвать этот порочный круг.

Единство места действия – жизненно-го пространства, объединяющего все поколения, – наталкивает на размышления о возможных признаках жанра идиллии в произведении. Однако хронотоп “родового гнезда”, воплощенный в старой двухкомнатной квартире, где никому и никогда не удавалось уединиться, демонстрирует не эволюцию поколений, вышедших из этого гнезда, а, скорее, стирает грани и различия между ними. Присмотревшись, можно обнаружить, что перед нами не нарратор (Анна) и объекты его повествования, а единый женский образ, представленный в трех возрастных ипостасях (от раннего детства до глубокой старости и смерти), то есть происходит в определенном смысле слияние субъекта и объектов повествования в циклическом движении времени.

Прием монтажа выполняет в прозе В. Маканина и сюжетообразующую, и композиционную функции. В повести “Река с быстрым течением” данный прием использован как способ субъективации. В несобственно-прямой и внутренней речи героя повести Игнатьева происходит смещение ракурса точки зрения. Если изначально герой как бы наблюдает и описывает со стороны явления и события окружающей действительности, то в определенный момент он начинает видеть и описывать себя в контексте этой действительности. Эпизоды произведения, в которых герой наблюдает происходящее извне (внешняя фокализация) и в которых герой осмысливает себя внутри того, о чем размышляет или повествует (внутренняя фокализация, промаркированная местоимением “себя”), представляются смонтированными частями (“кадрами”) общего сюжета повести.

Жанровая форма антиутопии оказалась изоморфной целям и задачам модернистской прозы, ее эстетическим принципам. Антиутопия отличается своими вполне определенными способами субъектной организации произведений.

Так, повествователь в антиутопии, как правило, изображен эксплицитно, он является очевидцем и участником событий. Инварианты организации повествования и развития сюжета зависят от степени и способов рефлексии повествователя, его эмоциональной и морально-этической оценки изображаемых событий. В связи с обязательным наличием в антиутопии рефлексивной субъективности повествование (за редким исключением) ведется в монологической форме от лица героя-рассказчика (эта форма может быть представлена письмами или дневниковыми записями героя).

В повести Л. Петрушевской “Новые Робинзоны” повествование ведется от лица восемнадцатилетней девушки, которая вместе с родителями совершила побег от цивилизации. Рассказчица излагает события максимально беспристрастно и безэмоционально, словно констатируя факты. Ввиду такой специфики повествования остальные герои повести, да и сама рассказчица представлены довольно схематично, они лишены индивидуальных психологических особенностей и черт характера. Несомненно, такой схематизм используется Л. Петрушевской намеренно: в условиях экологического и социального кризиса человек утрачивает личностные качества и остается функцией (добыча пропитания, продолжение рода и т. д.).

Расширение границ художественной субъективности наблюдается в повестях А. Курчаткина “Записки экстремиста” и А. Кабакова “Невозвращенец”. Герои названных произведений уже не просто фиксируют события, а принимают в них непосредственное участие, реализуясь как активный субъект и повествования, и действия.

Так, герой-рассказчик повести “Записки экстремиста” представляется личностью с активной жизненной позицией: ему удастся организовать людей на демонстрацию во имя идеи строительства метро, а позже и вовсе уйти с единомышленниками под землю, дабы самостоятельно осуществить строительство. Однако, что нередко случается, идея, поглотившая героя, оказывается губительной и для него, и для остальных последователей этой идеи.

Юрий Ильич, герой повести А. Кабакова “Невозвращенец”, принимает решение остаться в будущем. Это решение становится прямым следствием нравственной и социальной оценки, которую герой дает событиям в настоящем. А значит, он уже не просто хроникер и даже не только участник событий, но личность, своим поступком вынесшая вердикт своему времени.

Модель тоталитарного общества создает белорусский прозаик В. Гигевич в повести “Карабель”. В социальном устройстве корабля прослеживаются признаки “классической” антиутопии. Это четко иерархически организованное общество, жизнь которого регламентирована запретами и поощрениями. Работу этой системы мы видим, как это и свойственно антиутопии, изнутри – глазами командира Ёха. Ёх достиг вершины социальной иерархии – стал хозяином корабля, – однако не перестал быть “винтиком системы”: за ним наблюдает Большой Совет. Жертвы, которые ему пришлось принести на пути к власти (погубленные им родители, погубленная любовь к Альмине), оказались напрасными. Однако Ёх вершит моральный суд не только над системой, но, прежде всего, над самим собой. Рассказчик признается в предательстве самого себя, своих лучших человеческих качеств и порывов, которые он погубил, стремясь к мифической власти. В повести звучит тема личной ответственности человека, выбравшего подчинение системе и обстоятельствам, принесшего в жертву свои личные чувства и потребности, за свои поступки и за итог своей жизни. Предупреждение, содержащееся в повести В. Гигевича, относится не столько к идеологической, социальной сфере, сколько к сфере нравственного выбора и моральной ответственности.

Заключение

Таким образом, проблема сложных взаимоотношений человека и времени, человека и социальных обстоятельств, человека и государственной системы решается в русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в. “изнутри”, посредством эксплицитного изображения повествователя. Доминирующим типом нарратора становится автодигетический (повествующее “я” утрачивает тожде-

ственность с автором). Нередко писатели прибегают к приему смены внешней и внутренней фокализации, когда рассказчик одновременно является и субъектом, и объектом повествования.

Прослеживая эволюцию повести-антиутопии в последние десятилетия XX в., можно выявить расширение границ художественной субъективности нарратора: от констатации фактов до участия в изображаемых событиях и их морально-этической оценки.

Жанр повести позволил писателям отразить события недавней истории и современности через частные судьбы свидетелей и участников этой самой истории. Жестокость и абсурдность мира проявляются на “стыке” личных биографий и исторического пути государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Максімовіч, В. А.** Беларускі мадэрнізм у славянскім кантэкście / В. А. Максімовіч // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка : XIV Міжнар. з’езд славістаў (Охрыд, 2008): дакл. бел. дэлегацыі / рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск, 2008. – С. 253–266.
2. **Шмид, В.** Нарратология / В. Шмид. – Москва, 2003. – 312 с.

Поступила в редакцию 14.04.2018 г.

Контакты: kriklivec@mail.ru

(Крикливец Елена Владимировна)

Kriklivets E. THE METHODS OF THE SUBJECT ORGANIZATION OF THE RUSSIAN AND BELARUSIAN MODERNIST NOVEL IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY.

The article reveals the main ways of the subject organization of the Russian and Belarussian modernist novel in the second half of the twentieth century. The writers solve the problem of complex relationships between man and time, man and social circumstances, man and state system “from within” through an explicit depiction of the narrator. In the anti-utopia the boundaries of the artistic subjectivity of the narrator expand from ascertaining the facts to participation in the depicted events and their moral and ethical evaluation.

Keywords: russian literature, belarusian literature, comparative analysis, modernism, subject organization, novel.

УДК 811.13

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ МЕДИЦИНСКОЙ ЭСТЕТОЛОГИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Д. А. Данилец

аспирант

Международный гуманитарный
университет (Одесса, Украина)

Данная статья является очередным шагом автора, ведущим к описанию и систематизации терминологии медицинской эстетиологии. Анализ лексического инвентаря данного языка профессионального общения во французском языке позволяет в компаративном плане (с его уже имеющимися характеристиками в немецком и польском языках) сделать вывод об универсалиях и асимметричности в его развитии. Исследование корпуса терминосистемы медицинской эстетиологии проводилось посредством количественно-качественных методов с целью выявления морфосемантических закономерностей ее формирования.

Ключевые слова: терминология, медицинская эстетиология, французский язык, морфологический анализ, деривация.

Введение

Говоря о морфологическом строении (т. е., прежде всего, о деривационных процессах) современной терминологии медицинской эстетиологии французского языка, являющимся одним из формообразующих принципов ее архитектоники, мы должны отметить существующие разногласия приверженцев разных грамматических школ в функционировании морфологических теорий. Так, например, генеративная трансформационная грамматика Chomsky придерживается точки зрения существования смешанной модели лексикона, т. е. лексикона как комплекса морфем и лексем (словоформ), тем самым редуцируя морфологическую продуктивность ряда отглагольных имен существительных [1, с 184–221]. Аналогичный эффект влекут за собой разногласия ряда романистов относительно деривационного характера непосредственно французского языка: так Ullmann [2, с 126–127] констатирует его ар-

битарность, изолированность и неразложимость, в то время как Pichon [3], Dubois [4], Mitterand [5], частично или полностью, придерживаются наличия конкретных деривационных способов и системы как таковой. Поэтому с целью минимизации статистической погрешности изложенного в данной статье материала методология и анализ проведенного исследования базировались на классических структуралистических принципах, однако в русле универсальной грамматики, рассматривая генеративные учения, описанные выше, как один из возможных последующих/вторичных этапов дальнейшей экспликации данного терминологического инвентаря.

В качестве источников материала привлекались термины печатных и интернет-изданий франкоязычной научной литературы, тем самым был составлен корпус в 606 токенов (т. е. терминологических единиц). Описательный (количественный и качественный), сравнительно-сопоставительный методы, анализ словарных дефиниций позволили раскрыть словообразовательные и семантические связи исследуемой терминосистемы, различия и сходства некоторых пар и рядов терминов со стороны их значений и употреблений. Так как язык профессионального общения в области медицинской эстетиологии до сих пор не был предметом исследований и сохраняет по-прежнему свою новизну и актуальность, изучение данной области ведет к развитию лексикографической практики и техники.

О новизне исследования свидетельствует наличие в большей степени дедуктивных подходов совокупной характеристики французского языка таких ученых, как Frank Paulikat [6]; Georgette Dal [7]; Anne-Laure Jousse [8]; Wiecher Zwanenburg [9] и др., что позволяет индуктивным способом достичь результата в создании инновационного четырехязычного (немецко-польско-французско-украинского) лексикона и разработке принципов представления терминологии (в многоязычном словарном описании).

Из проанализированного корпуса, представленного 606 (100%) терминологическими единицами, вытекает следующее процентное соотношение: наиболее продуктивными являются синтаксические

структуры (т. е. терминологические синтагмы, напр.: *lipoaspiration abdominale isolée, amplification du point G* и др.) в объеме 322 (53,13%) единиц; следующий по частотности способ образования – композитум – представлен 179 (29,53%) терминами (напр.: *microlipoinjection, laserabrasion* и т. п.); аффиксация – 52 (8,58%) единицы, включая 28 (4,62%) суффиксально и 6 (0,99%) циркумфиксально образованных

и 18 (2,97%) – путем нулевой аффиксации (напр.: *comblement, redrapage, glabellé(0)* и др.); аббревиация присутствует в числе 12 (1,98%) единиц (напр.: *PRP* (Plasma Riche en Plaquettes), *PDO* (Polydioxanone) и т. д.); неассимилированные иноязычные заимствования в объеме 41 (6,76%) терминов имеют гетерогенный характер их первичного образования (напр.: *blanching, microneedling, Brazilian Butt Lift* и др.).

Таблица 1 – Способы образования терминов медицинской эстетологии во французском языке

Морфологический способ						Синтаксический способ	Иноязычные заимствования	Всего
композиция	Деривация				Аббревиация	Терминологические синтагмы		
	Префиксация	Суффиксация	Циркумфиксация	Нулевая деривация/аффиксация				
179 (29,53%)	—	28 (4,62%)	6 (0,99%)	18 (2,97%)	12 (1,98%)	322 (53,13%)	41 (6,76%)	606 (100%)

На достоверность вышеприведенных данных указывают результаты исследования Vlasta Křečková [10, с. 61–70] о тенденциях терминологической неологии современного французского языка.

Основная часть Синтаксический способ терминообразования

Преобладание синтаксического способа образования терминологии медицинской эстетологии в виде синтагм, т. н. *termes-syntagmes*, (т. е. 53,13% от общего количества) коррелирует с принадлеж-

ностью французского языка к романской группе языков, в то время как представители германской группы склонны к композиции [11, с. 21].

В результате структурного анализа моделей построения многокомпонентных терминов было выявлено, что 68,01% от их числа составляют двухкомпонентные образования с атрибутивной связью, 21,73% – трехкомпонентные, 8,07% – четырехкомпонентные, 2,17% – оставшиеся более громоздкие образования с преимущественно тесными структурно-семантическими отношениями.

Таблица 2 – Структура терминологических словосочетаний

Структура терминологических словосочетаний	2-компонентные	3-компонентные	4-компонентные	5-8-компонентные
Процентное соотношение	68,01%	21,73%	8,07%	2,17%
Количество единиц	219	70	26	7: 5K – 5 6K – 1 8K – 1
Примеры	<i>peeling moyen; augmentation mammaire; dermatologie esthétique</i>	<i>lifting des seins; lumière intense pulsée; génétioplastie de soustraction</i>	<i>indice de masse corporelle; greffe de tissu gras</i>	<i>liposuction du Mont de Vénus; voie d'abord péri-aréolaire inférieure</i>
Всего	322 (100%)			

**Двухкомпонентные
терминологические синтагмы**

Среди 219 (100%) двухкомпонентных терминологических сочетаний выделяют-

ся две модели их образования: адъективная [N + Adj] (216 (98,637%) и генитивная [N + N] (3 (1,36%)).

Таблица 3 – Структура 2-компонентных терминологических словосочетаний

Структура	N + N	N + Adj
Процентное соотношение	1,36%	98,63%
Количество единиц	3	216
Примеры	<i>laser CO₂ (= laser au dioxyde de carbone)</i>	<i>toxine botulique; lifting temporal; plastie abdominale; simulation 3D (=tridimensionnelle)</i>
Всего	219 (100%)	

Так, среди двухкомпонентных терминов наиболее частотной (т. е. 216 единиц (98,17%)) является структурная организация терминов-словосочетаний, в основу которых легли базовые термины и их адъективные дериваты. Примерами модели субстантивно-адъективных синтагм – N + Adj – выступают следующие терминологические единицы: *rhinoplastie externe, lifting brésilien, blépharoplastie transconjonctivale, labiaplastie longitudinale* и др. Данный тип построения термина отличает его стабильность, поэтому вариативность Adj + N с примером, как *dual plan*, представляется единичной. Возможные разногласия о том, что ряд определительных компонентов анализируемых синтагм с окончаниями -é, -ée, как в *laser fractionné, l'approche fermée* и др., имеет форму причастий (*participle passé*), однако не выделяется отдельной моделью, объясняется тем, что согласно грамматическим канонам французского языка в номинальных конструкциях причастие приобретает грамматическую категорию качественного прилагательного, т. е. детерминативность [12, с. 635].

Невыразительно представлена субстантивная модель N + N (1,36%), единичными примерами которой являются комбинации базового термина – существительного и его атрибута в виде аббревиации химического элемента или его полного наименования, напр.: *laser CO₂, laser Erbium*.

Трехкомпонентные терминологические синтагмы

Модели формирования трехкомпонентного термина поддаются делению на распространенные атрибутивные конструкции, сформированные посредством предложного, адъективного и participiального видов синтаксической связи. Стратифицируя общий объем трехкомпонентных терминологических синтагм (т. е. 70 единиц (100%)), мы обнаруживаем предложные средства выражения субстантивных структур типа N + Prép + N у 47 терминов (69,11%), продуктивность модели N + Adj + Adj у 22 единиц (29,41%), participiально-адвербиальная модель представлена единичным случаем.

Таблица 4 – Структура 3-компонентных терминологических словосочетаний

Структура	N + Prép + N	N + Adj + Adj / N + Adv + Adj	N + Part + Adv
Процентное соотношение	69,11%	29,41%	1,47%
Количество единиц	47	22	1
Примеры	<i>peeling au laser; agrandissement des lèvres; l'occidentalisation des paupières</i>	<i>lifting malaire concentrique; la voie d'abord sous-mammaire</i>	<i>liposuccion assistée mécaniquement</i>
Всего	70 (100%)		

Модель мотивации предложных конструкций типа N + Préп + N представляется на примере таких терминов, как: *l'implantation des cheveux*, *lipolyse par injection*, *peeling au phénol*, *lift en S* и др. Характерной закономерностью является наличие преимущественно производных предлогов, т. н. *prépositions non dérivées / prépositions par nature*: *par*, *à*, *en* и преобладание генитивной конструкции *de*. Данная тенденция коррелирует с наблюдениями Hélène Stoye [13, с. 233–234] о продуктивности французских предлогов, выполняющих грамматическую функцию и выступающих в роли поливалентных коннекторов.

Уступающая вышеописанной в более чем два раза по производительности модель трехкомпонентных терминологических синтагм N + Adj + Adj обладает не менее значимой функциональностью в рамках терминологического инвентаря медицинской эстетологии, примерами которой выступают *lipectomie abdominale circulaire*, *implant mammaire anatomique*, *technique verticale pure* и т. п. По анало-

гичному принципу в данной группе терминологических единиц присутствуют частично партиципальные конструкции, обладающие свойствами и функциональностью качественных прилагательных, напр.: *filis crantés résorbables*, *lipoaspiration abdominale isolée* и т. п.

Единичным случаем, когда причастие сохраняет свои грамматические качества, стала партиципально-адвербиальная модель типа N + (Part + Adv)_{epith} на примере *liposuccion assistée mécaniquement*.

Четырехкомпонентные терминологические синтагмы

С увеличением количества составляющих терминологических синтагм редуцируется их объем, что усложняет процесс выявления релевантных для дериватологического процесса исследуемой терминосистемы закономерностей. Из имеющихся 26 (100%) четырехкомпонентных терминологических синтагм наибольшая продуктивность характерна для модели N + Préп + N + Adj (и ее вариаций), т. е. 16 терминов (61,53%). Оставшиеся модели носят второстепенный характер.

Таблица 5 – Структура 4-компонентных терминологических словосочетаний

Структура	N + Préп + N + Adj - 14 N + Préп + Adj + N - 3	N + Adj + Préп + N - 4 N + Part + Préп + N - 2	N + Préп + N + N	N + Adj/Adv + Adj + Adj Adj + N + Préп + N
Процентное соотношение	61,53%	19,23%	11,53%	7,69%
Количество единиц	16	5	3	2
Примеры	<i>augmentation du sexe masculin;</i> <i>correction de la paroi abdominale;</i> <i>greffe de tissu graisseux</i>	<i>liposuccion assistée par ultrasons;</i> <i>liposuccion assistée par laser</i>	<i>l'amplification du point G</i>	<i>la voie d'abord péri-aréolaire inférieure;</i> <i>mini redrapage du ventre</i>
Всего	26 (100%)			

Оставшиеся пяти- (*technique de la haute tension supérieure* (N + Préп + Adj + N + Adj); *correction de l'aréole du sein* (N + Préп + N + Préп + N); *liposuccion du Mont de Vénus* (N + Préп + N + Préп + N) и др.), шести- (*lifting du bras avec incision longitudinale* (N + Préп + N + Préп + N + Adj) и восьмикомпонентные (*lifting du bras avec incision horizontale dans l'aisselle* (N + Préп + N + Préп + N + Adj + Préп + N) термины представляют меньшую фреквенцию (т. е. в 7 единиц). Так как большинство терминов медицинской эстетологии, особенно

их многокомпонентные лексико-семантические варианты, не включаются в словари, степень их терминологичности определяется посредством синтаксической стабильности относительно частотности их употребления в научной литературе. Это экзemplифицируют вышеуказанные шести- и восьмикомпонентные термины, имеющие общую структуру, т. е. *lifting du bras avec incision + Adj + ...*, которая модифицируется не посредством изменения синтаксической конструкции, а посредством ее атрибутивного расширения, что

повышает степень дефинированности термина.

**Морфологический способ
терминообразования
Словосложение**

Во избежание многозначности классификаций и дефиниций композиций в исследуемом корпусе под композитами следует считать структурно-графическую монолитность словосложения (т. е. орфографически-редуцированные от иных синтагм терминообразования), что позволяет говорить не только о терминологическом, но и о лексикографическом подходах в изучении данной терминосистемы. Более того, принято считать, что неоклассический научный тип словосложения является преобладающим в классических областях знаний [14, с. 110–112], например, таких

как медицина. Поэтому причиной отнесения конфиксального способа терминообразования к словосложению является семантическая автономность формантов.

Деривационная продуктивность проанализированных терминов, композиционный тип которых составил 179 (100%) единиц, указывает на следующие закономерности при словосложении: так, преобладающим является конфиксальный способ образования (префиксоидный – 115 единиц (64,24%); суффиксоидный – 6 единиц (3,35%); префиксоидно-суффиксоидный – 28 единиц (15,64%); следующей по объему группой становятся субстантивные детерминативные (определятельные) композиции – 21 единица (11,73%); менее продуктивной стала модель адъективных детерминативных словосложений – 9 единиц (5,02%).

Таблица 6 – Структура субстантивных детерминативных композитов

Структура	Конфикс			N+N	Adj+N
	Pré-	Post-	Pré-/Post-		
Процентное соотношение	64,24%	3,35%	15,64%	11,73%	5,02%
Количество единиц	115	6	28	21	9
Примеры	<i>photorajeunissement; lipopénosculpture</i>	<i>canthopexie</i>	<i>mastopexie</i>	<i>nymphoplastie</i>	<i>adipo-gynécomastie</i> (← gynécomastie adipeuse)
Всего	179 (100%)				

В основу конфиксальной модели легли три типа ее образования:

– префиксоидный: [*lipo*^{Préf.}- [*plastie*^N]], [*micro*^{Préf.}- [*injection*^N]], [*photo*^{Préf.}- [*modulation*^N]], [*électro*^{Préf.}- [*coagulation*^N]], [*méso*^{Préf.}- [*fil*^N]] и др.

– суффиксоидный: [[*volum*^N]-(*m*)*étrie*^{Suff.}], [[*bich(at)*^N]-*ectomie*^{Suff.}] и т. п.

– префиксоидно-суффиксоидный: [*lipo*^{Préf.}- [*mérie*^{Suff.}]], [*tricho*^{Préf.}- [*gramme*^{Suff.}]] и т. д.

По деривационной модели субстантивных детерминативных композиций, типа N + N, были образованы следующие термины: [[*septo*^N]-*plastie*^N]]; [[*carboxy*^N]-*dioxyde de carbone*]-*thérapie*^N]]; [[*pén*^N]-*plastie*^N]]; [[*platysma*^N]-*plastie*^N]] и др.

Среди адъективных детерминативных терминов-композиций, типа Adj + N, были выявлены такие единицы, как: [[*abdomin*^{Adj}]-*o*^{Int.}]-*plastie*^N]] (*plastie*

abdominale); [[*gluté*^{Adj}]-*o*^{Int.}]-*plastie*^N]] (*plastie glutéale*); [[*clitorid*^{Adj}]-*o*^{Int.}]-*plastie*^N]] (*plastie clitoridienne*) и т. п.

Компаративный анализ позволяет отметить, что наличие интерфиксов при словосложении, как в славянских и ряде германских языков, французскому языку нетипично, что сопоставимо с паратаксистическим видом связи. Единственным случаем, когда это прослеживается, является т. н. “научная” композиция (*dérivation savante*) [15, с. 12], компонентами которой являются неоклассические (т. е. греко-латинские) форманты [16, с. 10–11, с. 262–263]. В данном случае связывающим компонентом могут служить интерфиксы *-i-* и *-o-*. Нашедшим широкое распространение в корпусе считается лишь второй: *canthoplastie*; *pénoplastie* и др.

Морфологическая деривация

Таблица 7 – Способы морфологической деривации

Структура/Способ образования	Префиксация	Суффиксация	Циркумфиксация	Нулевая деривация/аффиксация
Процентное соотношение	-	53,84%	11,53%	34,61%
Количество единиц	-	28	6	18
Примеры	-	<i>thermage;</i> <i>remplissage;</i> <i>adiposité</i>	<i>éveinage</i>	<i>ptôse;</i> <i>glabelle;</i> <i>coque</i>
Всего	52 (100%)			

Способом морфологической деривации (т. е. посредством суффиксации, циркумфиксации и нулевой аффиксации) образовано 52 (8,58%) терминологические единицы из присутствующих 606 (100%). К суффиксально образованным относится 28 терминов, например, таких как: *gommage* (дér. de *gommer*; suff. -age); *comblement* (дér. de *combler*; suff. -ment); *purification* (дér. de lat. *purificare*; suff. -tion); *épluchage* (дér. du rad. de *éplucher*; suff. -age) и др. Несмотря на то что анализ и определение деривационной модели проходили в соответствии с ведущими лексикографическими справками (TLFi – Trésor de la Langue Française informatisé; Dictionnaire de l'Académie française; BHVF – Base Historique du Vocabulaire Français; Larousse; FranceTerme и др.), существует возможность в разногласиях конечной принадлежности терминологической единицы к тому или иному способу ее образования. Так, согласно вышеуказанным источникам к этой же (суффиксальной) группе были отнесены и комбинаторные модели, имеющие в своем составе префикс: *rajeunissement* (дér. de *rajeunir*; suff. -ment); *remaillage* (дér. de *remmailer*, suff. -age); *remodelage* (дér. de *remodeler*, suff. -age) и т. д.

Циркумфиксация как комбинация префикса и суффикса является формообразующей для 11,53% морфологически образованных терминов. Ярким примером выступает наименование одной из тактик операционного лечения: *éveinage* (дér. de *veine*, préf. é-, suff. -age).

Говоря о вышеописанных моделях морфологической деривации, не исключая словосложения и многокомпонентных терминологических синтагм, мы должны подтвердить наличие тенденции формирования т. н. девербативов – т. е. *nomina actionis*, что характерно для языков про-

фессионального общения. Данные словообразовательные процессы осуществляются во французском языке при помощи таких суффиксов, как: -age, -ment, -tion, -ure, -aison, -ison, -oison и пр. Так, только на долю первых трех наиболее частотных суффиксов приходится 19,3% (117: 23 – -age; 13 – -ment; 81 – -tion) терминологических единиц от общего объема корпуса (606).

Группа нулевой деривации (*morphème zéro* / *signifiant zéro*, т. е. $\emptyset$) претерпела минимальное воздействие французского языка на морфологическом уровне. Тем не менее данные термины представляют полностью ассимилированные единицы неоклассического происхождения: *ptôse* (du gr. ancien πτω σις, *ptôsis*), *glabelle* (du lat. *glabellus*), *coque* (du lat. *impérial coccum*) и др.

Аббревиация

Согласно результатам одного из компаративных исследований Sylvie Monin относительно наличия и частотности медицинского терминообразования посредством аббревиации следует, что французский язык в меньшей мере в отличие от английского прибегает к аббревиации [17, с. 29-53]. Это объясняется стремлением минимизации процессов полисемии и межъязыковых омонимов и др. Так, из существующего корпуса терминов медицинской эстетики (606 единиц) с имеющимися 1,98% (12) сокращениями следует аналогичный вывод, подтверждаемый присутствием немногочисленных терминов в виде буквенных аббревиатур: *PRP* (*Plasma Riche en Plaquettes*), *PDT* (*photothérapie dynamique*), *LVPA* (*lifting vertical profond antérieur*) и др.

Займствования как способ терминологического образования

Согласно общелингвистическим тенденциям инвазии иноязычных заимствований в области современных терминосистем обоснованным является и их присутствие во французской терминологии медицинской эстетики. Однако наличие таких исследовательско-административных структур, как: la Commission du langage médical de l'Académie nationale de médecine; la Commission de terminologie et de néologie du langage médical (la Commission générale de la langue française sous l'autorité de l'Académie française); le Comité d'étude des termes médicaux français служит аргументацией существующим статистическим данным (т. е. 6,76% от имеющегося корпуса в 606 терминологических единиц). Компаративный анализ данной терминологии с действующими аналогичными немецко- и польскоязычной свидетельствует о продуктивности работы вышеуказанных органов и о существенном преобладании заимствований в двух последних языках (т. е. немецкий – 12, 32%; польский – 11, 24%).

Этимологический анализ 41 заимствованной (неассимилированной) терминологической единицы указывает на их англоязычное происхождение. Интеграция именно англицизмов объясняется их относительной краткостью, гибкостью и экономичностью языка-потребителя [18, с. 50–56]. Относительно невеликая доля их присутствия в имеющейся терминологии связана с предшествующим влиянием латыни и галлицизмов на формирование современного английского языка.

Так было заимствовано: 8 суффиксально-префиксально образованных единиц (*lifting*, *filler*, *stripping*, *microneedling*, *resurfacing* и др.); 13 словосложений (*facelift*, *soft-lifting*, *lipofilling*, *MASK-LIFT*, *photolifting*, *V-lift*, *bodylift* и т. д.); 11 аббревиаций (*FUE* (Follicular Unit Extraction), *FUT* (Follicular Unit Transplantation), *IPL* (Intense Pulsed Light = lumière intense pulsée), *PAL* (*Power assisted liposuction*) и т. п.); 8 многокомпонентных терминологических синтагм (*skin boosters*, *HIFU lifting*, *Brazilian butt lift* и др.) и 1 основа, т. е. с нулевым аффиксом (*punch*).

Заключение

Таким образом, из анализа статистических данных следует, что наибольшая продуктивность при образовании терминологических единиц в области медицинской эстетики в современном французском языке характерна синтаксически образованным многокомпонентным терминам (53,13%). Это объясняется структурой языка (с его склонностью к аналитическому полисинтезизму), которая посредством препозициональных номинаций [19, с. 35–36] и иных формообразований преобладает над следующей по объему группой терминологических композитов (29,53%). Характерным отличием для данной терминосистемы является относительно низкий процент наличия неассимилированных заимствований во французском (6,76%), присутствие которых в немецком и польском языках той же терминологии возрастает вдвое.

Немаловажным является и фактор долгой (лидирующей по европейским меркам) традиции формирования языковых политики и планирования, которые предполагают меры по пресечению англификации языка, создание терминологических комиссий и т. п. [20, с. 43–47].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Chomsky, N.** Remarks on Nominalization / Noam Chomsky // Readings in English Transformational Grammar. – 1970. – p. 184–221.
2. **Ullmann, S.** Précis de sémantique française / Stephen Ullmann – Berne: Francke (Bibliotheca Romanica), 1952. – 334 p.
3. **Pichon, E.** Les principes de la suffixation en français / Edouard Pichon – Paris: Éditions d'Artrey, 1942. – 77 p.
4. **Dubois, J.** Étude sur la dérivation suffixale en français moderne et contemporain / Jean Dubois – Paris: Larousse, 1962. – 118 p.
5. **Mitterand, H.** Les mots français / Henrie Mitterand – Paris: Presses universitaires de France, 1963. – 128 p.
6. **Paulikat, F.** Wortbildung des heutigen Französisch (Romanistische Arbeitshefte, Band 66) / Frank Paulikat – Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, 2017. – 232 S.
7. **Dal, G.** La fréquence en morphologie: pour quels usages? / Georgette Dal, Fiammetta Namer // Langages. – 2015. – 1 (N° 197). – p. 47–68.

8. **Jousse, A.-L.** Dérivation sémantique et morphologique de termes, analyse en corpus spécialisé et modélisation au moyen des fonctions lexicales / Anne-Laure Jousse – Maine/Montréal: Université du Maine/Université de Montréal, 2002. – 109 p.
9. **Zwanenburg, W.** Productivité morphologique et emprunt (Linguisticæ Investigationes Supplementa 10) / Wiecher Zwanenburg. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1983. – 199 p.
10. **Křečková V.** Les tendances de la neologie terminologique en français contemporain / Vlasta Křečková // Sborník Prací Filozofické Fakulty Brněnské Univerzity. Studia Minora Facultatis Philosophicae Universitatis Brunensis. – 1997. – L. 18. – p. 61–70.
11. Recommandations relatives à la terminologie. Conférence des Services de Traduction des États européens (3ème édition, entièrement révisée en collaboration avec la Section de terminologie de la Chancellerie fédérale suisse) / Judith Zaugg. – Berne: CST – Conférence des Services de traduction des États européens. Groupe de travail "Terminologie et documentation", 2014. – 121 p.
12. **Colombat, B.** Métalangage et terminologie linguistique: actes du colloque international de Grenoble (Université Stendhal-Grenoble III, 14-16 mai 1998) / Bernard Colombat, Marie Savelli. – Louvain/Paris: Peeters, 2001. – 1086 p.
13. **Stoye, H.** Les connecteurs contenant des prépositions en français: Profils sémantiques et pragmatiques en synchronie et diachronie (Beihefte zur Zeitschrift für romanische Philologie 376) / Hélène Stoye. – Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, 2013. – 494 p.
14. **Kallel, R.** La créativité lexicale dans la langue de la médecine / Raoudha Kallel // Initial(e)s. – 1999. – Vol. 18. – p. 106-127.
15. **Elshorbagy, F.** Fugenelemente der deutschen Komposita: Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie (Dr. phil.) durch die Philosophische Fakultät der Heinrich-Heine-Universität Düsseldorf / Fathy Elshorbagy. – Düsseldorf, 2007. – 163 S.
16. **Dubois, J.** La Dérivation suffixale en française / Jean Dubois, Françoise Dubois-Charlier. – Paris : Nathan Université, 1999. – 303 p.
17. **Monin, S.** La siglaison en langue médicale et problèmes de traduction / Sylvie Monin // Actes du 14e colloque du GERAS. La langue de spécialité, contraintes et libertés. – 1993. – № 2. – p. 29–53.
18. **Chebouti, K.** Le vocabulaire médical du point de vue des trois fonctions primaires: Thèse de doctorat pour obtenir le grade de docteur de l'Université Paris 13 en sciences du Langage / Karim Chebouti. – Paris, 2014. – 304 p.
19. **Stein, A.** Nominalgruppen in Patentschriften: Komposita und prädikative Nominalisierungen im deutsch-französischen Vergleich (Linguistische Arbeiten) / Achim Stein. – Tübingen : Niemeyer, 1993. – 135 S.
20. **Schmitt, C.** Bemerkungen zur Sprachplanung im zeitgenössischen Frankreich / Christian Schmitt // Sprache und Identität in frankophonen Kulturen. Langues, identité et francophonie. Frankreich-Forum. Jahrbuch des Frankreichzentrums der Universität des Saarlandes. Band 4/2001-2002. – Springer Fachmedien Wiesbaden, 2003. – S. 43-62.

Поступила в редакцию 12.02.2018 г.
Контакты: danilets.daniil@gmail.com
(Данилец Даниил Александрович)

Danilets D. DERIVATION OF THE TERMS OF FRENCH MEDICAL AESTHETOLOGY.

The article is the author's next step in the description and systematization of the terminology of medical aesthetology. The analysis of the lexicon of this professional sublanguage helps to define its universals and asymmetry in a comparative way (with its available characteristics in German and Polish languages). The study of the corpus of medical aesthetology was carried out by means of quantitative and qualitative methods with the purpose of revealing morphosemantic regularities of its formation.

Keywords: terminology, medical aesthetology, french, morphological analysis, derivation.

УДК821.161.1(091)

У ИСТОКОВ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ: ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ А. С. ПУШКИНА

М. С. Чернова

кандидат филологических наук, доцент
Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматривается метод оценки А. С. Пушкиным литературных явлений. Отмечается связь его литературно-теоретических суждений с европейской философско-эстетической мыслью эпохи. Анализируются эτικο-эстетические принципы трактовки понятия народности. Доказывается, что историко-литературные опыты Пушкина нашли развитие в трудах представителей русской культурно-исторической филологической школы.

Ключевые слова: история русской литературы, литературная критика, литературоведение, А. С. Пушкин, А. Н. Пыпин, историзм, народность, культурно-историческая филологическая школа.

Введение

В творческом наследии А. С. Пушкина нет объемных литературно-теоретических трудов. Тем не менее 160 работ, в число которых входят не только опубликованные, но и незавершенные материалы, черновые наброски, полемические заметки, являются свидетельством того, что о литературе – ее тенденциях, национальных особенностях, целях и задачах – поэт размышлял на протяжении всей своей творческой жизни. Первый пушкинский опыт анализа литературного явления был предпринят в 1815 г., когда в его лицейском дневнике появилась памфлетная характеристика поэта и драматурга А. А. Шаховского, а последние статьи о литературе были подготовлены для “Современника” в январе 1837 г.

За два столетия существования науки о Пушкине накоплено бесчисленное множество исследований его жизни и художественного творчества. При этом его оценки и критические разборы произведений русской и зарубежной литературы служили

поводом для реконструкции эстетических взглядов поэта и определения его роли в литературном движении эпохи. Нельзя, однако, не отметить, что и в современной науке историко-литературные изыскания Пушкина по-прежнему остаются на положении частной проблемы, сопутствующей исследованию художественного метода самого поэта (А. А. Белый), литературной борьбы 1820–1830-х гг. (В. Э. Вацура, Н. Ф. Филиппова), пушкинского дискурса в русской критике (В. Ю. Шатин), “пушкинского” направления в развитии русской литературы (Е. В. Семенова), русско-европейских культурных связей (В. А. Аветисян, С. А. Небольсин), историко-культурного контекста пушкинской эпохи (С. В. Березкина) и т. п. А в истории русской литературно-критической мысли Пушкину до сих пор отводится место “предшественника” В. Г. Белинского (В. В. Прозоров). Поэтому историко-литературные и литературно-теоретические опыты Пушкина требуют дополнительного изучения. Это позволит, с одной стороны, выявить связь суждений поэта с современной ему философско-эстетической мыслью, а с другой – определить значение литературоведческих опытов Пушкина для становления русской филологической науки.

Основная часть

Пушкин неоднократно повторял, что “критики у нас <...> не существует” [1. Т. 10, с. 94]. Однако следует уточнить, какой смысл в данном случае он вкладывал в понятие “критика” и что имел в виду, заявляя, что “критики у нас еще нет” [1. Т. 6, с. 280].

В письме к А. А. Бестужеву (июнь, 1825) Пушкин заметил: “Что же ты называешь критикою? <...> Покамест мы будем руководствоваться личными нашими отношениями, критики у нас не будет” [1. Т. 9, с. 150]. Дальнейшие рассуждения свидетельствуют, что Пушкин осознавал различие между журнальной критикой и критикой научной, т. е. литературоведением. Признавая существование первой, он сожалел о неразвитости русской литературной науки, не создавшей “ни единого комментария, ни единой критической книги”. Сиюминутность, авторитет “кумира”, субъективность мнений и вкуса – такими

признаками Пушкин характеризовал современную критику. Приведя в пример “германцев”, которые создали теоретическую базу для своих искусствоведческих штудий, он был вынужден констатировать, что “литература кой-какая у нас есть, а критики нет” [1. Т. 9, с. 150].

Следует подчеркнуть, что эти суждения Пушкина вписываются в контекст дискуссий второй половины 1820-х гг. о роли философии в определении подлинно научного метода оценок литературных явлений. Интересно, что в наброске “О критике”, который датируется 1830 г., он со всей определенностью назвал ее “научкой открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы”. Научкой, которая основана “на совершенном знании правил”, “на глубоком изучении образцов и на деятельном наблюдении современных замечательных явлений” [1. Т. 9, с. 281].

В 1834 г. Пушкин начал работу над статьей “О ничтожестве литературы русской”, название которой явно указывает на ее дискуссионный характер. Сохранившиеся планы дают представление о масштабе предполагаемой работы: Пушкин намеревался проследить историю русской литературы от древних времен до “века Александра” [1. Т. 6, с. 284–286]. Однако им было написано только общеисторическое Введение к первой части статьи, поэтому основные ее положения приходится реконструировать по использованным в тексте наброскам, заметкам, а также теоретическим обобщениям, изложенным в других работах. Такая реконструкция поможет составить представление о наметившейся у Пушкина историко-литературной концепции.

В набросках к статье “О русской словесности” (1830) Пушкин сделал две записи: “Старинной словесности у нас не существует. За нами темная степь, и на ней возвышается единственный памятник: “Слово о полку Игореве”. И ниже: “Словесность наша явилась вдруг в XVIII столетии, подобно русскому дворянству, без предков и родословной” [1. Т. 6, с. 324]. По сути, Пушкин оспорил точку зрения Н.И. Новикова, которого, однако, ценил как издателя и публициста, распространившего в России “первые лучи просвещения”. В “Опы-

те исторического Словаря о российских писателях” (1772) Новиков доказывал, что русская литература существовала и в допетровские времена, и привел имена 57 древнерусских авторов. Пушкин не опровергал фактологическую составляющую “Словаря”, но счел неубедительным новиковский метод определения значения русского литературного средневековья.

Как отмечалось выше, со второй половины 1820-х гг. новая литературная наука и критика постепенно обретали твердую теоретическую основу, построенную на законах, открытых философией. Принцип историзма, позволявший понимать и объяснять закономерность и необходимость тех или иных явлений искусства, признавался основополагающим большинством филологов того времени.

В статье “Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной” (1836) Пушкин отметил, что “умствования великих европейских мыслителей не были тщетны и для нас. Теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству” [1. Т. 6, с. 126]. Автор статьи фактически признавал, что, “заимствуя из философии” не только теоретическую основу, но и методологию, критика сделала серьезный шаг в сторону литературоведения. Едва ли в этой связи можно согласиться с Р.Ю. Данилевским, который считает, что “прямых свидетельств интереса Пушкина к немецкой философии нет” [2, с. 217]. Но если нет “свидетельств прямых”, то косвенные есть определенно.

Исторический подход, который Пушкин демонстрировал в оценке анализируемых явлений, дает основания утверждать, что с важнейшими положениями “Философии искусства” Ф.В. Шеллинга он знаком был, по крайней мере, по публикациям И.В. Киреевского, М.П. Погодина, С.П. Шевырева, которых Пушкин аттестовал как “молодых, пылких, добросовестных последователей германской философии” и о которых с уважением отзывался в своих статьях и письмах [1. Т. 6, с. 126]. И, конечно, нельзя не назвать имя ученого, критика и журналиста Н.И. Надеждина, оказавшего опосредованное влияние на литературно-теоретические взгляды поэта.

Как известно, с 1831 г. Пушкин печатался в его журнале “Телескоп”. Получая авторские экземпляры, он, разумеется, читал не только свои материалы. Не могли не привлечь внимание Пушкина и работы Надеждина, которые, по свидетельству современников, вызвали восторженный интерес у молодых людей, “охваченных жаждой вникать в высшие задачи внутреннего мира” [3, с. 210]. Тем более что в условиях политической несвободы, установившейся в России после событий декабря 1825 г., увлечение мыслящих людей эстетическими идеями Г.И. Гердера, Ф.В. Шеллинга, Г.Ф. Гегеля, И. Канта реализовывало стремление к свободе интеллектуальной, т. е. являлось своего рода диссидентством.

В первых номерах “Телескопа” за 1831 г. Надеждин опубликовал свой теоретический трактат “О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической”, где доказывал, что закону саморазвития Абсолютной Идеи подчиняется человеческое бытие во всех его формах, одной из которых является искусство. Очевидно, не без влияния Надеждина, а точнее философии Шеллинга, изложенной автором трактата, в набросках к статье “О ничтожестве литературы русской” Пушкин сделал следующую запись: “Словесность рождается сама собою, из своих собственных начал”, а ее “состояние” определяется “духом века” т. е. особенностями эпохи [1. Т. 6, с. 285].

Исходя из этого теоретического посыла Пушкин обусловил “бедность” древнерусской литературы трагическими событиями русской истории: татаро-монгольское нашествие на несколько столетий приостановило развитие культурной жизни страны. В “порабощенной и растерзанной Руси” “несколько сказок и песен, непрерывно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и “Слово о полку Игореве” возвышается уединенным памятником в пустыне нашей словесности”, – констатировал автор статьи [1. Т. 6, с. 361].

На первый взгляд, эти суждения поэта немногим отличались от оценок русской литературы допетровской эпохи, прозвучавших в первом из “Философических писем, адресованных даме”

П.Я. Чаадаева (1836). Автор “Брошюры” писал, что русская словесность не оставила “ни пленительных воспоминаний, ни грациозных образов в памяти народа, ни мощных поучений в его преданиях” [4, с. 123–124]. Однако в неотправленном письме Чаадаеву (19 октября, 1836) Пушкин напоминал адресату, что “образующееся просвещение” Европы было спасено “порабощенной Русью”: “Нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех” [1. Т. 10, с. 287].

В подготовительных материалах к незаконченной статье 1834 г. автор назвал еще одну объективную причину “бедности” древнерусской литературы: необразованность нации. Именно поэтому произведения немногочисленных авторов оставались недоступными широкому читателю и не могли формировать “общее (общественное. – М.Ч.) мнение”. Следует отметить, что Пушкин в данном случае повторил мысль Н.М. Карамзина, что литература не существует, если нет грамотного и заинтересованного читателя, высказанную в “Письме к издателю” (1802).

Объективные условия для распространения просвещения в России создали петровские реформы; именно в этом, ко всему прочему, Пушкин усматривал их значение. Соответственно, он счел правомерным датировать начало нашей словесности именно XVIII в., когда просвещение, ставшее в итоге общественной потребностью, привело к тому, что “поколение преобразованное презрело безграмотную, изустную народную словесность” [1. Т. 6, с. 385].

В незаконченной статье 1834 г. Пушкин привел ряд примеров, доказывавших, что культурное сближение России с Европой началось задолго до Петра, но подчеркнул, что только благодаря его преобразованиям во всех сферах общественной жизни “европейское просвещение стало оказывать благотворное влияние на рождающуюся нашу литературу” [1. Т. 6, с. 361]. В опубликованной двумя годами позже статье “Мнение М.Е. Лобанова о духе поэзии...” Пушкин уточнил, что прямое влияние просвещения было связано с усвоением русскими писателями XVIII в. эстетики французского классицизма, кос-

венное – “в вольном или невольном их подражании образцам великого примера” [1. Т. 6, с. 124]. Интересно, что в предыдущей работе он намеревался подробно проследить этапы развития французской литературы и проанализировать причины ее “обмеления”, из которых русская словесность должна была, по его убеждению, извлечь поучительные уроки.

Во Франции XVII ст. было ознаменовано появлением блестящей плеяды таких великих писателей, как П. Корнель, Ф. Малерб, Н. Буало, Ж. Расин. Но “дух исследования и порицания, овладевший умами” людей эпохи Просвещения, сотворил нового кумира – Вольтера. Именно под его влиянием литература стала превращаться в проповедь эпикурейства и безрелигиозных идей. “Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена против господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная”, – заключал автор статьи [1. Т. 6, с. 365].

Нельзя не отметить, что Пушкин в данном случае был солидарен с высоко ценимым им И.В. Киреевским. В статье “Девятнадцатый век” (1832) молодой критик обуславливал литературу историческими обстоятельствами, к которым он относил и господствовавшие “в данную эпоху воззрения на мир и человека”¹.

После исторического экскурса Пушкин планировал в этой статье “обратиться к России”. Исходя из общих положений

¹ Очевидно, по идеологическим соображениям в советский период приходилось замалчивать еще одну важную мысль, прозвучавшую в историческом Введении: неизбежен упадок словесности, разорвавшей связь с религией, этим вечным идеалом Добра и Красоты, на который ориентируется подлинное искусство. Интересно, что ту же мысль высказал позже русский философ и богослов С.Н. Булгаков в статье “Жребий Пушкина” (1937). Исходя из своей философско-эстетической концепции, он доказывал, что Пушкин понимал творчество как служение и послушание, наложенное на поэта самим Богом, а потому верно угадал сущность искусства. Следует также отметить, что критик одним из первых усмотрел в художественных произведениях и суждениях Пушкина о литературе философский смысл. Подробнее см. в статье М.С. Смоляковой (Черновой) “В нем говорит нам русская душа...” С.Н. Булгаков об А.С. Пушкине” [5].

Введения, можно сделать вывод, что он, по-видимому, намеревался проследить периоды развития русской литературы, проанализировать “нынешнее” ее состояние и определить задачи “нашей юной словесности”, что должно было обозначить основные положения его историко-литературной концепции. Однако Пушкин отказался от своего замысла. Трудно сказать, что стало тому причиной. В опубликованной в “Молве” статье В.Г. Белинского “Литературные мечтания” (1834) Пушкин усмотрел ряд совпадений со своей периодизацией русской словесности. Возможно, поэт счел, что в данный момент его работа не актуальна, и он утратил к ней интерес...

В предыдущих своих статьях и набросках Пушкин обуславливал “духом века” необходимость создания литературы народной. При этом он упрекал критиков в том, “никто не думал определить, что разумеет он под словом *народность*” (курсив наш. – М.Ч.). Однако в 1820–1830 гг. о народности как главном критерии оценки художественности новой литературы писали А.А. Бестужев, В.К. Кюхельбекер, О.М. Сомов, Н.И. Надеждин, И.В. Киреевский, Н.А. Полевой и др. При этом все их суждения о самобытности искусства базировались на идее народности художественного творчества, сформулированной немецким философом Г.И. Гердером. Его фундаментальный труд “Идеи философии истории человечества” (1784–1791) в России знали, а автора высоко ценили как “великого ученого и глубокомысленного метафизика” (Н.М. Карамзин). Но нельзя не учитывать, что трактовка понятия народности в русский критике обуславливалась идеологическими установками представителей различных ее течений [6].

С концепцией народности Гердера был знаком и Пушкин. В 1829 г. в “Московском Вестнике”, с которым поэт в то время сотрудничал, был напечатан русский перевод первой части “Идей...”. Эта публикация и отклики на нее не могли не привлечь внимание Пушкина. Ранее он мог познакомиться с теорией Гердера благодаря книге Ж. де Сталь “О Германии”. Интересно, что в наброске “О народности литературы” (1826) он почти дословно повторил определение этого понятия, данное Гердером: “Климат, образ правления,

вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу" [1. Т. 6, с. 238]. Следует, однако, подчеркнуть, что Пушкин попытался сформулировать не только конкретно-историческое, но и национально-этическое обоснование народности. Тем самым уже в середине 1820-х гг. он сделал шаг вперед по сравнению с трактовкой этого термина критиками-декабристами, а также Надеждиным, братьями Н. и Кс. Полевыми, поздним Белинским. Пушкин не допускал в своих суждениях подход, который впоследствии получил название "классовый" и который, в сущности, приводил к путанице понятий "народность" и "простонародность".

Народность художественных произведений Пушкин усматривал не в сюжетах из отечественной истории, не в приметах простонародного быта и обилии простонародных слов. В "идеализированном "Ермаке" (имеется в виду одноименная драма будущего идеолога славянофильства А.С. Хомякова. – М.Ч.) все чуждо нашим нравам и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзии", – заметил Пушкин в незаконченной статье "О народной драме и "Марфе Посаднице" М.П. Погодина" (1830) [1. Т. 6, с. 320].

Неоднократно указывая на связь народности с национальной этикой, Пушкин вплотную подошел к выводу о том, что самобытность литературы обуславливается национальным самосознанием. Это положение явилось основополагающим в его историко-литературных суждениях. Впоследствии оно нашло развитие в трудах основоположников русской культурно-исторической филологической школы.

Точки соприкосновения с пушкинским определением народности обнаруживаются в "Истории русской литературы" А.Н. Пыпина, который доказывал, что "всякая литература – национальна, т. е. носит на себе черты племени, общественных особенностей и идеалов. <...> Без этого литература мертва и не внушает интереса" [7. Т. IV, с. 588]. Отметив обуславливающую связь истории страны и литературы, Пушкин назвал словесность

выразителем "мнения народного" и указателем "нашего умственного развития". Аналогичная мысль прозвучала в исторических очерках Пыпина "Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов": "История литературы входит в целую историю общества, и по литературе мы имеем возможность судить возрастание общественного самосознания" [8, с. 7]. Однако в 1873 г., когда создавалось это исследование, ученый привнес в понятие "общественное самосознание" социально-политический смысл. Пушкин же видел в литературе, прежде всего, проявление нравственно-этических устремлений нации.

Заключение

Сама постановка вопроса "история и литература" позволяет говорить о том, что в определенном смысле Пушкин явился предшественником культурно-исторической литературоведческой школы, а ориентация искусства на абсолютный этический-эстетический идеал Добра и Красоты свидетельствует о том, что Пушкин прокладывал путь науке, оценивающей литературные явления не только на уровне конкретно-историческом, но и на вневременном.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Пушкин, А. С.** Собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин – Москва : Художественная литература, 1974–1978.
2. **Данилевский, Р. Ю.** Немецкая литература / Р. Ю. Данилевский // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Санкт-Петербург : Наука, 2004. – Т. XVIII/XIX : Пушкин и мировая литература. Материалы к "Пушкинской энциклопедии". – С. 217–225.
3. Цит. по: **Козмин, Н. К.** Николай Иванович Надеждин: Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836 / Н. К. Козмин. – Санкт-Петербург, 1912. – 570 с.
4. **Чаадаев, П. Я.** Философские письма, адресованные даме. Письмо первое / П. Я. Чаадаев / Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. – Москва : Издательство Московского университета, 1989. – С. 120–134.
5. **Смолякова, М. С.** "В нем говорит нам русская душа..." С. Н. Булгаков об

- А. С. Пушкине" / М. С. Смолякова // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. – № 2–3(3). – 1999. – С. 13–17.
6. **Чернова, Г. С.** История русской литературной критики XIX – начала XX веков : учебное пособие / Г. С. Чернова. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2000. – 152 с.
7. **Пыпин, А. Н.** История русской литературы : в 4 т. / А. Н. Пыпин. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1903.
8. **Пыпин, А. Н.** Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки / А. Н. Пыпин. – Санкт-Петербург : Колос, 1909.

Поступила в редакцию 02.02.2018 г.
Контакты: masha.70@mail.ru
(Чернова Мария Станиславовна)

Chernova M. THE ORIGINS OF RUSSIAN LITERARY CRITICISM: A.S. PUSHKIN'S HISTORICAL AND LITERARY RESEARCH.

The article considers A.S. Pushkin's method of evaluating literary phenomena. The author outlines the connection of A.S. Pushkin's literary and theoretical judgments with the European philosophical and aesthetic ideas. A.S. Pushkin's ethical and aesthetic principles of the interpretation of the concept of nationality are provided. It is proved that A.S. Pushkin's historical and literary judgments were further developed by the Russian cultural and historical philological school.

Keywords: history of russian literature, literary criticism, theory of literature, A.S. Pushkin, A.N. Pypin, historicism, the concept of nationality, cultural and historical philological school.

УДК 811.111'42

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ АКТОВ НЕГАТИВНОЙ РЕАКЦИИ

И. Б. Бирюк

доцент

Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова**А. Н. Потемкин**

студент

Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматривается актуальное направление современного исследования языка – лингвистическая прагматика. На примере речевого акта отказа проводится прагматический анализ негативных реактивных актов с подключением таких параметров, как коммуникативная цель, концепция говорящего и собеседника, событийное содержание, фактор коммуникативного прошлого и будущего, языковое воплощение.

Ключевые слова: прагматический анализ, теория речевых актов, речевые акты негативной реакции, эксплицитное и имплицитное выражение негации.

Введение

Сегодня в центре всех научных направлений стоит человек. И лингвистика в этом смысле – не исключение. Языковеды обратились к “человеческому фактору”, к носителю языка еще на рубеже XIX–XX вв., когда зародилась новая лингвистическая теория, направленная на толкование речевой деятельности. Интерес был устремлен в область изучения речевых сообщений с учетом прагматического воздействия, а прагматика как наука вышла на передний план лингвистических исследований.

Основателем прагматики считается Чарльз Пирс. Однако термин “прагматика” был введен в научный обиход наиболее известным последователем Пирса в области семиотики – общей теории знаков – Ч. Моррисом. Под прагматикой стали понимать изучение значения в контексте или значения языковых единиц, возникающего в процессе их употребления.

© Бирюк И. Б., 2018

© Потемкин А. Н., 2018

Теория прагматического значения получила свое развитие в работах Г.П. Грайса, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, М. Фреге. Именно Грайс привлек внимание к анализу небуквальных значений выражений и установил, что адресат, обладающий языковой компетенцией, способен понять, что интенция (намерение) говорящего отличается от значения высказывания [1].

В качестве единицы прагматического анализа на протяжении долгого времени выступал речевой акт. Объектом исследования в теории речевых актов является акт речи, то есть высказывание говорящего, адресованное слушателю в определенной ситуации общения; целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе.

Значимый вклад в теорию речевого общения внесли американские лингвисты К. Пайк и Э. Сепир, которые впервые подняли вопрос об изучении языка через призму речевого поведения. Однако сильнейшим толчком для формирования теории речевой деятельности послужили труды ученых Дж. Остина и Дж. Серля. В середине 50-х гг. прошлого века британский философ-лингвист Дж. Остин представил теорию речевых актов, которая позже была опубликована в виде курса лекций под названием “How To Do Things With Words” (1962). Впоследствии данная теория продолжила свое развитие в работах американского и британского логиков Дж. Серля и П.Ф. Стросона, а чуть позже и в многочисленных исследованиях европейских, американских и российских лингвистов [2, с. 15]. В российском языкознании направление коммуникативной лингвистики развивали М.М. Бахтин (теория высказывания), В.Н. Волошинов (теория речевого взаимодействия), А.Н. Леонтьев и Л.С. Выготский (теория речевой деятельности) [3, с. 9].

Основная часть

Одними из важных актов в ходе речевой интеракции являются речевые ситуации негативного реагирования, или речевые акты негации.

Л.М. Ермакова дает следующее определение речевому акту негативной

реакции: “Реактивный акт, выражающий отрицательное отношение говорящего к действию или высказыванию собеседника, представляющий собой информативное, оценочное или императивное высказывание с различными эмоциональными оттенками (суждение, неодобрение и другие) и имеющий в речи определенное воплощение” [4, с. 63].

Заметим, что к речевым актам негативной реакции лингвисты чаще всего относят такие речевые ситуации, как *несогласие, запрет и отказ* [5, с. 297].

А.В. Ерема считает, что “речевой акт несогласия – один из видов реактивных речевых актов негативной реакции, отражающий позицию говорящего, противоположную позиции собеседника” [6, с. 38]. Как правило, речевая ситуация несогласия оформляется в виде оценочного или информативного высказывания с разными оттенками значений: несогласие с оттенком возражения, неодобрения, опровержения, осуждения, отрицательной оценки высказывания коммуниканта и т. д., каждый из которых имеет свою особую коммуникативную цель [7, с. 32].

Речевой акт запрещения, как определяет его Р.А. Боргер, имеет следующий вид: “Речевой акт негативной реакции, совмещающий значение запрещения и побуждения, при котором говорящий не разрешает совершать или требует прекратить уже начатое к моменту речи действие (вербальное или невербальное), так как считает, что данное действие не должно произойти в сложившейся на этот момент ситуации” [8, с. 11].

“Речевой акт отказа – это речевой акт негативной реакции, возникающий в ответ на просьбу, требование или приказ собеседника, при котором говорящий не имеет возможности или желания выполнить требуемое действие (вербальное или невербальное)” [8, с. 15].

При комплексном анализе речевых актов негативной реакции необходимо принимать во внимание ряд параметров:

1. Коммуникативная цель, состоящая в выражении отрицательного отношения к высказыванию собеседника в форме сообщения, оценки информации или определенном воздействии на участника речевой интеракции [8, с. 9].

2. Концепция говорящего. Говорящий может придерживаться определенной точки зрения, причем собеседники зачастую находятся на противоположных позициях по одному вопросу [9, с. 19].

3. Концепция собеседника. Собеседник вызывает определенную негативную реакцию адресата [8, с. 10].

4. Событийное содержание. Событийная основа речевого акта негативной реакции содержит информирование адресата об отрицательном отношении адресанта к его действию или выраженному мнению, которое способно вызвать определенное изменение в поведении собеседника [8, с. 10].

5. Фактор коммуникативного прошлого. Этот фактор учитывает характер реплики: инициальность или реактивность. Стоит отметить, что речевые акты негативной реакции в большинстве случаев следуют в качестве реактивных реплик.

6. Фактор коммуникативного будущего подразумевает как ответную реплику (к примеру, за речевым актом запрещения может следовать реплика-отказ), так и ее отсутствие [9, с. 19].

7. Языковое воплощение. Соответственно, каждый подтип негативных речевых актов имеет определенное воплощение в речи [10, с. 26].

Основой для речевых актов негативной реакции с различными оттеночными значениями служит эксплицитно и имплицитно выраженная лексико-грамматическая негация.

Эксплицитно выраженная негация в речевых актах вытекает из буквального содержания высказывания, при этом намерение коммуниканта представлено явно и недвусмысленно. А имплицитный способ выражения негации, как правило, является характерным для косвенных речевых актов, в которых наблюдается раздвоение между значением и формой высказывания. Говорящий осуществляет одно речевое действие, но при этом использует другое. К тому же коммуникант передает больше информации, поскольку он рассчитывает на совокупность знаний адресата и на его способность делать последовательные выводы из сказанного [11, с. 196].

Так, в ходе анализа актов негативной реакции выявлено, что они используются

собеседниками для достижения различных коммуникативных целей, при этом выбираются различные способы их реализации и применяются соответствующие языковые средства. Проиллюстрируем данное утверждение анализом речевого акта отказа.

В процессе коммуникации речевой акт отказа возникает из предшествующих высказываний адресанта (A1), который использует разнообразные языковые средства с целью речевого воздействия на адресата (A2). Прагматическая цель A2 заключается в том, чтобы представить отклонение от просьбы, заключенной в высказывании A1.

В самом общем виде структура диалога с речевой ситуацией отказа имеет следующую форму: 1. A1 – речевой акт побуждения → 2. A2 – речевой акт отклонения → 3. A1 – запрос обоснования отказа → 4. A2 – обоснование отказа. Однако в процессе коммуникации зачастую наблюдается неполная реализация данной схемы. Наиболее употребительными являются диалоги с шагами 1 и 2.

Доминирующими языковыми средствами реализации речевых ситуаций отказа в английском языке служат местоимение *no* и отрицательная частица *not*, которая добавляется к вспомогательному или модальному глаголу. Кроме этого, широкоупотребительными являются средства выражения косвенных речевых актов отказа, когда говорящий ставит перед собой цель не обидеть своим отказом участника речевой интеракции.

Речевая ситуация, в которой адресат отказывается от совета, часто подкрепляется доводами, по какой причине он не хочет или не может следовать предложенному совету, например:

"Sometimes I drive all night and come back and you don't know it. It's fun out in the country. You hit rabbits, sometimes you hit dogs. Go take the beetle."

"No, I don't want to, this time. I want to hold on to this funny thing. God, it's gotten big on me" [12, с. 84].

Иногда в речевых актах отказа выражается искренняя или же ироничная оценка совета, предложенного собеседником. К примеру:

"Hey", said Clarisse, "you might really succeed if you take up it."

"Don't be silly, writing is just a hobby" [12, с. 56].

Стоит отметить, что отказ на совет практически не предусматривает употребление речевых формул извинения, сожаления, благодарности и т. д.

Следующим типом отказа является отказ на приглашение, который часто сопровождается причинами, на основании которых выполнение действия представляется невозможным. Сюда можно отнести занятость (*to be busy*), независящие от адресата обстоятельства (*have to do smth/I must*), недостаток времени (*to be busy/for lack of time/to be short of time*), усталость (*to be tired*) или встречное предложение воспользоваться приглашением в будущем (*another time/some other time*). Заметим, что вышеперечисленные средства выражения находят отражение в косвенных речевых актах отказа. В качестве примера приведем следующий микродиалог, где говорящий не желает принимать приглашение, а отказ выражен эксплицитно при помощи местоимения *no* с последующим объяснением:

"Come on, let's be cheery, you turn the 'family' on, now. Go ahead. Let's laugh and be happy, now, stop crying, we'll have a party!"

"No," said Mrs. Bowles. "I'm trotting right straight home. You want to visit my house and 'family', well and good. But I won't come in this fireman's crazy house again in my lifetime!" [12, с. 131]

Отказ от предложения может реализовываться с помощью положительной или отрицательной оценки предложенного действия или же личного вклада в это действие с последующим объяснением, например:

"Don't you have the urge to be a father?" she coaxed.

"I don't know."

"You're joking!"

"I mean-" He stopped and shook his head. "Well, my wife, she . . . she just never wanted any children at all" [12, с. 40].

Предложение со стороны адресанта может противопоставляться альтернативным желанием адресата, например:

"I'll take you in the car," he said in a small voice.

"I'll walk, thank you." [12, с. 60]

Однако если адресат не может принять предложение по какой-либо причине, он отклоняет его с последующим объяснением. Проиллюстрируем данное утверждение:

Montag placed his hand on the woman's elbow. "You can come with me."

"No," she said. "Thank you, anyway. I want to stay here" [12, с. 53].

Важно отметить, что английский речевой портрет характеризуется вежливостью, поэтому адресат вынужден прибегать к употреблению речевых формул сожаления (*unfortunately*), извинения (*sorry*), а также благодарности (*thanks*) в речевых актах отказа на просьбы и приглашения, например:

"Then, turn on your lawn sprinklers as high as they'll go and hose off the sidewalks. With any luck at all, we can kill the trail in here, anyway.."

"I'll tend to it. Good luck. If we're both in good health, next week, the week after, get in touch. General Delivery, St. Louis. I'm sorry there's no way I can go with you this time, by ear-phone" [12, с. 175].

Отказ предоставить запрашиваемую информацию может быть выражен без аргументации, а иногда даже в грубой форме, например:

"How many copies of Shakespeare and Plato?"

"None! You know as well as I do. None!" [12, с. 99].

Распространенной реакцией речевой ситуации отказа на вопрос является встречный вопрос, где адресат не желает отвечать и применяет тактику уклонения, например:

She watched his lips casually. "What about last night?"

"Don't you remember?"

"What? Did we have a wild party or something?" [12, с. 28].

Иногда адресант, проявляя излишний интерес или любопытство в процессе коммуникации, сталкивается с негативной оценкой своего речевого поведения или действий с позиции адресата, например:

"My uncle drove slowly on a highway once. He drove forty miles an hour and they jailed him for two days. Isn't that funny, and sad, too?"

"You think too many things," said Montag, uneasily [12, с. 16].

Очень часто нежелание или невозможность ответа на вопрос коммуниканта сводится к смене темы разговора. Например:

"You are an odd one," he said, looking at her. "Haven't you any respect?"

"I don't mean to be insulting. It's just, I love to watch people too much, I guess."

"Well, doesn't this mean anything to you?" He tapped the numerals 451 stitched on his charcoloured sleeve.

"Yes," she whispered. She increased her pace. "Have you ever watched the jet cars racing on the boulevards down that way?"

"You're changing the subject!" [12, с. 16].

Таким образом, отказ непосредственно связан с эксплицитно и имплицитно выраженной негацией. Имплицитные речевые акты отказа актуализируются такими тактиками, как смена темы разговора, оценка речевого действия собеседника, встречный вопрос, встречное предложение. А условием успешности имплицитного речевого акта отказа являются общие знания коммуникантов, что отражается не только в концепции говорящего, но и собеседника. Также стоит отметить, что речевая ситуация отказа частую подражает использованию формул речевого этикета (*unfortunately, sorry, thank you*), характерных для английского речевого портрета.

Заклучение

Речевой акт негативной реакции в рамках коммуникативной лингвистики представляет собой акт реактивного типа, который выражает отрицательное отношение к тому или иному явлению и имеет определенный план языкового выражения.

Речевой акт негативной реакции характеризуется следующими параметрами: коммуникативной целью, концепцией говорящего и собеседника, событийным содержанием, фактором коммуникативного прошлого и будущего, а также языковым воплощением.

К основным формам выражения речевого акта негативной реакции можно отнести несогласие (полное и неполное), отказ и запрет, которые можно представить

как прямо, так и косвенно. Основной коммуникативной целью речевых актов отказа выступает отклонение просьбы, требования или предложения.

Речевой акт является минимальной единицей прагматического анализа, задача которого состоит в изучении ситуативно обусловленного использования языка в процессе коммуникации. Носители языка обладают определенным социальным опытом его использования. Именно социум диктует нам требования к оперированию языковыми средствами в процессе коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Грайс, Г. П.** Логика и речевое общение [Электронный ресурс] / Г. П. Грайс. – Режим доступа: <http://kant.narod.ru/grice.htm>. – Дата доступа: 30.05.2018.
2. **Головаш, Л. Б.** Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа : на материале английского языка : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.19 / Л. Б. Головаш. – Кемерово, 2008. – 177 л.
3. **Кобозева, И. М.** "Теория речевых актов" как один из вариантов теории речевой деятельности / И. М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст.; под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – Москва : Прогресс, 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – С. 7–20.
4. **Ермакова, Л. М.** Научные исследования в лингвистике / Л. М. Ермакова. – Москва, 2001. – 118 с.
5. **Ершова, Н. Б.** Особенности функционирования речевых актов негативной реакции / Н. Б. Ершова // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 5–6. – С. 296–299.
6. **Ерема, А. В.** Национальная специфика выражения запрещения и отказа в русском и английском языках / А. В. Ерема // Язык и культура: материалы региональной научно-методической конференции, Воронеж, 7–9 окт. 1996 г. – Воронеж, 1996. – С. 26–40.
7. **Василина, В. Н.** Особенности англоязычного речевого акта несогласия / В. Н. Василина // Кросс-культурная коммуникация и современные технологии в исследовании и преподавании языков : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 окт. 2011 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. И. Уланович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2012. – С. 31–33.
8. **Боргер, Я. В.** Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных драматических произведений) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Я. В. Боргер ; Тюменский государственный университет, 2004. – Тюмень. – 21 с.
9. **Варфоломеева, И. В.** Некоторые особенности речевого акта несогласия / И. В. Варфоломеева, К. В. Кулемина // Вестник АГТУ. – 2008. – № 8. – С. 18–20.
10. **Линский, Л. М.** Лингвистические теории / Л. М. Линский. – Москва, 1997. – 398 с.
11. **Серль, Дж. Р.** Косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. ; под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – Москва : Прогресс, 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – С. 195–283.
12. **Bradbury, Ray.** Fahrenheit 451 / Ray Bradbury. – New York : Harper Voyager, 2013. – 240 p.

Поступила в редакцию 12.05.2018

Контакты: biryukirin@mail.ru

(Бирюк Ирина Борисовна)

Biryuk I., Potyomkin A. PRAGMATIC ANALYSIS OF NEGATIVE REACTIVE SPEECH ACTS.

The article considers a topical trend of current language research – linguistic pragmatics. The pragmatic analysis of negative reactive acts is exemplified by the analysis of the speech act of refusal. Such factors as a communicative goal, concepts of the interlocutors, an eventual content, a factor of the communicative past and the future, as well as their linguistic expression are taken into account.

Keywords: pragmatic analysis, the theory of speech acts, verbal acts of negative reaction, explicit and implicit expression of negation.

УДК811.111:378.147.091.3:62

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАТИВНОГО ЛИНГВОПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Е. В. Хоменко

кандидат филологических наук,
старший преподаватель
Белорусский национальный
технический университет

В статье анализируется проблема предметно-языкового интегрированного обучения магистрантов и аспирантов технического университета. Особое внимание уделяется чтению лекций по специальным дисциплинам на английском языке. Представлены результаты исследования структурной организации учебно-научной лекции, определены актуализируемые в структурно-семантических компонентах лекции прагматические установки автора и их целевое назначение, языковые средства связи семантически разнородных структурных компонентов. Дано обоснование значимости полученных результатов для чтения лекций на английском языке преподавателями специальных дисциплин, их восприятия и понимания обучающимися.

Ключевые слова: учебно-научная лекция, предметно-языковое интегрированное обучение, профессиональная иноязычная коммуникативная компетенция, структурно-семантический компонент лекции, прагматическая установка автора.

Введение

Расширение масштабов межнациональных контактов, растущий объем научной информации поставили перед учреждениями высшего образования технико-технологического профиля задачу: подготовить конкурентоспособных инновационно ориентированных специалистов, обладающих умениями профессионального общения на иностранном языке. Освоение учебной дисциплины “Профессиональный иностранный язык” обеспечивает формирование у магистрантов и аспирантов технического университета ряда компетенций, например:

– владение системным и сравнительным анализом;

– квалифицированное использование современных информационных технологий;

– использование социальных и нравственно-этических норм в социально-профессиональной деятельности;

– самостоятельное приобретение и использование в практической деятельности новых знаний и умений, в том числе в новых областях знаний, непосредственно не связанных со сферой деятельности;

– обладание навыками устной и письменной коммуникации.

Формирование данных компетенций осуществляется не только за счет вышеобозначенной дисциплины, но и за счет всех изучаемых дисциплин той или иной специальности. Междисциплинарные связи в обучении (дидактическая интеграция) способствуют активизации исследовательских умений обучающихся, совершенствованию навыков классификации полученных знаний, навыков обобщения, сопоставления, которые постепенно перерастают в соответствующие профессионально значимые компетенции.

Курс “Профессиональный иностранный язык” играет особую роль в формировании профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции студентов магистратуры и аспирантов технического университета. Сформированность указанной компетенции предполагает способность реализовывать определенные коммуникативные намерения в контексте конкретной ситуации общения, а также осознавать коммуникативные интенции адресанта, воспринимать и понимать репрезентируемую информацию при чтении и аудировании, интерпретировать эту информацию в зависимости от собственных коммуникативных целей.

Основная часть

Главная составляющая будущей профессиональной деятельности выпускников магистратуры и аспирантуры технического университета – умение создавать и понимать научный дискурс, его жанровые разновидности – определяет потребности сферы образования в совершенствовании технологий обучения магистрантов и аспирантов нормам коммуникации в ситуациях научно-профессионального обще-

ния. Учитывая специфику содержания обучения иностранному языку в вузах технико-технологического профиля, которая состоит в объединении лингвистических и внелингвистических аспектов, т. е. в интегрировании иноязычной составляющей в структуру профессиональной подготовки обучающихся, в Белорусском национальном техническом университете (БНТУ) было разработано “Положение о преподавании специальных дисциплин на английском языке”, основой которого является предметно-языковое интегрированное обучение.

Реализация данного положения осуществляется на практике следующим образом. Так, например, при обучении магистрантов и аспирантов Международного института дистанционного образования при БНТУ особое внимание уделяется пониманию учебно-научных лекций по специальности на английском языке. С обучающимися специальности “Системный анализ, управление и обработка информации” проводятся интерактивные лекции на английском языке, т. е. интегрированные занятия по специальной дисциплине и иностранному языку. Таким образом происходит объединение двух дисциплин в рамках одной учебной программы, что позволяет обучающимся усваивать содержание специальной дисциплины и иностранного языка. Преимущественно используется такая модель предметно-языкового интегрированного обучения как *partial immersion*, предполагающая изучение отдельных модулей программы по специальности на английском языке.

В процессе восприятия, понимания и интерпретации представленной в лекции информации осуществляется реализация основных составляющих предметно-языкового интегрированного обучения: получение знаний в конкретной профессиональной области, их анализ, классификация, обобщение, сравнение, установление причинно-следственных связей; восприятие репрезентируемой информации на слух, развитие умений устного профессионального общения: интерпретация полученной информации, обсуждение рассматриваемых в лекции проблемных вопросов; развитие когнитивных способностей обучающихся путем решения рече-

мыслительных задач (выделение главного и второстепенного); понимание межкультурных сходств и различий рассматриваемых объектов / явлений [1].

При чтении учебно-научных лекций на английском языке преподавателями специальных дисциплин, их восприятии и понимании обучающимися актуализируются следующие вопросы:

1) какие структурно-семантические компоненты (содержательные фрагменты) конституируют конвенциональную схему построения учебно-научной лекции;

2) какие прагматические установки адресанта реализуются в тех или иных структурно-семантических компонентах лекции и каково их целевое назначение;

3) какие факторы определяют воздействие репрезентируемой информации на адресата (каков потенциал языковых средств в контексте лекции, каково их взаимодействие при изложении учебного материала).

Остановимся более подробно на вышеобозначенных вопросах. Текст учебно-научной лекции является одним из типов научного текста, создаваемый специально для учебных целей и реализующий таким образом ряд дидактических целеустановок, связанных с формированием и систематизацией концептуальных знаний, убеждений, оценок, необходимых для превращения обыденной картины мира в научную, а также с формированием профессиональной компетенции будущих специалистов в конкретной сфере человеческой деятельности. Общая цель, стоящая перед лектором, состоит из ряда коммуникативных интенций: передача и закрепление информации, побуждение к действию, облегчение восприятия информации обучающимися. Общая цель адресата включает в себя такие интенции, как восприятие, понимание, запоминание, интерпретация представленной информации. Реализация указанных интенций адресанта и адресата является определяющим фактором, детерминирующим в конечном итоге структуру учебно-научной лекции.

Существуют разнообразные подходы к проблеме структурирования научных текстов, дифференцированных жанровой принадлежностью [2]. Однако данный вопрос, по мнению некоторых ученых, изучен

недостаточно глубоко [3, с. 96]. Это объясняется отсутствием единого понимания структурной схемы научного текста, схем построения разножанровых научных текстов, разработанной методики установления степеней значимости семантических компонентов текста. В проведенном нами исследовании к текстовым единицам, функционирующим в качестве структурных элементов содержания учебно-научной лекции, относятся структурно-семантические компоненты (ССК), в которых реализуются познавательные действия адресанта, задаваемые его прагматическими установками. Совокупность прагматических установок, соединяя отдельные ССК в глобальное тематическое единство, создает основу структурной организации текста. Таким образом, структура научного текста любой жанровой разновидности рассматривается как пространственная последовательность расположения ССК, обусловленная мыслительными процессами автора и его прагматическими установками. Адекватно выбранная схема построения текста способствует реализации интенций адресанта, направленных на эффективное представление в тексте фактуальной и прагматической информации, что, на наш взгляд, облегчает понимание учебно-научного текста адресатом.

Нами была проанализирована структурная организация 50 лекций. Опираясь на содержание текста лекции, понятие макроструктуры как семантического ядра текста, понятие суперструктуры (конвенциональной схемы), определяющей абстрактное содержание текста того или иного типа [4, с. 63], и дискурсивные маркеры, под которыми понимаются лексические клише, отдельные слова и словосочетания, используемые для языкового выражения того или иного ССК [5, с. 122], был выделен набор ССК, конституирующий конвенциональную схему построения учебно-научной лекции. Установлено, что текст лекции включает 9 компонентов (таблица 1). Особенность ее структурной организации заключается в том, что в лекции отражается не процесс мыслительной деятельности адресанта, а результат этого процесса, т. е. знание первоосновных признаков рассматриваемых объектов/явлений, их системных связей.

На следующем этапе анализа были определены актуализируемые в ССК прагматические установки автора и их целевое назначение (таблица 1). Так, целевое назначение выделенных прагматических установок состоит в следующем:

- в формировании познавательной потребности и интереса к изучению учебного материала, указании на теоретическую и практическую значимость предмета обсуждения, в активизации научного мышления адресата посредством постановки проблемных вопросов – *мотивирующая*;

- в организации познавательной и практической деятельности адресата, углублении знаний адресата в конкретной научной области, акцентировании внимания на существенных и несущественных признаках объектов/явлений, использовании практических рекомендаций по усвоению учебного материала – *предписывающая*;

- в указании на перспективы дальнейшего исследования предмета обсуждения – *прогностическая*;

- в указании на предметную область проведенного исследования путем рассмотрения определенного аспекта проблемы с целью оказания помощи адресату в ориентации в учебном материале – *делimitативная*;

- в приведении конкретных примеров, в которых описываются реальные явления или имевшие место события, для обеспечения более легкого восприятия информации адресатом, а также примеров-предположений, рисующих картину того, что могло бы произойти при определенных условиях, – *экземплифкативная*;

- в указании на особенности рассматриваемых объектов/явлений – *оценочная*;

- в указании на связь структурно-семантических компонентов лекции – *текстообразующая*;

- в актуализации фоновых знаний адресата посредством использования общеизвестных фактов и ранее рассмотренных концепций, акцентировании внимания на ключевых моментах предыдущей лекции, в обращении к жизненному опыту адресата; использовании невербальных средств воздействия с целью облегчения восприятия и понимания представляемой

в лекции информации (отсылки к схемам, графикам, рисункам, комментарии к слайдам) – *компенсирующая*;

– в привлечении и сохранении внимания адресата в процессе лекции – *контактоустанавливающая*.

Таблица 1 – Структурно-семантические компоненты учебно-научной лекции и реализуемые в них прагматические установки автора

Структурно-семантический компонент	Прагматические установки автора, реализуемые в данном компоненте
1. Контактоустанавливающий	контактоустанавливающая
2. Тема лекции. Сообщение плана лекции, включающего наименования основных вопросов, которые будут рассмотрены	делимитативная мотивирующая
3. Краткое содержание предыдущей лекции	компенсирующая
4. Актуальность излагаемого материала	предписывающая
5. Освещение истории вопроса (показ различных концепций)	компенсирующая
6. Анализ различных дефиниций, этимология терминов	предписывающая
7. Представление предмета изучения. Показ методов анализа объекта/ явления	предписывающая оценочная экземпликативная
7.1 строение объекта	
7.2 функции объекта	
7.3 характеристика существенных/ несущественных признаков объекта/ явления	
7.4 сходство/ различие с другими объектами/ явлениями	предписывающая
8. Дидактический блок, включающий контрольные вопросы (имеющие проблемный характер) к ключевым моментам лекции	
9. Общий вывод по прочитанной лекции	мотивирующая прогностическая

При подготовке иноязычного лекционного материала преподаватель должен знать, при помощи каких языковых средств он может оказывать определенное прагматическое воздействие на адресата. В результате ранее проведенного исследования нами были выявлены наборы языковых средств, используемые для актуализации прагматических установок автора в конкретных структурно-семантических компонентах лекции [6].

Основная коммуникативная интенция учебно-научной лекции – передать учебную информацию обучающимся максимально доступно, точно и ясно. Реализации данной интенции способствует использование в структуре лекции языковых средств связи семантически разнородных структурных компонентов, выполняющих определенные коммуникативные и прагматические функции (дискурсивных маркеров). Примеры таких языковых средств представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Примеры языковых средств, выполняющих композиционную функцию в структуре лекции

Языковые средства	Примеры
обеспечивающие последовательность развертывания информации в структуре лекции	the second point is that...; another point about that is...; another way of looking at it...; another important study...; the last issue...; I am coming to the end...; after that...; the other two are...; I will give you a short introduction...; finally, there are a few conclusions...; approach number one... approach number two... here is another point why...; another concern is...; I will just finish by talking about...; the following steps are...

Окончание таблицы 2

Языковые средства	Примеры
маркирующие структурно-семантические фрагменты лекции по степени значимости	it has a big advantage over...; what are the benefits of...?; there are advantages of doing that...; the advantage of this system is...; ... which gives them an advantage in...; there are advantages and disadvantages associated with...; but there are also drawbacks to...; that has enormous benefits because...
выражающие причинно-следственные отношения	I can see two reasons...; there are the reasons for...; basically, it means that...; it is for that reason...; this explains why...; we are not going to... for a number of reasons...
акцентирующие внимание адресата на возможности решения проблемы	the proper solution is...; well, there are a number of ways we can do it...; to achieve our targets we need...; what we need to do is to create...; one proposed solution is...; ... which I think actually solves both problems...; one intermediate solution is...; fortunately there is a solution that...
используемые для выражения позиции автора	I consider that...; the contents reflects my own opinion...; in my opinion...; my belief is that...; I am sure that...; ...but I suppose...; I have no doubt...; I regard his opinion quite highly...; I suspect...; I reckon...; I trust that...; I have no doubt...
акцентирующие внимание адресата на существенных, с точки зрения автора, положениях	...what is important, is its...; ...the way you manage that is extremely important...; this is particularly useful that...; so it is a very attractive option...; ... of crucial importance...
используемые для установления контакта с адресатом	we think you probably all know...; you might have heard of...; we all know of the issues...; I am sure most of you are familiar with...; with this in mind we can understand how...; I am sure I do not have to explain to this audience...
побудительные фразы, вовлекающие адресата в общение	I will appreciate any comments, questions and corrections...; you really do have to ask the question...; ...some questions that you might want to ask; I want you to pose your own tough questions...; compare and contrast it with...; so I think we are now open for questions and comments; can you think of an example where...; could anyone explain for the class...?
речевые формулы для руководства процессом восприятия представляемой информации адресатом	I would remind you that...; the big point that they make about this is that...; the deeper point I want to make here is...; let me give you a few details...; I should also add...; as I just mentioned...; let's just look at...; in other words...; I am just going to give you a few examples...; I am just going to give you a bit of a technology comparison...; let me explain how...; as I said before...; ...just to summarize...; now I want to concentrate on...; let's assume that...; tonight we are going to have a summing-up talk...; let me run you a little guided tour of...; I want to use my time to talk about; I mentioned that...; there are a number of points to make here...; I will touch on that again later...; let's assume that...; going back to...; as I have defined it...; now I'm getting into the area of...; moving on...

Таким образом, для успешного восприятия и понимания лекционного материала на иностранном языке лингвистическая составляющая предметно-языкового интегрированного обучения магистрантов и аспирантов технического университета должна включать комплексы языковых средств, используемые для репрезентации информации в определенных ССК и актуализации реализуемых в них прагматических установок лектора. При этом с целью убеждения адресата в достоверности и ценности выдвигаемых концепций и формулируемых выводов особое значение имеет знание специфических языковых средств, маркирующих ССК лекции и позволяющих лектору доступно передать научную информацию.

При подготовке учебно-научной лекции следует учитывать тот факт, что данный жанр относится к поликодовым текстам. Являясь поликодовым, текст лекции включает в себя три компонента: вербальную составляющую – текст; визуальное изображение – иллюстрации, схемы, таблицы, рисунки, слайд-презентации; звуковое сопровождение – аудио-компонент, видеозапись. Вербальные средства и наглядный материал, представляя собой одно визуальное, структурное и функциональное целое, направлены на комплексное прагматическое воздействие на адресата [7]. Использование в процессе учебных занятий разных форм подачи дидактического материала – от простого текстового формата до его со-

проведения визуальным и аудио дополнением и является применением принципа поликодовости.

Одним из наиболее удачных примеров поликодового текста учебно-научной лекции могут служить видеофрагменты, используемые преподавателями во время чтения лекции, поскольку отношения *текст – изображение – мелодика* представляются весьма информативными. Лингвовизуальная форма подачи учебного материала, привлечение внимания аудитории к дополнительным аудиовизуальным составляющим лекции, т. е. дидактический синтез вербальных и любых иных дополнительных компонентов, обеспечивающий внутреннюю интегративность, помогают лектору передать учебную информацию максимально доступно, а обучающимся соотнести свое понимание с визуально репрезентируемой информацией и, соответственно, повысить уровень компетентности в конкретной области профессионального знания.

Заключение

Учитывая специфику базовых специальностей II ступени обучения, в основе которых лежат информационные технологии, модель обучения иностранному языку магистрантов и аспирантов можно представить в виде междисциплинарной триады *иностраный язык – профессиональные дисциплины специальности – дисциплины, связанные с информационными технологиями*. Представляется, что такой способ осуществления интегративного лингвопрофессионального образовательного процесса в многопрофильном техническом университете, как обучение через восприятие и понимание учебно-научных лекций по специальным дисциплинам на иностранном языке, будет способствовать совершенствованию навыков и развитию умений межкультурной профессиональной иноязычной коммуникации, углублению знаний по специальным дисциплинам, обмену ими в условиях реального общения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. The 4 C's model – Do Coyle [Электронный ресурс] // CLILingmesoftly. – Режим доступа: <http://clilingmesoftly.wordpress.com/clil-models-3/the-4-csmodel-docoyle>. – Дата доступа: 08.01.2015].

2. **Баженова, Е. А.** Специфика смысловой структуры научного текста и его композиции / Е. А. Баженова // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. : в 3 т. / Перм. гос. ун-т ; под ред. М. Н. Кожинной. – Пермь, 1994–1998. – Т. 2, ч. 1 : Стилистика научного текста (общие параметры). – 1996. – С. 158–235;
3. **Москальчук, Г. Г.** Структура текста как синергетический процесс / Г. Г. Москальчук. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
4. **Crookes, G.** Towards a validated analysis of scientific text structure / G. Crookes // Appl. Linguistics. – 1986. – Vol. 7, № 1. – P. 57–70.
5. **Бабенко, Л. Г.** Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учеб. для вузов / Л. Г. Бабенко. – Москва : Акад. Проект ; Екатеринбург : Деловая кн., 2004. – 464 с.
6. **Дейк, Т. А. ван.** Язык. Понимание. Коммуникация : сб. работ / Т. А. ван Дейк ; сост. В. В. Петров ; пер. с англ. ; под ред. В. И. Герасимова. – Москва : Прогресс, 1989. – 312 с.
7. **Gnutzmann, C.** Contrastive text linguistics in LSP-research: theoretical considerations and some preliminary findings / C. Gnutzmann, H. Oldenburg // Subject-oriented texts: languages for special purposes and text theory / ed. H. Schröder. – Berlin ; New York, 1991. – P. 103–136.

Поступила в редакцию 27.03.2018 г.

Контакты: eng1@tut.by

(Хоменко Екатерина Викторовна)

Khomenko E. PECULIARITIES OF THE INTEGRATIVE LINGUAL PROFESSIONAL EDUCATIONAL PROCESS AT TECHNICAL UNIVERSITY.

The problem of content and language integrated approach in teaching post-graduate students of technical university is raised. Particular attention is paid to lecturing on special subjects in English. The results of the research of the structural organization of an educational and scientific lecture are presented, the pragmatic settings of the author and their purposes, linguistic connectors of semantically diverse structural components of a lecture are considered. The justification of the significance of the results obtained for lecturing in English by lecturers of special disciplines, for the perception and understanding of lectures by students is given.

Keywords: educational-scientific lecture, content and language integrated learning, professional foreign-language communicative competence, structural-semantic component of a lecture, pragmatic setting.

ДЛЯ ЗАЎВАГ

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я.В. Рубанава

Тэхнічны рэдактар *А.Л. Пазнякоў*
Камп'ютарны набор і вёрстка *А.Л. Пазнякоў*
Карэктар *Г.В. Карпянкова*

Падпісана да друку 14.08.2018 г.
Фармат 70х108^{1/16}. Папера афсетная. Гарнітура Arial.
Ум.-друк. арк. 10,85. Ул.-выд. арк. 12,1. Тыраж 100 экз. Заказ 5314.

Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.А. Куляшова”, 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.

Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
“Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собаля”
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў